

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 1 2023 (ЯНВАРЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

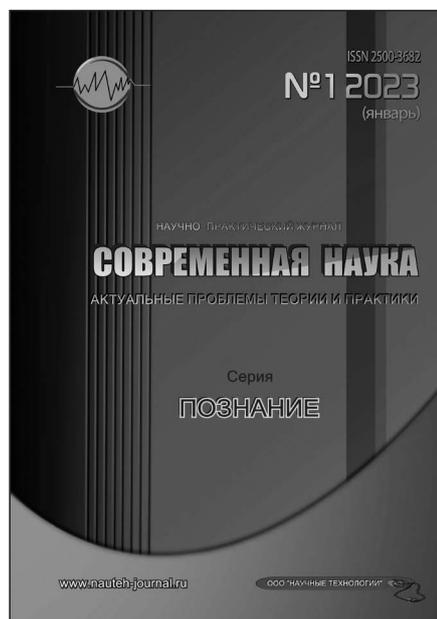
Подписано в печать 10.01.2023 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание №1 (январь) 2022 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 5.3.x, 5.7.x, 5.10.x)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филол.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филол.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — д.филол.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филол.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филол.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филол.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филол.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н., доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филол.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филол.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр Михайлович — д.псх.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филол.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

Ализаде Аббасага Фазиль – Психологическая драма в кинематографе
Alizade Abbasaga Fazil – Psychological drama in cinema 5

Гапоненко Т.Н. – Методические указания к изучению Сонаты Ля мажор К.331 В.А. Моцарта
Garopenko T. – Methodical guidelines for studying of Mozart Sonata in A major K.331 8

Зайцева С.А. – Мотивы театра в произведениях Довлатова и писателей двадцатых годов XX столетия
Zaitseva S. – The motives of the theater in the works of Dovlatov and writers of the twenties of the twentieth century 20

Комиссаренко С.С. – Семья как предмет культурологического осмысления
Komissarenko S. – The family as a subject of cultural reflection 25

Костюк Е.Б. – Индексальные знаки элитарной музыкальной культуры XX-XXI веков
Kostyuk E. – Index signs of elite musical culture of the XX-XXI centuries 30

Мяо Цзяньчжун – Иллюстрации в учебниках изобразительного искусства в китайской начальной школе: композиция, стилистика, социокультурный контекст
Miao Jianzhong – Illustrations in textbooks of arts in a Chinese elementary school: composition, stylistics, socio-cultural context 34

Си Цзюньфэй – Особенности толкования термина «фестиваль» в российской и китайской научной литературе
Xi Junfei – Peculiarities of interpretation of the term "festival" in Russian and Chinese scientific literature 43

Цзян Чэнь – Исследование развития традиционной музыки этнических меньшинств в речном бассейне реки Амур в России
Jiang Chen – A study of the development of traditional music of ethnic minorities in the Amur river basin in Russia 48

Психология

Бергфельд А.Ю., Формакидов Д.А. – Обращение студентов-юристов за профессиональной психологической помощью: ориентиры исследования
Bergfeld A., Formakidov D. – Application of law students for professional psychological help: research guidelines 51

Березанцев А.Ю., Батуева Н.Г., Тудупова Т.Ц. – Вопросы суицидального поведения у детей и подростков
Berezantsev A., Batueva N., Tudupova T. – Issues of suicidal behavior in children and adolescents 54

Ворожейкин С.А. – Соотношение представлений о военной службе и субъективного благополучия курсантов войск национальной гвардии Российской Федерации
Vorozheikin S. – Correlation of ideas about military service and subjective well-being of cadets of the National Guard troops of the Russian Federation 60

Григорьян М.Р. – Акмеологические аспекты медицинской деятельности. Взаимосвязь и взаимовлияние уровня профессионализма и личностных особенностей медработника в деятельностном и правовом поле
Grigoryan M. – Acmeological aspects of medical activity. Interrelation and interaction of the level of professionalism and personal characteristics of a health worker in the activity and legal field 68

Колесникова Г.Ю., Ткач Е.Н. – Исследование личностных особенностей студентов с нарушениями двигательной сферы врожденного и приобретенного генеза в процессе их профессионального самоопределения <i>Kolesnikova G., Tkach E.</i> – Research of personal characteristics of students with disturbances of the motor sphere of the congenital and acquired genesis in the process of them professional self-determination	73
Лю Синьсинь – Психологические аспекты эффективной предпринимательской деятельности <i>Liu Xinxin</i> – Psychological aspects of effective entrepreneurship	79
Рядинская Е.Н., Волобуев В.В., Чабелец Е.Н. – Психокоррекция трудовой мотивации у сотрудников телекоммуникационной сферы <i>Ryadinskaya E., Volobuev V., Chabelets E.</i> – Psycho-correction of work motivation in telecommunications employees.....	83
Сулеева Г.С., Есетова А.Т., Аркабаева Г.С. – Психологические аспекты, оптимизирующие процесс развития креативности <i>Suleeva G., Yessetova A., Arkabayeva G.</i> – Psychological aspects optimizing the process of creativity development	91
Чернышев В.П., Тимошков Е.В., Варнина А.С., Аванесов В.С. – Психологическая коррекция структуры мотивации в связке «учитель – ученик» в процессе обучения по физической культуре в вузе <i>Chernyshev V., Timoshkov E., Varnina A., Avanesov V.</i> – Psychological correction of the motivation structure in the "teacher - student" bundle in the process of studying physical culture at the university	95

Чижова К.И. – Детско-родительские отношения в ситуации высококонфликтного развода <i>Chizhova K.</i> – Child-parent relationships in a highly conflicted divorce situation.....	99
---	----

Шевченко А.О., Вартанов А.В. – Вызванный артикуляторный ответ при внутреннем и внешнем проговаривании <i>Shevchenko A., Vartanov A.</i> – Evoked articulatory response during internal and external speech.....	108
---	-----

Философия

Скопа В.А. – Научные взгляды князя М.М. Щербатова: из истории философской мысли <i>Skopa V.</i> – Scientific views of Prince M.M. Shcherbatov: from the history of philosophical thought	112
--	-----

Яценко М.П., Максимов С.В., Равочкин Н.Н., Высоцкая А.В., Рахинский Д.В. – Роль новейших цифровых технологий в трансформации социального пространства <i>Yatsenko M., Maximov S., Ravochkin N., Vysotskaya A., Rakhinsky D.</i> – The role of the latest digital technologies in the transformation of social space.....	117
--	-----

Информация

Наши авторы. Our Authors.....	122
Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале.....	124

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДРАМА В КИНЕМАТОГРАФЕ

PSYCHOLOGICAL DRAMA IN CINEMA

A. Alizade

Summary: The purpose of this article is to consider such genres of cinema as psychological drama and expressionism on the example of German cinema. It is noted that the image of the main forms of manifestation of the human personality from the point of view of action is a drama. Drama and expressionism in cinema gained their popularity by showing emotions, expressions, anxiety, indignation and everything that a person experiences inside. This conclusion is illustrated by specific examples of paintings in which the drama in the style of expressionism was really reflected and developed. The popularity of the drama is explained by the author of the rich inner world of the characters, whose experiences and feelings arouse genuine interest in the audience. At the same time, the conclusion is drawn that drama in the style of expressionism at the present stage of development of cinema is almost never produced, however, it is this genre that is the basis of the global film industry and finds its manifestations in one or another picture. Expressionism is evaluated very positively due to the fact that it emphasizes the feelings and emotions of the hero, creates the necessary environment to reflect the spectrum of his experience. The author states that today all genres of cinema are gaining wide popularity in the world, but the drama occupies a special place in the global film industry. Against this background, the genre of drama and expressionism laid the foundation for most other genres of cinema and made it possible to create absolute masterpieces that act as the basis for the emergence of new genres and individual films.

Keywords: cinema, drama, expressionism, human, emotions, psychology, human problems, genre.

Ализаде Аббасага Фазиль

Докторант, Азербайджанский государственный университет культуры и искусств,
г. Баку

abbasaga.elizade.1995@mail.ru

Аннотация: Целью настоящей статьи является рассмотрение таких жанров кинематографа, как психологическая драма и экспрессионизм на примере немецкого кино. Отмечается, что изображение основных форм проявления человеческой личности с точки зрения действия представляет собой драму. Драма и экспрессионизм в кино получили свою популярность за счет показа эмоций, экспрессий, тревоги, возмущения и всего того, что внутри испытывает человек. Данный вывод иллюстрируется конкретными примерами картин, в которых драма в стиле экспрессионизма действительно получили свое отражение и развитие. Популярность драмы объясняется автором богатым внутренним миром героев, переживания и чувства которых вызывают у зрителей неподдельный интерес. В то же время, формулируется вывод о том, что драма в стиле экспрессионизма на современном этапе развития кино почти не производится, однако именно такой жанр заложен в основу мировой киноиндустрии и находит свои проявления в той или иной картине. Экспрессионизм оценивается весьма положительно в связи с тем, что подчеркивает чувства и эмоции героя, создает необходимую обстановку для отражения спектра его переживания. Автор констатирует, что сегодня все жанры кино приобретают широкую популярность в мире, однако драма занимает в мировой киноиндустрии особое место. На этом фоне, жанр драмы и экспрессионизм заложили основу для большинства иных жанров кино и позволили создать абсолютные шедевры, выступающие в качестве основы для появления новых жанров и отдельных кинолент.

Ключевые слова: кино, драма, экспрессионизм, человек, эмоции, психология, человеческие проблемы, жанр.

В качестве ключевого критерия в произведении киноискусства выступает то, что она раскрывает не сколько конкретное действие, сколько внутренние переживания человека, его состояние. Говоря иначе, она является отражением того, какие именно и сколько переживаний есть внутри героя того или иного фильма и каким образом герою приходится преодолевать себя. Это позволяет сделать вывод о том, что ключевая цель драмы состоит в том, чтобы отразить массив и истину страстей.

Направления экспрессионизма в рамках киноискусства получили свое развитие намного позже, чем в иных видах искусства. Предпосылки данного направления можно наблюдать в некоторых лентах, датированных 1910 годом, но уже в 1920-х годах наблюдается его полное угасание, которое продлилось вплоть начала Третьего рейха. К числу представителей анализируемого периода времени стоит отнести таких деятелей, как Ф.В. Мурнау, Ф. Ланг, Р. Вине, П. Вегенер, П. Лени и

некоторых иных. Стоит отметить, что толчком для развития экспрессионизма в рамках берлинского кино, стал проигрыш в Первой Мировой войне. Более того, немецкое искусство нередко переживало времена изоляции, что также выступило предпосылкой для развития драмы, так как в кинолентах создатели стремились отразить печаль, тревожность и иной спектр эмоций [4, с.56].

Известно, что драма дифференцируется на два основных направления, среди которых выделяют социально-психологическое направление и лирико-психологическое направление соответственно. Особую популярность имеет такой жанр драмы, как психологическая драма, сюжет которой основывается на жизненных перипетиях главного героя, поиске ответов и противоречиях. Отметим, что психологическая драма имеет буржуазную направленность, ибо только буржуа уверены в том, что их внутренний мир достаточно богат и представляет значительный интерес для других.

Представляется вполне естественным, что драма в кино существенно отличается от драмы, которая существует в литературе. В частности, отличие состоит в том, что кино появилось позже литературы и отражается драма в нем иначе, не так, как драмы прошлого из книг.

Режиссер и писатель выступает в качестве самостоятельного творца произведения, а в основе драмы он описывает мысли героев со своей позиции. Психологический жанр в кино представляется возможным, так как отразить внутренние переживания героев через художественные средства, применяемые в кино, вполне возможно и достаточно давно практикуется. На территории нашей страны жанр психологической драмы в кино получил свое развитие примерно в 50-х годах прошлого века.

В настоящее время жанр психологической драмы получил достаточно широкое распространение и имеет эффектный, ярко выраженный социальный характер. Его популярность обусловлена тем, что в период жадности и скупости человеческой души, беспрецедентного хамства и жестокости, интерес представляют светлые душевные порывы героев кино и их чистые помыслы, которые сегодня являются такой редкостью. Полагаем, что именно поэтому жанр драмы в мировой киноиндустрии является одним из наиболее популярных, более того, такая ситуация имело место и ранее, так как исторический экскурс показывает, что драма является наиболее старым жанром данного вида искусства.

Известно, что с анализируемым жанром работали такие достаточно известные режиссеры, как К. Занусси, И. Бергман. Психологическая драма е случайно рассматривается как достаточно специфический жанр, в котором главная проблема героини или героя состоит в том, чтобы исследовать все свои взаимоотношения с объективной действительностью, провести анализ того времени и той ситуации, в которой герой оказался. Очевидно, что два основных направления, которые сегодня выделяют в драме, достаточно тесно связаны с психологическими аспектами личности главного героя [2, с.131].

В 1920-х годах, особой популярностью стали обладать истории, связанные с предательством, криминалом и безумием. Однако на территории Германии действовал военный запрет на показ зарубежных фильмов, в связи с чем, берлинские киностудии создавали свои фильмы, причем в достаточно больших количествах, однако бюджет таких картин, как правило, был весьма скромным. Позже стали развиваться и направления экспрессионизма, так как ранее уже было отмечено, что свое развитие данное направление получило несколько позже, по сравнению с иными направлениями и жанрами. Ярким примером является фильм «Кабинет доктора Калигари». Так, в этой картине освещается психическое состояние главного героя, охватывающего чувство страха и опас-

ности, но передается данное чувство стильными декорациями, имеющими интересные геометрические пропорции и деформации. Затем это было использовано и в иных фильмах, в которых стали применять различные гротескные пространственные искажения, а также контрасты в освещении, что придавало, кроме прочего, характерные тени и пугающие силуэты. В «Носферату» (1922 года) к арсеналу уже существующих и описанных выше приемов также добавили использование негативов и ускоренный показ ряда кадров. Полагаем, что это позволило отразить двойственность человека, а также показать в нем зло, порождающее социальный апокалипсис [6, с.173].

Во второй половине 1920-х гг. экспрессионизм стал достаточно тесно связан с традициями реализма и впоследствии реализм его и затмил. В связи с этим, экспрессионизм является временным явлением и течением, которое стало детищем культурных и социальных противоречий, распространенных в межвоенной Германии. В свою очередь, стабильность, которая позже в этой стране наступила, сделала экспрессионизм чуть менее актуальным, так как такое восприятие реальности утратило свою былую значимость. Уже в самом начале 1930-х годов экспрессионизм полностью умирает, как умирают и те исторические условия, которые были предпосылкой его существования и создания.

Одновременно с этим, черты данного направления вполне можно увидеть в творчестве отдельно взятых творческих групп. Например, «черное кино» в США или, например, движение поэтического реализма во Франции и является ярким примером направления подобного рода. Также некоторые черты данного направления можно увидеть в трудах Ингмара Бергмана, Федерико Феллини, Андрея Тарковского и некоторых иных режиссеров [5, с.187]. В качестве ключевых признаков экспрессивного кинематографа выступают такие признаки, как новый подход к использованию камеры, а также ряда визуальных методов, ранее в кинематографе не использованных. Например, это павильонные съемки, суть которых состоит в том, что действие проходит в замкнутом пространстве, а пространство выглядит таким образом, что все представления о действительности становятся искаженными.

Возвращаясь к анализу драмы, стоит отметить, что в XX и XXI веке этот жанр автономно воплотился в новых темах, что породило возникновение вспомогательных жанров, например, историческая драма или драма криминальная. Известно, что криминальная драма имеет достаточно широкую популярность на современном этапе развития, а в основу сюжетной линии заложена жизнь и деятельность различных банд и группировок, равно как деятельность правоохранителей по борьбе с ними. Что касается такой драмы, как драма историческая, то такой

жанр также весьма распространен на практике, а под-разумевать под ним стоит фильмы, освещающие ту или иную историческую эпоху или историческую личность. Стоит отметить, что этот жанр настолько объемлен и многогранен, что его можно разделить сразу на несколько разновидностей:

Во-первых, это вестерн, образующий приключения в стиле Дикого Запада XIX века. Во-вторых, это истерн, который представляет собой фильм о событиях Гражданской войны в СССР, а действия происходят на Востоке страны. В-третьих, это фильм шпаги и плаща, что представляет собой фильм о пиратах и мушкетерах, для которых обязательны фехтовальные поединки. Также выделяют пеплум (фильмы о событиях до нашей эры), тямбару (фильмы о самураях) и усю (китайские фильмы) [1, с.264].

Отдельно стоит отметить подростковую драму, которые появились лишь в 90-х годах прошлого века, а причиной такого появления стало то, что продюсеры в полной мере осознали, что подростки образуют собой целевую аудиторию, имеющую свои проблемы, которые вполне можно осветить средствами кинематографии.

Возвращаясь к фильмам, созданным в духе экспрессионизма, которые вышли в свет уже после 1920 года, отличались своеобразием и яркостью, а также они имели достаточно яркую линию преемственности с работами Р. Вине. Стоит отметить, что данная линия достаточно четко просматривается в техническом, а также тематическом и художественном аспекте. В указанном аспекте интерес представляет точка зрения З. Кракауэра, кото-

рый разделил все фильмы данного жанра на несколько основных направлений [3]:

1. галерея тиранов;
2. судьба;
3. бессловесный хаос.

Стоит отметить, что рожденная еще до появления экспрессионизма тема тирании достаточно часто находилась в работе у немецких режиссеров. Так, они с большой охотой освещали страдания, которые возникали на фоне существующей тирании, однако высказывается точка зрения о том, что они хотели заклеить те страсти, которые уже существовали в обществе в этот период. Неизвестно, является ли совпадением то, что уже 10 лет нацисты активно применяли те пытки, которые были изображены на немецком экране. Ярким примером такого фильма является фильм Ф. Ланга «Усталая смерть». Кроме того, нельзя не отметить и то, что все изобретения и достижения всех немецких экспрессионистов в указанной сфере выступили в качестве основы и достояния всей мировой культуры в целом. На этом фоне продолжают жить и получать новое развитие, что требует от них адаптации к совершенно иным условиям объективной действительности.

Таким образом, все жанры кино приобретают широкую популярность в мире, однако драма занимает в мировой киноиндустрии особое место. На этом фоне, жанр драмы и экспрессионизм заложили основу для большинства иных жанров кино и позволили создать абсолютные шедевры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агафонова Н.А. Общая теория кино и основы анализа фильма / Н.А. Агафонова. - Минск: Тесей, 2008. – 392 с.
2. Агеев В. Семиотика театра, кино и телевидения. // Семиотика / В. Агеев. - М.: Весь мир, 2012. – С. 123-137.
3. Арабов Ю. Кинематограф и теория восприятия. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://ramafond.ru/uchebniki-kinodramaturgii.htm>. (Дата обращения: 22.11.2022)
4. Зингерман Б.И. Очерки истории драмы XX века. / Б.И. Зингерман. - М, 1999. – с. 127
5. Русский авангард 1910–1920-х годов и проблема экспрессионизма / Отв. ред. Г.Ф. Коваленко; Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ. – М.: Наука, 2003. – с. 234
6. Филиппов С. Киноязык и история. Краткая история кинематографа и киноискусства / С. Филиппов. - М.: Клуб «Альма Анима», 2016. – 208 с.

© Ализаде Аббасага Фазиль (abbasaga.elizade.1995@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ К ИЗУЧЕНИЮ СОНАТЫ ЛЯ МАЖОР К.331 В. А. МОЦАРТА

Гапоненко Татьяна Николаевна

Профессор, Заслуженный артист РФ, Академия хорового искусства имени В.С. Попова
tatiana.gapo@yandex.ru

METHODICAL GUIDELINES FOR STUDYING OF MOZART SONATA IN A MAJOR K.331

T. Gaponenko

Summary: In the following paper we are presenting a methodological performance analysis of the popular Sonata in A major K331 of the great Austrian composer Mozart.

The issue of an author's text reading is important and quite diverse. Without claiming to cover all the aspects, the author of this paper is elaborating thoroughly enough on the style peculiarities of Mozart's music particularly in this Sonata, including the intonation, dynamics, articulation, ornamentation, the use of pedal, form analysis and other components.

Keywords: Mozart's style, variations form, music.

Аннотация: В данной работе представлен методический анализ к исполнению популярной Сонаты Ля мажор Кёхель 331 великого австрийского композитора В.А. Моцарта.

Проблема прочтения авторского текста актуальна всегда и весьма разнообразна. Автор работы, не претендуя на всесторонний охват данной проблемы, достаточно подробно останавливается на стиливых особенностях музыки Моцарта в этой Сонате, вопросах интонирования, проблемах динамики, артикуляции, орнаментики, употребления педали, анализе формы и других составляющих.

Ключевые слова: стиль В.А. Моцарта, форма вариаций, музыка.

П риступая к изучению Сонат для фортепиано В. Моцарта, учащийся обязательно должен иметь представление об основных стиливых особенностях творчества композитора. Не зная принципов музыкального мышления Моцарта, невозможно выбрать точные средства выразительности: определить меру динамики и экспрессии, метrorитмической пульсации, темпа, агогики и т.п., то есть стилистически верные исполнительские приемы.

«Стиль «осуществляется» в музыкальном тексте произведения. Образующие этот текст составляющие, обозначаемые понятиями мелодия, гармония, полифония, фактура, оркестровка, форма или «параметрами» высотность, ритм, тембр, динамика, артикуляция, — это ...звучащее содержание, воплощение результатов музыкального мышления композитора» (9).

Музыка Моцарта являет собой гомофонно-гармонический музыкальный стиль. **«В отличие от полифонического изложения (типа письма И.С. Баха) фактура раннего классицизма характеризуется заметно выраженной дифференциацией партий отдельных рук»** — отмечает А. Алексеев в своем труде «История фортепианного искусства». (2)

В сравнение с фортепианными произведениями И. Гайдна, сонаты и концерты Моцарта более развиты в виртуозном отношении. Мелодически-вокальное нача-

ло в его творчестве значительно богаче, чем у Гайдна. Напомним, что Моцарт прежде всего оперный композитор, что принципиально по-иному решает вопросы интонирования мелодики.

«Лирико-поэтическое обобщение, выступающее во многих фортепианных произведениях композитора как новое качество, отличающее их от сочинений И. Гайдна, осуществляется обычно наиболее непосредственно и действительно через мелодию» (2) Лирико-поэтическое обобщение — один из важнейших стиливых признаков музыки Моцарта. Обилие разнохарактерных мелодий, требующих выразительного интонирования, ставит в фортепианных сонатах композитора очень серьезные задачи перед исполнителем.

К весьма важным стиливым чертам следует отнести симфоничность мышления Моцарта и вследствие этого оркестровый колорит письма, который заключен в самой фактуре фортепианных произведений. В звучании более поздних сонат можно услышать тембры инструментов симфонического оркестра: яркое звучание труб, нежный звук флейты, тремоло литавр и т.д. Обязательное требование для интерпретатора сонат - найти, услышать колорит определенного инструмента, заставить звучать фортепианную фактуру интереснее и богаче.

Как было сказано, наивысшие достижения Моцарта связаны с оперным жанром. Это обстоятельство существенно повлияло на его клавирное творчество, прежде

всего в вокально-речевых интонациях фортепианных сонат.

Музыке Моцарта в высокой степени присуща театральность, «зримость» музыкальных образов. Мы можем привести аналогию обильных контрастных мелодий его произведений с масками комедий del arte. Каждая тема сонатного allegro (или вариация в вариационной форме) — это словно своеобразный выход новой маски, нового действующего лица. Но по законам комедии del arte, действующие лица, являясь участниками одного действия, характера своей маски не меняют. Аналогичную ситуацию мы видим и в музыке Моцарта: его темы сохраняют свое лицо, и в результате музыкального развития они не трансформируются (как, к примеру, это часто происходит у Бетховена).

Важная стилистическая особенность связана с определением метроритмической пульсации в произведениях Моцарта, ведь метроритм в творчестве венских классиков является одним из главных формирующих средств. Вместе с тем наряду с мелодией, гармонией, полифонией, фактурой метроритм играет существенную роль в выражении музыкального образа. Чтобы **«...пережить, воспринять и воспроизвести неисчислимое множество различных видов музыкального движения, которое мы нередко определяем словами, лишней раз свидетельствующими о моторной и эмоциональной основе ритмического чувства: мы говорим, скажем, о том, что музыкальное движение носит характер активный, плавный, порывистый, спокойный, широкий, прерывистый, легкий, тяжелый, гибкий, взволнованный, чеканный, текучий, торжественный, упругий, суровый, окрыленный, застывший...» (4)**

Поэтому педагогу следует разъяснить ученику важнейшую роль метроритма и темпа для выявления характера музыки, образного строя в Сонатах Моцарта. Определение нужного темпа, гибкой агогикой — одна из самых трудных задач для исполнителя.

Необходимо осознание учеником роли гармонии в строении фраз, предложений, периодов, частей, всей формы сочинения, ведь в произведениях венских классиков гармония и форма тесно взаимосвязаны.

Стоит особо отметить, что для стиля Моцарта более всего характерны периодичность и симметричность построений. Чаще всего это восьми — шестнадцатитактные предложения или периоды, завершающиеся полными или неполными кадансами. Присущие гармоническим функциям устойчивость и неустойчивость участвуют в создании всех музыкальных структур. Поэтому, проводя с учеником гармонический анализ, необходимо верно определить все кульминации как небольших построе-

ний, так и всего произведения. В связи с этим рекомендуем обратить внимание учащегося на напряженность доминантовой функции и ее разрешение в тонику, так как именно этот гармонический оборот чаще всего свидетельствует о достижении какой-либо кульминации. Важно точно определить степень динамической напряженности, имея в виду неоднозначность всех кульминаций сочинения в целом. Ученик должен ясно представлять места локальных и главной кульминаций отдельных частей и всего произведения.

Поскольку гармонический язык Моцарта строится, в основном, по принципу функциональности, роль колорита в гармонии незначительна и проявляется только в особых случаях. И на такие подробности также необходимо обращать внимание ученика.

Работая с ним над какой-либо сонатой, отмечая интересные детали, следует акцентировать его внимание на типичных и закономерных явлениях в творчестве композитора. Такие акценты фиксируют внимание ученика на стилевых вопросах, что в конечном итоге, каждый педагог обязан делать для воспитания чувства стиля и знания стилевых особенностей музыки того или иного автора.

В связи с этим очень важную роль приобретает проблема точного и грамотного прочтения текста сонат. Для этого остановимся на таких важных исполнительских аспектах, как артикуляция, динамика, украшения, педагогизация.

Артикуляция. Напомним, что лиги, выставленные самим Моцартом, имели разное значение. Вот какую трактовку его лиг предлагают Е. и П. Бадура-Скода:

- 1. Указывают на legato, относящиеся к сравнительно длинной мелодической линии; Моцарт, опираясь на старые традиции, записывал большей частью такого рода лиги лишь потактно;**
- 2. Обозначают также, что два или три, а возможно, и четыре звука надо объединить, причем последнюю ноту сыграть коротко, отчленив от последующей; подобные лиги очень часто стоят над нотами мелкой длительности; мы называем их «артикуляционными лигами»(3).**

Таким образом, у Моцарта легатная лига, в отличие от артикуляционной, не требует отчленения от следующей за ней ноты (подчеркнуто мною - Т.Г.). К этим указаниям надо отнестись со всей внимательностью. Нам представляется очень существенной проблема прочтения лиг в произведениях Моцарта. Все лиги композитора означают смысловое объединение нот, но в каждом конкретном случае следует рассматривать, что оно означает в данной ситуации. Если в конце лиги Моцарт ставит точку, то становится очевидным указание снимать руки

после этой лиги. Если же такой точки нет, то в одних случаях такие лиги не требуют перерыва, а в других же лиги толкают нас на расчлененность. В каждом конкретном случае проблема лиг возникает заново и нуждается в подробном анализе. Там же, где лиги не обозначены, как отмечают Е. и П. Бадур-Скода, предполагается связанная игра, но очень отчетливым звуком, как будто *non legato*. Напомним, что фразировочные лиги сам Моцарт не проставлял. И, если мы встречаем их в тексте, то это - результат работы редакторов.

В редакции А.Б. Гольденвейзера обращает на себя внимание два способа записи звуков на *staccato*: точками и клинышками. Известно, что при расшифровке записи фортепианных сочинений Моцарта, музыковеды пришли к разным точкам зрения в решении проблемы записи Моцартом знаков *staccato*. Сторонники одной версии полагают, что композитор пользовался точками (.) и черточками (|), которые в современном начертании выглядят как клинышки (v). Эти знаки позволяют композитору различать качество штриха *staccato* - очень легкого, острого и более тяжелого. Приверженцы другого подхода считают, что черточки - результаты небрежной, беглой записи, и Моцарт ставил только точки. А.Б. Гольденвейзер полагает, что нужно дифференцировать качество *staccato*, поэтому он проставляет в тексте и точки, и клинышки. Таким образом, каждый исполнитель, пользующийся редакцией Гольденвейзера, имеет возможность, опираясь на свои знания и вкус, выбирать: до какой степени обострить или утяжелить *staccato*.

Напомним, что Моцарт никогда не употреблял слово *legato*. В каждом конкретном случае, где это требовалось, он выписывал короткие потактные лиги. И, если в тексте мы встречаемся со словом *legato*, следует помнить, что это исключительно редакторская ремарка.

Известно также, что Моцарт никогда не пользовался знаком <(акцент), он употреблял в необходимых случаях обозначение: *sforzato*.

Необходимо обратить наше внимание и на термин *colando*. Для Моцарта этот термин означал только «тише», но не «медленнее». В некоторых редакциях этот же термин *colando* теряет своё первоначальное значение. Так, В. Барток понимает его иначе: не только «тише», но и «медленнее», поскольку после указания он вписывает в текст указание *al tempo*. С исторической точки зрения это неверное употребление термина.

ДИНАМИКА. Вспомним, что Моцарт - ярчайший представитель гомофонно-гармонического стиля, и динамика в построении фраз музыки этого стиля совершенно естественна, так как находится в теснейшей зависимости от логики гармонического развития, от функциональных напряжений и разрешений.

Большой интерес представляет точка зрения Е. и П. Бадур-Скода: **«Его (Моцарта — Т.Г.) динамика, более того, динамика его эпохи, несет в себе скорее рисунок, чем краску, *f* и *p* противопоставлялись как «свет и тень», говоря языком тогдашней эстетики» (3).**

Опираясь на указания Е. и П. Бадур-Скода, следует всегда помнить в работе над произведениями Моцарта: 1) Нельзя сглаживать динамические контрасты. Если мы встречаем у Моцарта указания *p* и *f*, нельзя явно делать ослабление или усиление звука, тем самым подготавливая эти нюансы.

Весь смысл моцартовских динамических указаний в их внезапности. Разумеется, это не исключает, а обязательно предполагает выразительное интонирование в пределах каждой динамической зоны. Динамические переходы у Моцарта встречаются редко, и, если он хочет эффекта *crescendo* или *diminuendo*, то специально выставляет эти ремарки. Это - второе положение, которое необходимо знать в аспекте динамики.

Подтвердим сказанное небезынтесной цитатой Е. и П. Бадур-Скода: **«Динамические переходы встречаются у него гораздо реже, чем это представляется нам теперь; к тому же Моцарт почти всегда в таких случаях помечал <или>. Применявшиеся в XVIII веке в практике Мангеймской школы длинное *crescendo* - эффект, которым Моцарт пользовался редко, но «с педантичной точностью обозначал» (3).**

УКРАШЕНИЯ. В произведениях Моцарта мелизмы - трели, форшлаги, группетто, морденты - играют значительную роль, они помогают распевать голос, насыщать его интонационность.

Сам Моцарт, за исключением отдельных примеров, не оставил правил расшифровки украшений, поэтому возникают сложности в решении рассматриваемого вопроса. С одной стороны, безусловно, следует придерживаться старинных принципов, применяемых с баховских времен. С другой - расшифровывать украшения нужно и по новым, свойственным романтизму, правилам. Иными словами, возможны различные варианты. Так, например, трель чаще всего следует исполнять с верхней вспомогательной ноты (т. е. по старинным правилам). Однако, такой прием расшифровки отнюдь не всегда обязателен: в случаях, когда не следует нарушать линию мелодического голоса, лучше начинать ее с основного звука. Но долгие трели на кадансах рекомендуется начинать с верхнего вспомогательного тона.

Тщательно анализируя текст редакций А.Б. Гольденвейзера и К. Мартинсена - В. Вайсмана, можно прийти к выводу, что Моцарт там, где он считает необходимым, сам вписывает в текст заключение трели-нахшлаг (нем.

nachschlag), поэтому, если заключение трели не вписано, то лучше его и не исполнять.

Напомним очень ценное указание А.Б. Гольденвейзера о форшлагах в произведениях Моцарта. В своей статье «О редактировании» А.Б. Гольденвейзер пишет: **«...как надо играть украшения у старых мастеров? Во многих изданиях украшения изображены не так, как их написал автор. Моцарт за всю жизнь не написал ни одного короткого форшлага, не определив с точностью до шестидесятчетвертой, с какой скоростью он должен исполняться. К сожалению, в подавляющем большинстве изданий его произведений пишут обычные короткие форшлагги» (7)**, между тем, как Моцарт пишет форшлаг точно: четверть или восьмая; если он перечеркивает форшлаг один раз, то это шестнадцатая, если два - то тридцатьвторая, три раза - шестидесятчетвертая». Желательно, чтобы учащиеся знали особенности записи форшлаггов самим Моцартом и понимали, как следует их исполнять.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ПЕДАЛИ. По сравнению с нынешними фортепиано звучность инструментов при жизни Моцарта была значительно более тонкой и хрупкой.

Фортепиано того времени в меньшей степени позволяло звукам сливаться, на нем более просто можно было добиться «жемчужной» (perle) игры.

Известно также, что Моцарт любил пользоваться коленным рычажком - слабым подобием современной правой демпферной педали, но нужно отметить, что и с поднятыми демпферами эти инструменты звучали значительно слабее и прозрачнее современных.

Безусловно, правы Е. и П. Бадур-Скода, считая проблему педализации в фортепианных сочинениях Моцарта одной из сложнейших. Действительно, исполнение произведений композитора требует очень точной и частой смены педали в зависимости от темпа, туше исполнителя, акустики и т. д. Звучание пауз в подавляющем большинстве случаев не затушевывается педалью, звуки на staccato и non legato тоже. В отчетливо произносимых пассажах шестнадцатых, чтобы не «размыть» контуров мелодической линии, педалью можно пользоваться очень осторожно и лишь изредка для подчеркивания сильных долей и создания определенной краски. Важно, чтобы исполнитель научился тонкой и разнообразной педализации: чтобы педаль не перегружала звучность, не затушевывала чистую и выразительную артикуляцию. Думается, что оптимальным вариантом будет неглубокое нажатие педальной лапки, так называемая неполная педаль.

Заканчивая обзор проблемы стильного исполнения произведений Моцарта, хочется еще раз подчеркнуть

необходимость создания ис-полнителем того особого колорита фортепианного звучания, которое присуще только Моцарту и которое можно определить как лирико-поэтическое обобщение или лирико-поэтическая дымка. В этом принципиальная разница между стилями Гайдна и Моцарта.

Итак, знания такого рода закономерностей письма композитора, помогут формировать у ученика чувство стиля, чувство стилевых особенностей.

В равной степени для более глубокого проникновения в сущность музыки композитора необходимо знать и характерные черты данного периода творчества. Поэтому прежде, чем анализировать подробно Сонату Ля мажор, обратимся ко времени ее написания. Известно, что она принадлежит к так называемым парижским сонатам, которые создавались Моцартом в 70-х - 80-х годах.

Группа парижских Сонат: ля минор (К.310), До мажор (К. 330), Ля мажор (К. 331), Фа мажор (К. 332), С-бемоль мажор (К. 333) – вершина клавирного творчества Моцарта.

В 1877 году, за год до поездки в Париж, Моцарт побывал в Мангейме. Как известно, знакомство с мангеймской школой, с ее высокоразвитым исполнительским симфоническим искусством произвело на Моцарта неизгладимое впечатление. Расширение формы сонатного allegro, очень контрастная и частая смена настроений и образов, большие динамические нарастания и затухания звучности, знаменитые мангеймские «вздохи», богатое развитие мелодии с легким pizzicato аккомпанемента привлекли пристальное внимание композитора. В фортепианных произведениях этого, да и более позднего периодов мы часто обнаруживаем влияние мангеймцев.

Отметим возросшие размеры сонат для фортепиано. В сонатном allegro и финальных рондо мы видим уже не отдельные темы со связующими группами, как в более ранних сонатах, а целые тематические комплексы, для которых очень характерна внезапная смена настроений. Появляется частое чередование f и p, «мангеймские вздохи».

Другой признак влияния мангеймцев, который, кстати, уже проявился в более ранних мюнхенских Сонатах - оркестральность клавирного стиля Сонат этого периода (К. 309, 310, 311 и далее). Фортепианная фактура приобретает большую массивность звучания, чаще используются приемы, характерные для струнных инструментов: ломаные октавы, сексты, септимы, имитация оркестрового tremolo, компактное «звучание» духовых инструментов, pizzicato виолончелей и контрабасов.

Парижский период творчества знаменуется значительно возросшим композиторским мастерством Мо-

царта. Здесь необходимо рассмотреть и отметить один очень существенный факт, который говорит нам о выходящем вкладе Моцарта в развитие сонатного жанра.

Когда мы обращаемся к фортепианному творчеству его великого современника - И. Гайдна, то видим, что Гайдн, работая над циклической сонатной формой и сонатным *allegro* в 70—80 гг., не ставил перед собой целью индивидуализировать каждую из сонат. Поэтому мы говорим о характерных чертах целого ряда сочинений Гайдна, написанных в один и тот же период, то есть налицо процесс типизации.

Рассматривая ранние сонаты Моцарта, мы тоже находим в них схожесть друг с другом, т.е. момент их типизации выражен по-прежнему ярко. Но когда мы обращаемся к сонатам парижского периода, то становится очевидным, что перед нами новые, индивидуальные решения сонатного жанра.

Все пять фортепианных Сонат чрезвычайно разные по образному строю и оригинальны по композиционному воплощению. Можно сказать, гениальность Моцарта проявилась и в том, что он сделал решительный шаг в сторону индивидуализации клавирно-фортепианной сонаты. Именно по такому пути пойдет Бетховен, создавая свои 32 сонаты.

Обратимся теперь к исполнительско-методическому анализу Сонаты Ля мажор (К. 331). Эта соната — в числе наиболее часто исполняемых в фортепианных классах музыкальных училищ и даже детских музыкальных школ. Соната сочинена в 1779 году. Примерно к этому времени относится появление трех циклов вариаций К. 264, К. 265, К. 353.

Эти вариации представляют собой пестрый ряд пьес с гаммами, ломаными арпеджио, их скорее можно называть этюдами на различные виды техники. Мы видим, что в этот период Моцарт увлеченно разрабатывает разнообразные виды фортепианной фактуры. Но в это же время его, по-видимому, очень занимает и идея вариационного развития музыкального образа, и, возможно, не случайно первая часть Сонаты Ля мажор тоже написана в форме вариаций. Однако, если вариации значительно превосходят Сонату в виртуозном отношении, то в отношении содержательной она поднимается высоко над ними, являя собой образец высочайшей поэтичности.

В предлагаемой Сонате композитор отступает от обычной сонатной формы. Вместо сонатного *allegro* в первой части, как мы уже упомянули, он пишет тему с шестью вариациями; вместо медленной второй части - ме-

нуэт; финальному рондо предписывает программность: «в турецком роде» (*alla turca*). Все три части Сонаты написаны в одной тональности, что говорит о большей близости к сюите, чем к сонате.

Анализируя Сонату, мы будем опираться на текст под редакцией А.Б. Гольденвейзера. В отдельных случаях обратимся к редакции К. Мартинсена - В. Вайсмана.

Первая часть Сонаты - пример строгих (или классических) вариаций. Напомним, что в таких вариациях тема и вариации имеют одинаковую структуру; помимо этого, обычно сохраняется метр и гармонический план темы. Вариации раскрывают художественные возможности темы и ее элементов, в результате складывается разносторонний, но единый по характеру образ.

Эти вариации, даже по сравнению с более поздними концертными вариациями, отличаются контрастностью и характерностью приемов варьирования, большим образным разнообразием. Каждая вариация является яркой поэтической зарисовкой: нежная лирика (тема, пятая вариация) сменяется юмором (вторая вариация) или решительностью (эпизоды на *forte* в первой вариации), драматическая взволнованность (третья, минорная, вариация) — танцевальностью (шестая вариация). Точно передать эти яркие контрасты, не выходя за рамки стильного исполнения - интересная и трудная задача для ученика.

Рассмотрим вариации несколько подробнее. Тема написана в репризной двухчастной форме. Характер темы спокойный, грациозный, напевный. Движение напоминает сицилиану¹. * Фактура темы, большей частью трехголосная, временами сгущается до четырех-пятизвучных аккордов, временами же переходит в двухголосие.

Трудность интонирования мелодического голоса заключается в объединении коротких мотивов в длинную мелодическую линию, преодолении вертикальности фактуры. Обычная ошибка учеников в произнесении мотива (такт первый): шестнадцатую ноту и последующую восьмую исполняют или слишком острым *staccato*, или слишком певучим *legato*. В первом случае тема приобретает легковесный, даже несколько бойкий характер, а во втором - появляется вязкость. Следует обратить особое внимание на отчетливое произнесение шестнадцатой ноты в этой фигуре. Мы рекомендуем мысленно отделить ее от предыдущего и последующего звуков тогда палец возьмет эту шестнадцатую отдельным прикосновением, как бы на *non legato*, с минимальным «придыханием». При «настоящем» *legato* эта шестнадцатая обязательно стушется, и исчезнет внятность, придающая изысканное и стильное звучание теме.

¹ Сицилиана — происходит от старинного сицилийского народного танца. Для нее характерно спокойное, плавное движение в раз мере 6/8 или 12/8. Для сицилианы типичен пунктирный ритм.

Рассмотрим исполнительский смысл маленьких лиг Моцарта, которые мы видим в тексте уже первого такта над звуками «с» и «d». Эти лиги едва заметным «придыханием» в звучании вносят в тему элемент танцевальности и грациозности.

Попутно обратим внимание на отсутствие лиги в партии баса, ведущего мелодию в дециму с темой, ученики очень часто исполняют синхронные штрихи в параллельном движении этих двух мелодических голосов (такты 1–2), в то время как они должны звучать несколько по-разному, то есть мелодия к басу будет чуть сглаженнее, чем тема в верхнем голосе.

Работая над звучанием темы, имеет смысл представить ее исполнение квартетом струнных, т.е. мысленно «инструментировать» ее. Можно вообразить, что проведение мелодического голоса поручено «первой скрипке» и «виолончели».

Исходя из этого предположения, мы рекомендовали бы ученику поучить отдельно партии «скрипки и виолончели», добиваясь нужного колорита, услышать звучание регистров, интонационно выстроить тему. Сопровождение темы – спокойные гармонии. Необходимо следить, чтобы по силе звука они были бы слабее мелодического голоса. Интересно обратить внимание на двоякую роль *sforzato* в теме. В тактах 11–12 оно подчеркивает гармонические функции на сильных долях – тоника, доминанта, тоника. Следовательно, звучность *sforzato* в этом случае должно быть несколько ярче, чем в 7 такте, где оно означает своевольное ударение на слабой доле такта. Важно, чтобы ученик нашел меру звуковой градации *sforzato*, которые появляются в обоих случаях только на *piano*.

Нужно рассмотреть подробнее динамику Моцарта в Теме. Следует привлечь внимание ученика к кадансу первого периода (такт 8) и заключительному построению в Теме (такты 17–18). Если первый период заканчивается на *piano*, и тем самым дается возможность дальнейшему развитию, то в заключение Темы сам композитор проставляет *forte*, и этот знак наталкивает на мысль о «формуле подтверждения» основной идеи Темы.

Свидетельством главной кульминации в этих тактах служит и уплотнение фактуры (что еще с баховских времен являлось признаком яркого звучания). В такте 16 не следует делать усиление звучания, готовить заключительное *forte*: вспомним противопоставление *forte* и *piano* в музыке Моцарта как противопоставление «света и тени».

Вся Тема излагается в зоне *piano*, что заставляет ученика особо тонко и точно артикулировать звучность «кончиками» пальцев. Общий колорит нежный и граци-

озный. *Sforzato* готовит к мысли, что все закончится на *forte*, и его появление становится закономерным. Тем самым Моцарт достигает стройности и соразмерности динамических пропорций, так характерных для классической музыки.

В первой вариации Тема растворяется в изысканных фигурациях в духе рококо. Интересно замечание Н.И. Голубовской: «**Одна из характернейших черт письма Моцарта – атака гармонического задержания, иногда выраженного длительным форшлагом, иногда выписанного. Атака эта выражается новой лигой» (6)**. В этой вариации Моцарт очень подробно помечает лиги. Все лиги композитора означают смысловое объединение нот, но в каждом конкретном случае, необходимо рассматривать, что оно означает в данной ситуации. В одних случаях эти лиги не требуют перерыва, то есть исполнение идет все на *legato*, но тонко интонируется соответственно лигам. Есть примеры ситуации, когда эти же лиги толкают нас на расчлененность. В каждом конкретном случае проблема лиг возникает заново. **В данной вариации на расчлененность лиг указывает аппликатура А.Б. Гольденвейзера (7)**. Так, в тактах 1–3 мы видим, что все короткие лиги отчлняются друг от друга, если мы исполним текст аппликатурой редактора. А в такте 4, к примеру, аппликатурными указаниями А.Б. Гольденвейзер предлагает две лиги объединить. **Более скупая аппликатура в редакции К. Мартинсена-В. Вайсмана (13)** требует большей работы педагога с учеником над проблемой артикуляции в этой вариации.

Обращает на себя внимание появляющийся оркестровый эффект. Это — так называемый «барабанный бас», который мы видим в партии левой руки во втором предложении первого периода (такты 5–8). Шестнадцатые необходимо исполнять внятно, но не поднимая пальцы высоко.

Следует добиваться звучания «барабанной» дроби, не заглушая звучания Темы в партии правой руки. Необходимо отметить различное фактурное изложение двух предложений первого периода (такты 1–4 и 5–8).

Разница в фактуре влечет за собой разницу в «инструментовке». Если представить звучание интервалов в партии левой руки (такты 1–4) в исполнении деревянных духовых инструментов, то это поможет ученику избежать распространенной ошибки: приблизительного, неряшливого исполнения партии левой руки, чаще всего на *staccato*.

В равной степени нужно говорить о необходимости точного выполнения длительности не только звуков, но и пауз. Скрупулезная запись продолжительности всех нот и пауз композиторами эпохи классицизма — важнейшая стилевая черта музыки этого времени. От исполнителя

классицистской музыки требуется абсолютная тщательность в выполнении этих указаний композиторов.

Начиная с первой вариации и далее обращает на себя внимание иной, по сравнению с Темой, динамический план. Бросается в глаза идентичность продолжительности эпизодов на *forte* и *piano* в первых четырех вариациях: такты 1–4, 9–16 неукоснительно исполняются на *piano*, а такты 5–8, 17–18 – на *forte*. Там, где Моцарт не ставит соответствующие динамические обозначения (в четвертой вариации такты 9–16, 17–18 в редакции К. Мартинсена; такты 17–18 в редакции А.Б. Гольденвейзера), мы видим в скобках редакторские напоминания об этих нюансах. Эти динамические указания следует точно исполнять, не сглаживая контраст между *forte* и *piano*. Не следует подготавливать их появление усилением или ослаблением звучания, кроме тех случаев, где Моцарт сам проставляет *crescendo* или *diminuendo* (во второй вариации такт 2; в третьей такт 12).

Интересно то, что, внимательно присмотревшись к местонахождению этих динамических указаний автора, мы обнаруживаем, что подобные ремарки представляют собой видоизмененные *sforzato* из Темы и первой вариации. На этом примере можно видеть, как, варьируя роль *sforzato*, Моцарт расширяет и обогащает динамические градации.

Характер второй вариации явно более веселый, с оттенком тонкого юмора. Об этом говорит нам богаче орнаментированная мелодия, «своевольный» *dis* в аккомпанементе (такты 1–3), придающий своеобразный оттенок. Юмористический колорит вариации выпукло подчеркивают форшлагги в басу (такты 5–8). Эта замечательная деталь необыкновенно выразительно звучит в исполнении выдающегося швейцарского пианиста Э. Фишера (15).

Во второй вариации Моцарт также подробно ставит исполнительские ремарки. Нет надобности говорить о необходимости точно исполнять авторские обозначения. Напомним, что слышание истиной стоимости нот и ее выполнение — закон для музыки Моцарта. Тем не менее, самая распространенная ошибка учеников в этой вариации – исполнение восьмых нот в заключение трели в партии правой руки не как восьмых, а на *staccato* (такты 1–3). Такое приблизительное исполнение придает музыке неряшливый и легковесный характер. Трели нужно завершать очень бережно: восьмую ноту необходимо сыграть мягко и тихо, но не снимая раньше, чем появится восьмая пауза. (Очень точно, гибко и стилистически убедительно звучат эти фигурации у гениального немецкого пианиста В. Гизекинга (5).

В партии сопровождения в этой вариации есть скрытая полифония, для ее выявления мелодический голос баса можно несколько придержать (так называемая «пальцевая») педаль. Могут быть разные варианты этого приема: снимать придержанный басовый звук нужно либо в момент появления звука «е», либо в момент перехода «dis» – «е». Если мы задержим бас дольше, т. е. превратим его более чем в восьмую, то это будет излишне. Выявление скрытой полифонии поможет ученику лучше услышать мелодические линии в партиях обеих рук. Надо отметить, что весьма непростую задачу в проведении длинной фразы в мелодии представляют прерывистость мелодического голоса, обилие артикуляционных обозначений, мелизматика. В этом случае можно рекомендовать ученику поработать над мелодией без мелизмов, чтобы точнее выявить мелодический рельеф. Вторая вариация наиболее близко подходит к так называемому «галантному» стилю (обилие украшающих трелей, фигур мелкими длительностями и т. п.). Динамический план ее тот же, что и в первой вариации. В связи с этим хочется еще раз напомнить о контрастах *forte* и *piano* («свет и тень»), которые не нужно сглаживать. Интересно отметить, что впервые в этой вариации появляется ремарка Моцарта *cresc.* (такт 11). Оно заменяет в аналогичном месте *sforzato*. Необходимо оговорить с учеником эту динамическую тонкость и точно ее выполнить.

Третья вариация – подвижная и взволнованная минорная лирика Моцарта. Скрытая страстность в меланхолически-грустных поступенных ходах противопоставляет ее всей части. Она — единственная минорная.

Хочется сразу же предостеречь от весьма распространенной ученической ошибки – более медленного темпа.

Напомним, что Моцарт объединяет тему и четыре первые вариации единым указанием характера движения – *allegretto*² *. Иными словами, нет никаких указаний о более медленном темпе для этой вариации. Кроме того, если ученик станет играть ее в медленном движении, характер этой вариации полностью поменяется, так как вариация лишится взволнованности и страстности. Впервые здесь встречается октавное изложение темы. Ее исполнение требует преодоления определенных трудностей. Подкладыванием 3, 4, 5 пальцев необходимо связно исполнять верхний голос. Но этого недостаточно. Ощущение качественного *legato* возникает лишь тогда, когда и первый палец в октавах создает впечатление связной игры. Для этого необходимо добиваться максимальной подвижности ногтевой фаланги первого пальца. Палец должен как можно позже покинуть клавишу, а затем без удара, мягко и быстро брать следующую. Чтобы выработать хорошее *legato* в октавном изложе-

2 Аллегретто — термин, указывающий на оживленный и грациозный характер музыки, часто с элементами танцевальности.

нии темы, необходимо поучить мелодию одним лишь первым пальцем.

Эта вариация может служить интересным примером выразительной роли лиг. Обратимся к замечанию Е. и П. Бадура-Скода: **«Пример из той же сонаты показывает, как посредством одних лишь лиг разной длины Моцарт давал почувствовать сжатие музыкальных мотивов».** (3)

Действительно, такты 1–2: лиги по тактам, такты 3–4: лиги по полутактам, такты 8, 20: лиги по четвертям. Точное исполнение этих лиг поможет выразительнее интонировать мелодическую линию. Эти лиги - легатные, и их начало и окончание указывают на структуру мотива и никак не предполагают несвязного исполнения.

В этой вариации серьезную задачу для ученика представляет педализация. Чтобы не «размыть» контуров мелодической линии, нужно пользоваться педалью очень осторожно. Необходимо следить, чтобы педаль не перегружала звучность. Вместе с тем здесь нужно добиваться особой «звучащей атмосферы», полупедальной минорной «дымки». Думается, что этого можно добиться неглубокими нажатиями педальной лапки (неполной педалью) при строгом слуховом контроле.

В четвертой, мажорной, ясной и спокойной по характеру вариации применяется опять «инструментальный» прием, колористически обогащающий тему: переброска левой руки в разные регистры, то ниже, то выше правой, при сохранении сопровождения в одном среднем регистре.

Отметим попутно, что в редакции К. Мартинсена этот прием выписан более наглядно, чем у А.Б. Гольденвейзера (партия левой руки записана на верхнем нотоносце, выше правой).

Исполнение такого рода фактуры представляет значительную трудность для ученика. Во-первых, техническое неудобство перебрасывания одной руки через другую без ненужных акцептов требует большой ловкости и пластичности. Во-вторых, встает проблема дифференциации колорита каждого «инструмента», т.е. мелодии, баса и сопровождения. Задача усложняется необходимостью выразительного интонирования скрытой полифонии в партии сопровождения, а также связного исполнения мелодической линии, изложенной попеременно то в басу, то в верхнем голосе (такты 3, 7, 8). Безусловно, самый верный путь работы над этими задачами — работа над каждым вычлененным голосом отдельно и в их различных сочетаниях.

Пятая вариация — особая. Моцарт впервые меняет темп в цикле, выставляя ремарку **adagio**, говорящую нам также и о содержании³. В этой вариации должна петь не только мелодия, но и фигурация аккомпанемента. Е. и П. Бадура-Скода вновь привлекают наше внимание к интересному исполнительскому приему композитора в этой вариации: **«Последовательным применением полутактных лиг в партии левой руки Моцарт дает понять, что ритмическим единствам является теперь не 6–8, как в предыдущих вариациях, а 3–8. Если бы лиги охватывали здесь целый такт, исполнителю пришлось бы играть «... чуть живее, чтобы объединить большие ритмические единства»** (3).

Основные задачи работы с учеником те же, что уже встречались: интонирование длинных мелодических линий при обильных артикуляционных указаниях и развитой мелизматике, задачи «инструментовки» и внимательное отношение к динамике (довольно частые смены *piano* и *forte* должны происходить террасообразно, т.е. внезапно). В тактах 5–6 мы видим, что роль *sforzato* теперь играет нюанс *forte*, ткань разрослась, движение пошло тридцатьвторыми. В этих тактах необходимо следить за тем, чтобы нюансы *forte* и *piano* появлялись неподготовленно, здесь совершенно неприемлемы *crescendo* и *diminuendo*. Педализация в этой вариации должна быть очень точной и тонкой из-за обилия тридцатьвторых, чтобы не «затушевывать» гибкую мелодическую линию.

Шестая вариация — энергичное, с элементами танцевальности финальное *allegro*. Обращают на себя внимание арпеджированные аккорды в партии левой руки (такты 5–6) - провозвестники шуточного марша «в турецком роде» в финале Сонаты. Исполнение мелодизированных пассажей шестнадцатых представляет достаточно серьезную пианистическую задачу. Для того, чтобы они звучали не механически, а как быстрые и выразительные мелодии, необходим обостренный слуховой контроль. Звукоизвлечение должно быть четким, запястье - эластичным. Оно следует за движениями пальцев и «непринужденно» участвует во фразировке. Финальная вариация отличается по динамике от остальных вариаций. Ее динамический план меняется: 4 такта *piano*, затем 4 такта *forte*; после повторения этой формулы (знак репризы) эпизоды с контрастной динамикой меняются чаще: 2 такта *piano*, 2 такта *forte* и т.д. Такой динамический план и быстрый темп придают этой части финальный жизнерадостный характер.

Обратимся теперь к проблеме формы первой части Сонаты, т.е. вариационного цикла в целом. Интересную и

3 Adagio (букв.) - тихо, спокойно, медленно, с нежностью. Следует помнить, что, как и другие обозначения, проставленные в начале произведений композиторов XVII–XVIII веков, этот термин указывал на господствующее в них настроение. В XX веке термин *adagio* утрачивает первоначальное значение и становится в первую очередь обозначением темпа.

важную мысль для решения этой проблемы высказывает Л. Мазель. Он пишет, что несмотря на различный образный строй музыки, первая и вторая вариации не столь контрастируют друг с другом, как третья и четвертая. Говоря о безмятежном мажорном характере четвертой вариации и сравнивая ее с минорной третьей, он отмечает: **«Эти две вариации гораздо резче контрастируют между собой, чем первая и вторая... Пятая вариация (...максимально раскрывает черты певучести, приближается к арии и в то же время напоминает по интонациям мелодии и фактуре сопровождения вторую вариацию (таким образом, контрастирующие третья и четвертая вариации до некоторой степени образуют «центр симфонии» для всего цикла из шести вариаций)» (10).**

Значит, придерживаясь точки зрения Л. Мазеля, форму вариаций можно представить следующим образом: Тема и две первые вариации представляют собой как бы первый раздел цикла; третья и четвертая - занимают центральное место; пятая и шестая - выполняют роль заключительной части.

Понятно, что ученик должен сделать более глубокую цезуру на гранях этой как бы 3-частной структуры. Главный кульминационный центр (по Мазелю) приходится на противопоставление контрастных третьей и четвертой вариаций. Этот слом настроений (от минора к мажору, от страстной взволнованности к безмятежному покою) и представляет вершину кульминации. Значит, задача ученика - ярко выявить этот содержательный контраст. Это первый возможный вариант трактовки формы цикла вариаций в целом.

Теперь обратимся к другому возможному варианту. Рассматривая второй вариант решения проблемы формы вариаций, можно увидеть, что логика контрастных сопоставлений вариаций несколько напоминает общую логику контрастов классического сонатного цикла. Так, можно представить, что тема и четыре первые вариации могут «выполнять» роль первой части сонаты. Пятую вариацию, *adagio*, можно считать «второй» частью. Последняя, шестая вариация приравнивается к быстрому финалу сонатного цикла.

Таким образом, во втором варианте медленная пятая вариация становится лирическим центром. Если принять эту трактовку формы в качестве определенной исполнительской концепции, возникает проблема цезур между вариациями, которая должна быть решена следующим образом: ученик должен сделать более глубокую цезуру после четвертой вариации и перед шестой, отделив лирический центр цикла - *adagio*.

Возможны и другие трактовки формы вариации. Какой вариант избрать - решать педагогу и ученику. При

этом необходимо помнить о том, что, играя только первую часть сонаты, можно использовать различные варианты, а, исполняя сонату целиком, нужно обязательно думать еще и о целостности формы всего этого произведения, иными словами, увязать понимание формы первой части сонаты с трактовкой формы всего сонатного цикла.

Вторая часть Сонаты — менуэт. Он написан в трехчастной форме с признаками сонатного *allegro*. По существу, менуэт является как бы еще одной вариацией подчеркнуто мужественного характера. Первый период менуэта (такты 1–10) состоит из двух предложений. Они отличаются друг от друга по фактуре. Это обстоятельство ставит перед учеником различные исполнительские задачи.

Так, например, Е. Ручьевская считает, что обширное дополнение к первому периоду в доминантовой тональности (такты 11–18) **«берет на себя роль побочной партии сонатной экспозиции»(14).**

Первое предложение строится по принципу «вопроса и ответа»: такты 1–2 - «вопрос», 3–4 - «ответ». Их легко представить в звучании «струнного оркестра» («вопрос») и «духовых инструментов» («ответ»). Этот колористический контраст подчеркивает динамика Моцарта: *forte* (такты 1–2) и *piano* (такты 3–4). Исполнительские задачи: добиться объединения выразительно проинтонированных реплик и постараться найти нужный «инструментальный» колорит звучания. И не забыть обозначить, почувствовать те места в музыке, где танцующие пары делают поклон (реверанс).

Второе предложение (такты 5–10) представляет собой секвенционный подход к вершине периода. Каданс - на внезапном *piano*. Исполнительские задачи аналогичны задачам первого предложения. Дополнение в тональности доминанты (такты 11–18) легко вообразить в исполнении «струнных» инструментов. В шестнадцатых нотах в партии правой руки необходима ритмическая ровность и выразительное интонирование мелодической линии. При этом возникает проблема прочтения лиг. Они охватывают то четыре шестнадцатых, то восемь, но напомним, что они не предполагают расчлененности, а только тонкое смысловое интонирование. В партии левой руки мелодическая фигурация, сменяющая альбертиевы басы (такты 11–14), также нуждается в подобной интонации. В дополнении (такты 11–18) динамика (*forte*) не меняется до самого каданса. Он появляется на внезапном *piano* этот прием весьма характерен для Моцарта. Перед кадансом необходимо почувствовать крошечную цезуру, не «влетать» в него строго в метре. Этот исполнительский прием позволит сыграть конец фразы изысканнее и точнее, почувствовать «поклон», что напомним нам о главном жанровом признаке менуэта.

В дальнейшем от этого правила постепенно стали отходить.

Следует обратить внимание ученика на редакторский вариант расшифровки форшлагов из нескольких звуков (такты 1, 11, 17, 19). А. Б. Гольденвейзер указывает на совпадение первого звука украшения с басом. Как известно, до конца XVIII столетия действовало старое правило, по которому, в основном, форшлаг расшифровывался за счет последующей длительности.

В нашем же случае мы рекомендуем именно, «старое» прочтение (как и А.Б. Гольденвейзер); нам представляется, что от этого звучание сделается значительно богаче, интереснее, а, главное, стилистически более тонким.

Краткий разработочный раздел (такты 19–30), построенный на мелодических секвенциях, и реприза (такты 31–48) ставят аналогические исполнительские задачи.

Трио. По характеру (и даже зрительно по нотному рисунку) оно напоминает четвертую вариацию из первой части сонаты. В исполнении трио можно обозначить несколько основных задач: выразительное интонирование мелодического голоса, усложненного скрытой полифонией (такты 1–13, 17–19, 39–51), пластичность в переносах рук (такты 4–6, 8–10, 12–14), и, конечно же, проблема смены воображаемых групп оркестра и различной «инструментовки».

Многочисленные разнообразие по характеру и динамике эпизоды в менюэте ставят серьезную проблему формы этой части. Единый темп, тонкая агогика, соблюдение жанрового колорита позволяет сделать течение этой музыки непрерывным и объединить, таким образом, форму менюэта в целое.

Финал Сонаты широко известен в практике как «турецкое рондо». Такое название провоцирует нас на поиски формы рондо. Однако, классической формы рондо здесь нет, поскольку финал сонаты принадлежит к так называемой рондообразной форме: он начинается не с той темы, которая затем будет возвращаться (рефрен), а с эпизода. Классическое же рондо обязательно начинается с рефрена. В финале нашей Сонаты в роли рефрена (А) выступает A-dur-ный период (такты 25–32). Такты 1–24 представляют собой первый куплет (В); такты 33–56 - эпизод С; такты 65–88 - вновь эпизод В. Между С и В — рефрен А.

Таким образом, мы можем представить себе следующую схему формы финала сонаты: В А С А В А и Кода. Финал Сонаты можно воспринять как еще одну, более обширную вариацию, потому что в теме первого куплета, с её восходящей на терцию интонацией, прослежива-

ется связь с самой темой вариаций первой части Сонаты. Эта тема и рефрен, неизменно сопровождающий все эпизоды, по характеру весьма близки подвижным вариациям. Также об этом родстве напоминает постоянный указанный Моцартом в финале Сонаты контраст forte и piano, который мы уже наблюдали в первой части Сонаты. Правда, в финале этот контраст кажется значительно ярче: минорная тема первого куплета, грациозная и легкая, с элементами танцевальности, противопоставляется мажорному рефрену - тяжеловатому и решительному. Арпеджированные аккорды на сильных долях (такты 28–34) имитируют звучание ударных инструментов, а кода, построенная на материале рефрена, напоминает звучание целого оркестра с литаврами, барабанами, тарелками, флейтой piccolo и треугольником.

Легкий и грациозный характер темы первого куплета требует активной и точной артикуляции. Ее мелодическое основание - выписанное gruppetto (излюбленный прием Моцарта). А.Д. Алексеев отмечает: «**Венские классики часто выписывали мелизмы обычными нотами. Очень характерно для Гайдна и Моцарта использование мелизмов в качестве основы фигурации... У ранних венских классиков, в связи с характером их мелоса, мелодическая фигурация строится на основе мажорной и минорной гаммы, с использованием орнаментальных оборотов, типичных для мелодики XVIII века**» (2). Шестнадцатые ноты мелодии нужно исполнять отточенным, динамически и ритмически выравненным звуком, не «пробалтывая». В коротких мотивах (четыре шестнадцатые и восьмая) следует избегать акцентов на восьмушке: в противном случае раздробится фраза и появится излишняя метричность.

Это очень распространенная ученическая ошибка. Она происходит чаще всего от того, что исполнение лиги в партии сопровождения «провоцирует» акцентирование восьмой ноты в мелодии (заклучение gruppetto). Естественно, необходимо добиваться дифференцированного звучания партий обеих рук. Первый куплет написан в простой трехчастной форме. Середина куплета (такты 9–16) написана в параллельном C-dur. Необходимо обратить внимание ученика на то, что несмотря на сохранение нюанса piano, мажорное звучание будет несколько ярче по сравнению с минорным. А возвращение прежней тональности (a moll) можно оттенить чуть более приглушенным звуком. Этот прием рельефнее подчеркивает форму первого куплета.

Рефрен. Пожелания, высказанные по поводу исполнения без акцента первой доли в партии правой руки в первом куплете, можно целиком отнести в адрес звучания октавной мелодии A dur-го рефрена. Эта ошибка возникает от того, что мелодический голос правой руки совпадает с форшлагами в партии левой на сильных и относительно сильных долях такта.

Неуклюжее исполнение партии левой руки вызывает ненужные акценты в правой. Здесь можно посоветовать проучить и услышать эту мелодию независимо от партии левой руки. А для более ловкого исполнения форшлагов в аккомпанементе нужна собранная рука с активными и высоко поставленными первым и пятым пальцами.

В эпизоде С (fis moll) изложение мелодии шестнадцатыми требует подробного, внятного интонирования, несмотря на весьма подвижный темп. Следует привлечь внимание ученика к изменению штриха в аккомпанементе: исчезает лига, и, таким образом, если при лиге бас и первая терция аккомпанемента исполнялись слитно, то теперь предполагается исполнение всех четырех восьмых нот в каждом такте отчетливо и расчлененно. Такая подробность поможет избежать монотонности в партии левой руки, услышать разницу в аккомпанементе эпизодов В и С.

Кода является заключением не только финала, но и всей Сонаты. Ее драматургическая роль в сонатном цикле, на наш взгляд, вполне определена: кода - своеобразный парад масок из комедии del arte. Мы уже упоминали о важном стилевом признаке музыки Моцарта - о ее театральности. С этой точки зрения можно рассматривать и каждую вариацию первой части Сонаты: что ни вариация, то - новая маска. Будто актер меняет шесть раз маски. Менуэт, безусловно, продолжает ту же линию, демонстрируя различные музыкальные образы. А финальное рондо «в турецком роде», как известно, является непосредственным откликом Моцарта на его парижские театральные впечатления, на его увлечение «турецкой экзотикой», характерном тогда для комической оперы. Представляя всю Сонату как некое театральное действие, легко вообразить, что в коде все маски будто выходят на авансцену с прощальными поклонами. Такой театральный образ вызывает в воображении слушателя заключительное ликующее звучание музыки в коде.

Основная исполнительская задача, стоящая перед учеником - имитация «звучания оркестра», включающего барабаны, литавры, флейту, треугольник. Для увеличения мощности звучания, безусловно, нужна длинная педаль на фоне «барабанного» баса на forte. (как советует А.Б. Гольденвейзер). Это имитация «tutti оркестра» (такты 1-12,20-31).

С появлением нюанса piano меняется и «инструментовка»: на фоне четких альбертиевых фигураций «струнных» звучит «флейта». Достижению этого эффекта поможет короткое и неглубокое нажатие правой педали. Форшлагги нужно исполнять за счет последующей ноты, и их первые звуки должны совпадать с басом, иными словами, мы рекомендуем способ исполнения форшлагов ритмически более интересный и стилистически верный. (Примером очень образного звучания коды, на наш взгляд, может

служить запись исполнения Сонаты В. Горовицем (8).

Вернемся, однако, еще раз к вопросу о форме финала. Исследуя всю форму в целом, мы обнаруживаем, что на рондообразность этой части накладывается другая структура - сложная трехчастная с дополнительным рефреном (и кодой). Наглядно это можно изобразить следующим образом.

В простая 3-х част. форма для минор т. 1 — 24	А рефрен периода для мажора т. 25—32 В Реприза Т.65-87 А рефрен Т.88-95	С Трио Простая 3-х част. Форма фа-диез Минор Т. 33-56 Кода Т. 96-126
---	--	---

Эту схему формы финала Сонаты предлагает Л. Мазель (10). Интересным представляется его замечание о роли рефрена: **«Здесь рефрен играет также особую объединяющую тональную роль: он идет в тональности одноименного мажора по отношению к первой части и в тональности параллельного мажора по отношению к трио, связывая тем самым две сравнительно далекие тональности (a moll и fis moll)» (10)**. Следует обратить внимание на это замечание Л. Мазеля. Благодаря ему нам становится более ясным тональный план, роль тональностей в создании целостности формы. Ученику следует услышать определенную краску a moll, противопоставить её одноименному мажору и сохранить эту краску на все три проведения рефрена. Тогда уход в тональность fis moll в С должен быть красочно и интонационно осмыслен иначе: это самая контрастная краска. Таким образом, слышание разных тональных красок куплетов и рефрена поможет подчеркнуть стройность формы рондо.

Поскольку Л. Мазель куплет С обозначил как трио, следовательно, здесь присутствует трехчастная форма, в которой первые В и А представляют собой как бы первую часть, С (трио) — вторую, а А и В-репризу (но репризу зеркальную: не В А, как в начале, а АВ). Значит не следует делать цезуру внутри первой и третьей частей, но зато нужно отделить цезурой трио от первой и третьей части. А также несколько отделяется цезурой рефрен и особенно Кода. Понимание формы важно для расстановки цезур, создания исполнительского формообразования.

Итак, форму финала Сонаты (как и форму вариаций из первой части) можно трактовать исполнительски по-разному: т.е. как рондообразную или, укрупнив, как сложную трехчастную с дополнительным рефреном, что приведет к иным исполнительским решениям.

Заканчивая исполнительско-методический анализ

Сонаты A dur K. 331 В. Моцарта, хочется отметить, что исполнение этой Сонаты представляет очень серьезную задачу для ученика. Конечно, произведение такой степени сложности не может служить примером для первого знакомства учащегося с фортепианным творчеством В. Моцарта. К нему ученик должен быть подготовлен изучением более простых сонат венских классиков.

Мы не случайно в ходе анализа рекомендовали прослушать записи В. Гизекина, В. Горовица, Э. Фишера. Все эти записи представляют собой неповторимые целостные концепции этой Сонаты. И прослушивание таких разных трактовок выдающихся исполнителей, безусловно, обогатит слуховое воображение ученика, направит его на поиски собственных решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аберт Г.В. А. Моцарт. Изд. «Музыка», 1983.
2. Алексеев А.Д. История фортепианного искусства. М., 1962.
3. Бадюра-Скода Е. и П. Интерпретация Моцарта. М., 1972
4. Баренбойм Л. Как исполнять Моцарта - Приложение: В кн.: Бадюра-Скода Е. и П. Интерпретация Моцарта. М., 1972
5. Гизекин Вальтер В.А. Моцарт (1756—1791). Соната № 11 ля мажор, К. 331. Мелодия 33Д-033002
6. Голубовская Н.И. О музыкальном исполнительстве. Л., 1985.
7. Гольденвейзер А.Б. О редактировании. В сб.: Вопросы фортепианного исполнительства. Вып. I, М, 1965, с. 76.
8. Владимир Горовиц, фортепиано. В. А. Моцарт (1756—1791). Соната № 11 ля мажор, КУ. 331. Записано на концерте в Карнеги-Холле, Нью-Йорк, 1966
9. Гуляницкая Н.С. Введение в современную гармонию. М. 1984.
10. Мазель Л.А. Строение музыкальных произведений. М., 1986.
11. Моцарт В.А. Сонаты для фортепиано. М., 1956. (редакция Гольденвейзера А.Б.)
12. Моцарт В.А. Сонаты для фортепиано в двух томах. Изд. «Музыка». Л., 1981 (редакция Мартинсена К. и Вайсмана В.)
13. В. Моцарт. Три сонаты для фортепиано. Ля минор (Кёхель № 310), До мажор (Кёхель № 330), Ля мажор (Кёхель № 331). Редакция К. Мартинсена и В. Вайсмана. М., 1973.
14. Ручьевская Е.А. Функции музыкальной темы Л., 1977
15. Фишер Эдвин, фортепиано. В. А. Моцарт (1756—1791), Соната № 11 Ля мажор, КУ 331. Мелодия. М10 — 42909.
16. Энштейн А. Моцарт. М., 1977

© Гапоненко Татьяна Николаевна (tatiana.gapo@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МОТИВЫ ТЕАТРА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДОВЛАТОВА И ПИСАТЕЛЕЙ ДВАДЦАТЫХ ГОДОВ XX СТОЛЕТИЯ

Зайцева Светлана Александровна

кандидат философских наук, доцент, Московская высшая школа социальных и экономических наук
sveta_gallery@mail.ru

THE MOTIVES OF THE THEATER IN THE WORKS OF DOVLATOV AND WRITERS OF THE TWENTIES OF THE TWENTIETH CENTURY

S. Zaitseva

Summary: It is important for us to trace the continuity in Dovatov's texts with the prose of the twenties. Continuity can be traced in the analysis of the texts of Konstantin Vaginov, Mikhail Bulgakov, Ilya Ilf and Evgeny Petrov. One of the motives that unite the legacy of Dovatov with the legacy of these writers is the motive of the theater. Sergey Dovatov interpreted the tradition of theatrical art and theatricalization in his own way. The motif of the theater is presented by Dovatov as an element of life with post-novices ("theatrical realism"). It is important for Dovatov as a writer, as a journalist, to preserve continuity with the "silver age", which "continues". Dovatov conceptualized the idea of continuation, not only as a writer in his literary works, but also as the editor-in-chief of the newspaper "New American". One of the markers of the continuation is Meyerhold's theatrical avant-garde, which was interpreted and interpreted in the literary works of writers of the 20s.

Thus, Dovatov's texts clearly contain elements of the texts of the literati of the 20s, which is a marker of deep continuity, which can be traced through the unifying motif of the theater.

Keywords: text within text, reception, literary tradition, continuity, theatrical art.

Аннотация: Для нас важно проследить преемственность в текстах Довлатова с прозой двадцатых годов. Преемственность прослеживается при анализе текстов Константина Вагинова, Михаила Булгакова, Ильи Ильфа и Евгения Петрова. Один из мотивов, являющихся объединяющим наследием Довлатова с наследием указанных литераторов – мотив театра. Сергей Довлатов по-своему интерпретировал традицию театрального искусства и театрализации. Мотив театра Довлатовым представлен как элемент жизни с постановками («театрализованный реализм»). Важно для Довлатова как литератора, как журналиста – сохранение преемственности с «серебряным веком», который «продолжается». Идею продолжения Довлатов концептуализировал, не только как писатель в своих литературных произведениях, но и как главный редактор газеты «Новый американец». Одним из маркеров продолжения является театральный авангард Мейерхольда, который осмысливался и интерпретировался в литературных произведениях литераторов 20-х годов. Таким образом, в текстах Довлатова явно присутствуют элементы текстов литераторов 20-х гг., что является маркером глубокой преемственности, которая прослеживается через объединяющий мотив театра.

Ключевые слова: текст в тексте, рецепция, литературная традиция, преемственность, театральное искусство.

Сергей Донатович Довлатов родился 3 сентября 1941 года в Уфе, куда во время войны были эвакуированы его родители. Отец писателя – театральным режиссером Донатом Исааковичем Мечиком, мать – актрисой Нора Сергеевна Довлатова. В автобиографической повести «Наши» Сергей Довлатов писал: «Отец и мама часто ссорились. Потом разошлись. А я остался. Было уже не до гастролей. И мама бросила театр. И правильно. Я наблюдал многих её знакомых, которые до смерти принадлежали театру. Это был мир уязвленных самолюбий, растоптанных амбиций, бесконечных поношений чужой игры. Это были нищие, мстительные и завистливые люди... Мама стала корректором» [5, II, с.207].

Донат Мечик с 1924 года под псевдонимом «Донат Весенний» писал и печатал пародии, новеллы, стихи. Монологи, фельетоны, скетчи, куплеты Доната Мечика исполняли Л. Утёсов, А. Белов, Б. Брунов, Л. Атнаки. Вернувшись из эвакуации в Ленинград в 1944 году, отец Довлатова работал режиссёром в Ленинградской филар-

монии и на «Ленфильме», а также ставил спектакли в московских театрах. [3, с.136].

Донат Мечик оказал безусловное влияние на сына. Это мы знаем из армейских писем Довлатова отцу. Также и Довлатов брал на себя смелость советовать отцу: «Советую тебе прочесть прекрасную книгу Н. Акимова «О театре». В проблемы театральные я не вдавался, но написано здорово, почти как Маяковский. В конце очень остроумные «Записные книжки»». [6, с.113]

Андрей Арьев, оценивая творчество Сергея Довлатова, отметил своеобразие влияния на него театрального искусства: «Потомок актерской фамилии, он с детства наблюдал театр из-за кулис. Он полюбил изнанку театра, зато навсегда возненавидел бутафорскую сторону жизни. Навсегда проникся отвращением к фальши. Как неудачливый самоубийца, как артист». [5, I, с.22] Далее Арьев сделал акцент на своеобразии литературного дарования Довлатова, которое также связал с театром, ото-

ждествил существование писателя в литературе с существованием гениального актера на сцене: «...вытягивает любую провальную роль. Сюжеты, мимо которых проходят титаны мысли, превращаются им в перл создания. Я уже писал, что реализм Довлатова – «театрализованный реализм» [5, I, с.22].

Важно отметить, что наследие Довлатова сегодня становится всё более актуальным. Ставятся спектакли, снимаются художественные фильмы по мотивам произведений Довлатова и по его биографии, проводятся фестивали его имени, публикуются его собрания сочинений, монографии и биографии, посвященные Довлатову, пишутся диссертации, где изучается его творчество. В этой связи важно более внимательно отнестись к вопросу изучения преемственности в творчестве литератора.

Актуальная для нас методика анализа художественного текста опирается на принципы, изложенные в трудах Юрия Михайловича Лотмана с его представлением о необходимой «неоднородности текста» и наличия нескольких «текстов в тексте»: «...с позиции другого способа кодирования, текст приобретает черты повышенной условности, подчеркивается его игровой характер: иронический, пародийный, театрализованный смысл и т. д. Одновременно подчеркивается роль границ текста, как внешних, отделяющих его от не-текста, так и внутренних, разделяющих участки различной кодированности» [11, с.155–156]. С нашей точки зрения Довлатов по-своему интерпретировал традицию театрального искусства и театрализации, представляя мотив театра как элемент жизни с постановками. Мотив театральной постановки с подменами, с соответствующими декорациями, с переодеваниями звучал во многих его произведениях. Также мы можем увидеть преемственность в текстах Довлатова с прозой двадцатых годов – наследие Константина Вагинова, Михаила Булгакова, Ильи Ильфа и Евгения Петрова, связанное с мотивом театра.

Довлатов ценил Булгакова, Вагинова, о которых он подготовил передачи в цикле «Культура. Время. Судьба» на радио «Свобода», находя в их творчестве общее с творчеством Мейерхольда, Маяковского. О творчестве Ильфа и Петрова Довлатов также говорил в одной из передач цикла «Поверх барьеров» на радио «Свобода». Также писатель ссылался на творчество указанных литераторов в рецензиях, интервью, выступлениях на филологических конференциях, в письмах. Так, на творчество Ильфа и Петрова мы находим ссылки в письмах Довлатова, касающихся работы над сценарием фильма под названием «Солнечная сторона улицы», который он готовил совместно с Людмилой Штерн. Довлатов не просто упомянул авторов в письмах к Штерн, а указал на рецепцию прозы И. Ильфа и Е. Петрова [14, с.141–146]. Исходный замысел выстроен вокруг образа русского еврея из Кишинева, напоминающего грека Зорбу, Остапа Бен-

дера и Беню Крика (13 октября 1981 г.): «Некий Черняк, в эмиграции лет шесть. Возраст – 50–60. Такой брутальный еврей из Кишинева. Еврейский Зорба. Немного Бендер, немного Крик. <...> Образы Бендера и Крика можно эксплуатировать нещадно. Американцы их не знают.» [5, IV, с.326]. Довлатов продолжил обсуждать сценарий (31 октября 1981 г.): «Есть Зорба, он же Бендер, Крик. Пытающийся жениться на вдове-миллионерше» [5, IV, с.327]. Совместный сценарий был написан в 1982 г., но фильм поставлен не был.

В литературной деятельности, а также в журналистской, для Сергея Довлатова было принципиально важно сохранять преемственность с серебряным веком. Поэтому упоминание «золотого» и «серебряного» пера в «Компромиссе третьем» сборника «Компромисс» не является случайным: «В нашей конторе из тридцати двух сотрудников по штату двадцать восемь называли себя: «Золотое перо республики». Мы трое в порядке оригинальности назывались – серебряными» [5, I, с.192]. Первая публикация сборника новелл «Компромисс» вышла в издательстве «Серебряный век», название которого издатель Григорий Поляк объяснял тем, что «серебряный век продолжается». Его интервью вышло в газете «Новый американец», в которой Довлатов был главным редактором. В интервью Поляк дал объяснение названию издательства: ««Золотым веком» русской словесности называют пушкинскую эпоху. Но и «Серебряный век» – распространенный литературоведческий термин. Охватывает двадцатые годы нынешнего столетия. <...>Мне хочется думать, что серебряный век продолжается. Подлинное исследование его только началось. Недаром Замятин говорил: «Будущее русской литературы – это ее прошлое...» [12]. Важно иметь в виду, что Сергей Довлатов, обратившись к метафоре «золотого» и «серебряного» пера, определил собственную позицию относительно идеи преемственности ряда мотивов и интонаций, которые соотносятся с прозой двадцатых годов, а опубликованное Довлатовым-редактором интервью Поляка эту идею, по сути, закрепило. Сам же Г.Д. Поляк начал свою издательскую деятельность с републикации «Козлиной песни» Вагинова. Об этом он упомянул в интервью Довлатову, которое дал в 1980 году: «Литературой покорен» [12].

Роман Константина Вагинова «Козлиная песнь» заканчивается словами: «Снимает перчатки, разгримировывается. Актеры и актрисы выпрямляются и тут же на сцене стирают грим. И автор со своими актерами едет в дешевый кабачок» [4, с.206]. Таким образом, в финале роман трансформируется в театральную постановку.

Конструкция романа Вагинова близка конструкции сборника Довлатова «Компромисс». Сборник начинается со вступительной статьи, в которой звучит мотив театра, задавая тон прочтения всем новеллам сборника.

ка. Мотив театра мы встречаем в «Компромиссе третьем» (подготовка материала о спектакле по мотивам Хемингуэя «По ком звонит колокол»), в «Компромиссе седьмом» (репортаж о театральном художнике по костюмам) и в последнем «Компромиссе двенадцатом» (действие происходит в театре «Ванемуйне» города Тарту). Сближает роман Вагинова и повесть Довлатова именно мотив театра – у Вагинова театральная постановка в буквальном смысле, а у Довлатова в прямом и метафорическом.

Персонаж повести «Козлиная песнь» – Тептелкин. Из послесловия романа Вагинова следует: «Совсем не бедным клубным работником стал Тептелкин, а видным, но глупым чиновником. И никакого садика во дворе не разводил Тептелкин, а, напротив, – он кричал на бедных чиновников и был страшно речист и горд достигнутым положением» [4, с.205].

В произведениях Довлатова мы встречаем советских чиновников и партийных функционеров, которым он дает характеристики, сопоставимые с характеристикой Тептелкина, данной Вагиновым. Так, в повести Довлатова «Ремесло» читаем: «Некоторые чиновники хамят автоматически, рефлекторно. Такое хамство одинаково близко соловьиному пению и рычанию льва» [5, II, с.117].

Герои произведений Сергея Довлатова, как и Тептелкин Вагинова, тоже становятся чиновниками. В «Ремесле» же, описывая жизнь Губина, Довлатов заключает: «Плут, сочинитель, он начинал легко и удачливо. Но его довольно быстро раскусили. Последовал длительный тяжелый неуспех, и Губин, мне кажется, сдался. Оставил литературные попытки. Сейчас он чиновник «Ленгаза», неизменно приветливый, добрый, веселый» [5, II, с.21-22].

Таким образом, Довлатов, продолжая традицию Вагинова, по-своему её осмыслил и представил.

«Театрализованный реализм» Довлатова наиболее ясно передает особенности ритуализированной жизни в СССР. Соблюдение ритуалов, бессмысленность которых была очевидна, носило формальный характер. А. Юрчак определил такой образ жизни как «внеаходимость», заимствуя понятие у Бахтина. [15, с.334]. Бахтин дал следующее толкование позиции внеаходимости: «Великое дело для понимания – это внеаходимость понимающего – во времени, в пространстве, в культуре – по отношению к тому, что он хочет творчески понять» [1, с.334].

Принципиально для понимания «театрализации» жизни, частью которой, помимо ритуалов, были и цитаты прозы двадцатых годов, «следы» которых мы находим в произведениях Довлатова, видя рецепцию романов Ильфа и Петрова.

Театральная тема в «Двенадцати стульях» подается в восприятии драматурга Хунтова, который оценивает театр не эстетически, а с неожиданной экономической точки зрения: «Для того чтобы попасть в Большой театр, нужно было бы написать оперу или балет. Но эпоха в данный отрезок времени требовала драму. И Хунтов выбрал самый выгодный театр <...> Качалов, думалось ему, Москвин, под руководством Станиславского сбор сделают. <...> Еще никогда судьба не сулила Хунтову таких барышей» [7, с.196].

Так же неожиданно – с точки зрения портного – смотрит на театральное искусство Вольдемар Сильд из довлатовского «Компромисса»: «И только на спектаклях моего любимого Вахтанговского театра, – говорит В. Сильд, – я забываю о том, что я модельер, и слежу за развитием пьесы – верный признак того, что костюмеры в этом театре работают безукоризненно» [5, I, с.241]. Вероятно, Довлатов указал как «любимый» театр именно Вахтанговский, так как Вахтангов был учеником К. Станиславского, по-своему интерпретировавшего подход своего учителя. И мы видим через своеобразие оценки театрального искусства, если не прямую, то косвенную связь между романом Ильфа и Петрова и повестью Довлатова.

Мы можем увидеть общий мотив, связывающий роман «Золотой теленок» Ильфа и Петрова и «Компромисс двенадцатый» сборника Довлатова «Компромисс». В новелле речь идет о слете бывших узников концентрационных лагерей, оказавшихся после плена в сталинских лагерях с условиями не менее тяжелыми. Фотограф Жбанков захотел поехать вместе с автопсихологическим персонажем. Получив от главного редактора Туронка отказ отправить его на слет, Жбанков выразил протест, заявив о своем праве поездки как фронтовика. Колебание главного редактора по поводу отправки Жбанкова на слёт были прекращены его вопросом о времени работы кассы взаимопомощи. Это была со стороны Жбанкова скрытая угроза уйти в запой. Эпизод сближает «Компромисс» с сюжетом романа «Золотой теленок», который связан с инженером Талмудовским. Если инженеру казалось, что администрация недостаточно внимательно исполняла договорные обязательства, то он демонстративно собирал свои вещи и кричал: «Квартира — свиношник, театра нет, оклад... Извозчик! Пошёл на вокзал». [8, с.22].

В повести Сергея Довлатова «Зона» и в романе Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев» мы находим сюжеты, которые связаны с театром непосредственно. В романе Ильфа и Петрова Остап Бендер и Ипполит Воробьянинов, желая убедиться в том, что стулья находятся в театре «Колумб», отправились в театр на постановку «Женитьбы» по Гоголю. Постановка была далека от классических канонов и выглядела довольно абсурдно. Подколесин в

первом акте был одет в камергерский мундир, на сцену он выехал верхом на слуге Степане, его реплики не имели отношения к тексту «Женитьбы» Гоголя: «Подколесин возопил: – Степа-а-а-ан! – одновременно с этим он прыгнул в сторону. – Степа-а-а-ан!! – повторил Подколесин, делая новый прыжок <...> Но так как Степан, стоящий тут же и одетый в барсовую шкуру, не откликнулся, Подколесин трагически спросил:

- Что же ты молчишь, как Лига наций?
- Очевидно я Чемберлена испугался, ответил Степан, почесывая шкуру» [7, с.206].

Второй акт постановки также оказался далек от оригинала. Агафья Тихоновна спустилась на сцену по протянутой через весь зал проволоке: «Она была в трико телесного цвета и мужском котелке. Балансируя зеленым зонтиком с надписью: “Я хочу Подколесина”, она переступала по проволоке, и снизу всем были видны её грязные пятки» [7, с.208].

В довластовской повести «Зона» есть не менее абсурдное описание постановки пьесы «Кремлевские звезды». Пьесу в повести пересказывает замполит Хуриев: «Довожу основную мысль. Центральная линия пьесы – борьба между чувством и долгом. Товарищ Дзержинский, пренебрегая недугом, отдает всего себя революции. Товарищ Ленин настоятельно рекомендует ему поехать в отпуск. Дзержинский категорически отказывается. Параллельно развивается линия Тимофея. Животное чувство к Полине временно заслоняет от него мировую революцию. Полина – типичная выразительница мелкобуржуазных настроений <...> Тимофей переживает конфликт между чувством и долгом. Личный пример Дзержинского оказывает на юношу сильное моральное воздействие. В результате чувство долга побеждает...» [5, II, с.147]

В повести представлены характеристики, которые дает исполнителям ролей пьесы замполит Хуриев: «...в роли Дзержинского Цириков. По делу у него совращение малолетних. В роли Тимофея – Геша, придурок из санчасти, пассивный гомосек, в роли Полины – Томка Лебедева из АХЧ, такая бикса, хуже зечки, короче публика ещё та» [5, II, с.146].

Представление темы революционной пьесы у Довлатова своей абсурдностью перекликается с претенциозностью постановки «Женитьбы», описанной в романе Ильфом и Петровым. У Ильфа и Петрова описание постановки – это иронический взгляд на авангардные постановки Всеволода Мейерхольда. В комментариях к роману на это есть прямое указание: «Описывая «Театр Колумба», то есть театр первооткрывателей, авторы романа создали обобщенную пародию на многочисленные авангардистские постановки, характерные для 1920-х годов. Однако главным объектом иронии были работы В. Э. Мейерхольда» [9, с.206].

Михаил Булгаков в «Записках на манжетах» описывал театральный спор футуриста и непосвященного зрителя:

- Вы опоздали родиться, – сказал мне футурист.
- Нет, это Мейерхольд поспешил родиться.
- Мейерхольд – гений! – завывал футурист.
- Не спорю. <...> ...гений одинок, а я – масса. <...>
- Искусство будущего!! – налетели на меня с кулаками.

А если будущего, то пускай, пожалуйста, Мейерхольд умрет и воскреснет в XXI веке. От этого выиграют все, и прежде всего он сам. Его поймут. <...> ...к черту эту механику. Я устал [2, с.460].

Будущее Мейерхольда в интерпретации Булгакова определено его талантом и преждевременностью. Булгаков прямо указал, что дарование Мейерхольда может быть оценено в далеком будущем. Обращение Булгакова в будущее откликается в довластовской «Зоне», где описан абсурдно-романтический эпизод постановки, в котором исполнитель роли Ленина оказался уголовник Гурин. Гуринов-Ленин обращался к «молодежи семидесятых»:

- Кто это? Чьи это счастливые юные лица? Чьи это веселью блестящие глаза? Неужели это молодежь семидесятых?.. <...> Неужели это те, ради кого мы возводили баррикады? Неужели это славные внуки революции?.. <...> Это для вас зажигали мы первые огоньки новостроек! Это ради вас... Дослушайте же, псы! Осталось с гульки хер!.. [5, I, с.160].

На замечание Гурина-Ленина зал грубо ответил: «Замри, картавый, перед беспредельщиной!» [Там же].

Спектакль о трудах партийных чиновников 20-х гг., строивших «светлое будущее» в уголовном лагере, где и зрители, и актеры, и постановщики – уголовники и охранники, воспринимается как абсурд. Также в довластовской «Зоне», судя по всему, не случайно перед описанием сцен спектакля «Кремлевские звезды» мы находим описание концерта, в ходе которого лейтенант Родичев «прочитал стихотворение Маяковского. Он расставил ноги и пытался говорить басом». [5, I, с.160]. В статье Булгакова описана беседа с футуристом, а одним из ярких представителей футуризма был, безусловно, и Маяковский. Вероятно, Довлатов неслучайно ввёл в описание концерта чтение стихотворения Маяковского, который как и Мейерхольд – футурист. Мейерхольд и Маяковский были близки в своих взглядах на искусство. Не случайно Мейерхольд ставил пьесы Маяковского: «Мистерию-Буфф» в нескольких редакциях, «Клопа» и «Баню».

Михаил Булгаков в своих комментариях к постановке Мейерхольдом пьесы «Великодушный рогоносец» описывает сцену, где отсутствует занавес, где вместо декораций — «голая кирпичная стена» с двумя «гробовыми окнами». Этот мотив мы встречаем во вступительной

статье к сборнику «Компромисс» Довлатова: «А за пышными театральными декорациями увидеть кирпичную стену, веревки, огнетушитель и хмельных работяг. Это известно всем, кто хоть раз побывал за кулисами...» [5, I, с.183]. Если не общий мотив, то параллели с описанием закулисья мейерхольдовского театра у Булгакова и закулисья, описанного Довлатовым очевидны.

Михаил Булгаков начинал свой литературный путь именно как драматург. В 1921 году на сцене Владикавказского драмтеатра была поставлена его первая пьеса «Сыновья муллы». Пьеса ставилась ингушской труппой. Позднее пьеса была переведена на осетинский язык, в ней заменили мусульманские имена на осетинские. Ставилась она осетинскими самодеятельными театральными коллективами. Булгаков оценил свой первый опыт драматурга в «Записках на манжетах» в записке под названием «Бежать!! Бежать!!!»: «Что-то тупое и наглое глядело из каждой строчки этого коллективного творчества. Не верил глазам! На что же я надеюсь, безумный, если я так пишу?! С зеленых сырых стен и из черных страшных окон на меня глядел стыд. Я начал драть рукопись. Но остановился. Потому что вдруг, с необычайной чудесной ясностью, сообразил, что правы, говорившие: написанное нельзя уничтожить!» [3]. Сергей Довлатов тоже негативно оценил свой литературный опыт советского периода, также как и Булгаков

не хотел чтобы его произведения советского периода дошли до читателя. 2 декабря 1988 г. Довлатов писал Андрею Арьеву: «Повсюду валяются мои давние рукописи, устаревшие, не стоящие внимания и пр. Самое дикое, если что-то из этого хлама просочится в печать, это много хуже всяческого непризнания» [5, III, с.534]. В 1971 в детском сборнике «Дружба» (1971) вышел рассказ Довлатова «Человек, которого не было». Позднее писатель переделал рассказ в пьесу, которую, судя по всему, он отправил в Псковский драмтеатр, где её нашли в архиве и опубликовали в «Новой газете» [13]. Пока это единственная пьеса писателя. Пьесу с разрешения правообладателей поставили в Псковском театре кукол в 2003 г., но не оставили в репертуаре.

Искусство литератора Довлатова соответствует определению искусства, которое дал Ю.М. Лотман – «вторичная моделирующая система». Особенность поэтики Довлатова – образный тип авторского высказывания, подтвержденное содержательностью и изобразительно-выразительной неповторимостью его художественных текстов – с одной стороны, наличие преемственности с прозой 20-х гг. XX в. – с другой. Довлатов по-своему интерпретировал наследие 20-х гг. в своих произведениях. Элементы текстов литераторов 20-х гг. в текстах Сергея Довлатова – маркер глубокой преемственности, которая прослеживается через объединяющий мотив театра.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. =М.:Искусство,1979. =С.328-335.
2. Булгаков М. Дьяволиада. Повести, рассказы, фельетоны. Кишинев, 1989.
3. Булгаков М.А. Записки на манжетах. http://books.rusf.ru/unzip/add-2003/xussr_av/bulgam11.htm
4. Вагинов К. Забытая книга. М., 1989
5. Довлатов С. Собрание сочинений. В 4 т. СПб., 2019.
6. Сергей Довлатов. Армейские письма к отцу ///Звезда, №5, СПб, 1998.
7. Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. М., 1997.
8. Ильф И., Петров Е. Золотой теленок, М., 1933. 22 – золотой теленок.
9. Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев (полный вариант, с комментариями). Режим доступа: <https://filling-form.ru/dogovor/31083/index.html?page=37>
10. Ковалова А. Лурье Л. Довлатов. СПб., 2009.
11. Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 тт. Т. I. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин, 1992.
12. Новый американец, № 39,5–11 ноября 1980 г., № 102, 26 января - 1 февраля 1982 г.
13. Новая газета, № 34. 21 мая, 2001 г. Режим доступа: <https://novayagazeta.ru/articles/2001/05/21/11668-chelovek-kotorogo-ne-bylo>
14. Штерн Л. Дорога в Голливуд. Воспоминания о работе с Сергеем Довлатовым // Искусство кино. 2003. № 4.
15. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2021.

© Зайцева Светлана Александровна (sveta_gallery@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СЕМЬЯ КАК ПРЕДМЕТ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

THE FAMILY AS A SUBJECT OF CULTURAL REFLECTION

S. Komissarenko

Summary: The article poses the problem of cultural discourse in the study of the family. Being an interdisciplinary subject of research, the family is traditionally considered by the priority sciences of socio-humanitarian knowledge - psychology and sociology. The author of the article, based on the concepts of cultural anthropologists, whose theories contributed to the formation of the science of cultural studies, makes an attempt at a cultural analysis of the genesis and development of the family as a cultural phenomenon. The diversity of family models, its structure and functional purpose are largely determined by the type of culture that corresponds to a particular nation. The article considers «universal» cultural patterns that constitute the essence of culturological approach, and also substantiates the role of tradition as a dominant component of culture that has a priority impact on the family.

Keywords: culture, family, cultural determinants, tradition, culturology of the family, cultural factors.

Комиссаренко Светлана Сергеевна

доктор культурологии, профессор, Санкт-Петербургский
Гуманитарный университет профсоюзов, почетный
работник высшего образования России.

komissarenko07@mail.ru

Аннотация: В статье поставлена проблема культурологического дискурса изучения семьи. Представляя собой междисциплинарный предмет исследования, семья традиционно рассматривается приоритетными для нее науками социально-гуманитарного знания — психологией и социологией. Автор статьи, опираясь на концепции культурных антропологов, теории которых способствовали становлению науки культурологии, делает попытку культурологического анализа генезиса и развития семьи как культурного феномена. Разнообразие моделей семьи, ее структуры и функционального предназначения во многом определяются тем типом культуры, который соответствует тому или иному народу. В статье рассматриваются «универсальные» культурные паттерны, составляющие сущность культурологического подхода, а также обосновывается роль традиции как доминирующего компонента культуры, оказывающего на семью приоритетное воздействие.

Ключевые слова: культура, семья, культурные детерминанты, традиция, культурология семьи, культурные факторы.

Актуальность постановки проблемы изучения семьи в дискурсе культурологии заключается в необходимости обоснования культурного фактора как доминирующего. Сегодня кризис семьи углубляется и расширяется. Разобщенность родства, утрата чувства единения и потеря ее ценности как на уровне индивидуального, так и общественного сознания создают проблемное поле ее существования. Семейная традиция утрачивает свое значение как идеи объединения близких и родных людей в единый культурно-созидающий союз. Политические факторы раскалывают ментально-мировоззренческое ядро семьи, а экономические — нарушают принцип ответственности «всех за каждого». Вместе с тем, семья остается единственным пространством устойчивости и надежности в любые кризисные времена. Чем глубже кризисы, тем крепче должна быть семья. Чем выше турбулентность в окружающем человека мире, тем надежнее должны быть связи между родственниками. Семья — это родство, которое обеспечивает связь между поколениями и сохраняет семейную память, создавая тем самым условия не только для формирования культуры ее членов, но и семьи как «культурного мира» в целом.

Таким образом, не только социальные, политические и экономические, но и культурные факторы влияют на утрату ее значения в современной жизни. Семья перестает быть целостностью как с позиции взаимоотноше-

ний внутри нее, т.е. в практическом воплощении, так и с точки зрения ее осмысления в теоретико-культурологическом ракурсе.

Согласно европейско-американской традиции, в своем основополагающем представлении семьи как моногамном союзе мужчины и женщины, она не меняется в историческом времени, начиная с античности. Ее остов остается неизменным, несмотря на все меняющиеся ее модели современного мира, будь то «открытая» семья или семья «чайлдфри». Вместе с тем, следует заметить, что структурная природа семьи, ее функциональное предназначение никогда не были единными в человеческом измерении. Семья всегда имела многообразие и конструировалась в зависимости от того или иного типа культуры. Ее функциональность также была зависима от тех культурных доминант, которые формировались под воздействием многоликости культур (китайской, американской, английской, русской, чукотской и т.д.). Семья строится по законам культуры того общества, в котором она возникает. Культура задает модель, структуру семьи и обосновывает правила взаимоотношений между ее членами. Именно культурный фактор влияния на ее генезис и развития является доминирующим. Низкий уровень востребованности культурологического знания приводит к понижению культуры каждой отдельной семьи, а также снижает культурный «ареал» ее существования, ибо он не подкреплён законами культурной при-

емственности, нацеленной на сохранение и укрепления семьи как таковой. Вместе с тем, в отечественном социально-гуманитарном знании до сих пор отсутствуют культурологические концепты, рассматривающие семью как предмет культуры. При этом, «культурологии семьи» как самостоятельного направления не существует. В основном культурные аспекты семьи, сконцентрировались вокруг такой социологической дисциплины как «социология культуры», которая, в свою очередь, заявляет о себе либо в кумулятивной связки с классической социологией, либо сводимыми к концепциям научного синтеза в ущерб культурного за счет социального. Семья рассматривается либо как подсистема в структурно-функциональном контексте социальных наук, либо как продукт социокультурного развития и изменения того или иного общества. Не выделенность семьи как предмета культурологами объясняется многими причинами, главными из которых является замедленное становление данной науки в России. Собственно, сама культурология возникает и получает права легитимизации только в 90-х гг. прошлого столетия. Хотя надо отметить, что культура как предмет теоретико-методологических исследований заявляет о себе в 70-80-х гг. Прежде всего это научные труды А.С. Ахиезера, Э.С. Маркаряна, И.С. Кона, М.С. Кагана, Л.Н. Коган, Л.Г. Ионина, А.Я. Флиера, В.М. Межуева и др.

Безусловно, что универсальность семьи как предмета исследования заключается в ее многоаспектности, многовекторности и многосложности, выступающей в виде некоего «мегапонятия». В современном научном гуманитарном знании сегодня вряд ли найдется предмет исследования, который будет свободен от взаимодействия одних наук с другими, то, что можно обозначить как «пересечение дисциплинарных коридоров» (А.А. Пилипенко). Здесь речь идет даже не о синтезе научных дисциплин, а о диффузной направленности их сущности. Интегральный подход к изучению семьи обеспечивает ее теоретическую валидность и конвергенциональное сцепление таких наук как: социология, психология, культурология, история, лингвистика, социальная психология, антропология, этнология, экономика, политология, демография, юриспруденция, педагогика, философия, медицина и т.д.

Действительно сегодня невозможно изучать семью с позиции только одной научной дисциплины будь то психология, социология или антропология. Но при этом, каждая из научных дисциплин считает, что имеет доминирующее значение. Семья как объект научного исследования изучена прежде всего в социологии и психологии. Опираясь на индивидуальные качества личности, т.е. человекоцентричность, психология не просто «захватила» семью в свои границы исследования, но переводя фокус с индивида на межличностные отношения, прирасла «семейной психологией», которая как раз и

ставит данные отношения в центр своих исследований. Психолог Л.Б. Шнейдер определяет семейную психологию «как науку о человеческих отношениях, энциклопедию жизни, свод писанных и неписанных законов, устанавливаемых, выполняемых и нарушаемых членами семьи» [1, с. 30].

Различные аспекты семейной психологии, а также психотерапевтические практики использовали многие как зарубежные, так и отечественные психологи (В. Сатир, Э. Берн, К. Роджерс, А. Адлер, З. Фрейд, К. Хорни, Э. Фромм, С. Минухин, С. Крактохвил А. Варга, А.А. Реан, А.И. Антонов, А.А. Кроник, Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкас и мн. др.)

Социология, имеющая огромный авторитет в изучении общества и различных его подсистем, считает, что такое направление как «социология семьи» является главным. Рассматривая семью как малую группу и социальный институт, социология внесла в ее изучение огромный вклад (О. Конт, Г. Спенсер, Ф. Энгельс, Л. Морган, М. Ковалевский, Ф. Ле Пле, П.А. Сорокин, С.И. Голод, М.С. Мацковский, А.Г. Харчев, В.Т. Лисовский, У.Ф. Огборн, К. Циммерман и др.)

Сегодня трудно представить социологическое знание без культурной составляющей, в канву которой вписана семья. Социокультурный подход к изучению семьи на сегодняшний день считается неоспоримым. Культура определяла вектор становления и развития общества как надорганической составляющей его сущности. П.А. Сорокин одним из первых социологов, кто разработал фундаментальные концепты данного подхода, ибо «общество не может рассматриваться без культуры и быть понятием более широким, поскольку ни социальная группа, ни индивид не могут существовать без компонентов значений и носителей, то есть без культуры» [2, с. 220]

Помимо социокультурного подхода, семья рассматривается в структурно-функциональном контексте социологии, в котором Т. Парсонс выделил три основные «момента» культуры: «во-первых, культура передается, она составляет наследство или социальную традицию; во-вторых, это то, чему обучаются, культура не является проявлением генетической природы человека; и в-третьих, она является общепринятой. Таким образом, культура, с одной стороны, является продуктом, а с другой стороны — детерминантой систем человеческого социального взаимодействия» [3, с. 251]

Э. Гидденс также рассматривал семью в неразрывной связи с обществом и в какой-то степени его теории можно отнести к структурному функционализму. Так, в частности, социолог писал: «культура — это общественный уклад, которому подчиняются отдельные члены или социальные группы данного социума. Сюда входят: манера одеваться; свадебные обряды; правила семейной

жизни, трудовые традиции; религиозные церемонии; способы проведения досуга» [4, с. 33] Ученый выделял фундаментальные для любой культуры «представления о том, что должно считаться важным, стоящим и желательным». По его мнению это «абстрактные идеи, или ценности, помогают человеку направлять свою жизнь в нужное русло и придавать ей смысл. Могогамия (т.е. такой семейный уклад, при котором сексуальные партнеры сохраняют верность друг другу) может служить примером ценности, почитаемой во всех западных обществах. Нормы — это правила поведения, которые отражают или воплощают в себе ценности конкретной культуры. Ценности и нормы во многом определяют образ общественной жизни и манеру поведения представителей данной культуры» [там же, с. 35].

Культурная антропология ближе всех подошла к изучению семьи с позиции культуры. Рассматривая человека основным субъектом культуры, антропология выделяла параметры его существования в социокультурных отношениях, включая семью и брак. Становление и развитие антропологии во многом происходило под влиянием идей и концепций британского этнографа и историка культуры Э.Б. Тэйлора, на многие годы определившего культуру как одно из ведущих направлений антропологии в рамках эволюционизма. Легендарная тэйлоровская «Первобытная культура», написанная в 1871 г., начинается с определения, которое стало наиболее цитируемым на протяжении многих лет антропологической мысли. «Культура, или цивилизация, в широком этнографическом смысле слагается в целом из знания, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества» [5, с. 18]. Явления культуры представляются антропологу тем предметом, который наиболее удобен для изучения различных человеческих обществ, где, с одной стороны, наблюдается некое однообразие в цивилизации, а с другой, - постоянное развитие из прошлого в будущее. Отметим, что Тэйлор считал «культуру» и «цивилизацию» понятиями синонимичными.

Идеи Тэйлора во многом коррелируются с теориями американского антрополога Лесли А. Уайта, который в 1949 г. опубликовал труд «Наука о культуре». В ней ученый изложил концепцию культуры, вывел ее принципы и закономерности. Тем самым Л. Уайт создал самостоятельную отрасль научного знания — культурологию. Таким образом культурология была выведена из антропологии в самостоятельную науку, функционирующую по своим культурным законам. В основе концепции находится способность человека придавать символической значение мыслям, действиям и предметам. «Вся культура (цивилизация) находится в зависимости от символа. Именно использования способности к символизации и привело к возникновению культуры, и именно испол-

зование символов приводит к тому, что культура может себя продолжать. Без символа не может быть культуры, а человек был бы просто животным, а не человеческим существом» [6, с. 45]

Человеческая (артикулируемая) речь является формой символического выражения, посредством которой не было бы, по мысли ученого, человеческой социальной организации — семьи. «Семьи у нас могли бы быть, но эта форма организации не является характерной только для человека; она не является по сути *человеческой*. Однако, у нас не было бы никаких запретов на инцест, никаких правил, предписывающих экзогамию и эндогамию, полигамию или моногамию. Как при отсутствии артикулируемой речи можно было бы предписывать браки и кросскузенами и запрещать браки с параллельными кузенами? Как без речи могли бы существовать правила, запрещающие иметь многих мужей или жен одновременно, но разрешающие иметь по одному (по одной)?» [там же]. По мнению Л. Уайта, без речи не мог бы существовать свод этикетов или этики, никаких законов именно человеческой жизни. А обряды не имели бы смыслов и «церемониальных принадлежностей».

Определяя «культурные детерминанты» фундаментальными в возникновении различных институтов, включая семью, Л. Уайт отказывает таким наукам как психология и социология в их стремлении быть приоритетными, ибо они находятся «за пределами культурных детерминант». Так, помимо речи символами обладает поведение человека, выделяющего его из мира животных. «Психология, например, не может объяснить, почему у одного народа есть кланы (и он ведет себя «кланово»), а у другого их нет; почему люди одного народа едят ножами и вилками, а другие — палочками; почему люди запрещают браки между параллельными кузенами, но настаивают на кросскузенных браках; почему племя практикует полиандрию, соблюдает табу на тещ, образует множественное число с помощью аффиксов, пользуется деньгами и т.д.» [там же. - с. 85]. Все эти явления человеческой жизни являются культурой - традиционные обычаи, институты, орудия, философские учения и т.д. По мнению Л. Уайта, «культура как культура может быть объяснена лишь в терминах культуры» [там же]. Психология занимается исследованием соматических проявлений, а культура есть «экстрасоматический детерминант».

Если психология предметом своих исследований сделала индивидуальное поведение человека, то социология посвятила себя «интерпретации супериндивидуальных (т. е. социальных) психических детерминант поведения и потому стала социальной психологией» [там же. - с. 88]. Однако, ей так и не удалось отличить культурные детерминанты от социальных, т. е. коллективных аспектов поведения. По мнению Л. Уайта, социология так и не смогла «создать науку о культуре, ни стать таковой».

Ученый приводит пример из жизни племени индейцев-навахо, которые бежали среди ночи, когда к их хижине приблизилась группа людей, а это были их тещи, встречаться с которыми лицом к лицу запрещал обычай. Так, Уайт задается вопросом, что являлось детерминантом их поведения психологический или социальный аспект? Однако, ни психология, ни социология не может объяснить почему существует «табу на тещ» у племени индейцев-навахо и отсутствует такой запрет у соседнего племени хопи, т.е. «он не соблюдается»? Но, ученый настаивает, что «люди чувствуют, мыслят и действуют именно так потому, что они обладают определенным обычаем (или точнее сказать, сами находятся в его власти)» [там же. - с. 89]. Эти обычаи и являются предметом культурологии. «Обычай или институт является продуктом действия и взаимодействия других обычаев и институтов. Табу на тещ следовало бы объяснить посредством других обычаев — обычаев брака, проживания, разделения труда по половому признаку, способов существования и так далее. Обычаи и институты — культурные черты вообще — составляют отдельный класс явлений. И в этом своем качестве он может рассматриваться как замкнутая система. Культура — это вещь *sui generis*; культура как культура может быть объяснена лишь в терминах культуры» [там же.- с. 90]. Выделяя культуру как фактор влияния (в данном случае на семью) Л. Уайт называет их синонимичным понятием «культурные черты», присущие привычкам и брачным обычаям, а также представлениям о «правильном» или «неправильном» для культуры каждого народа.

Таким образом можно зафиксировать, что культурологический подход семьи содержит такие «универсальные паттерны» (Р. Бенедикт) как традиции, обряды, церемонии, формы досуговой деятельности, нормы взаимоотношений, ценности, воплощенные в абстрактных идеалах и представлениях, а также нормы поведения, принятые в той или иной культуре. Семья изначально культуроцентрична. Ее типы или модели (патриархальная, нуклеарная, полиандрическая и т.д.) во многом зависят от паттернов, сложившихся в культуре того или иного народа. Модельный конструкт возникает на основе брака. Семья всегда представляла собой новообразованный конструкт жизнедеятельности. Этот конструкт искусственный, создаваемый людьми на основе потребностей человека удовлетворять не столько витальные, сколько социальные и духовные потребности. Внутри-семейное взаимодействие также зависит от универсальных культурных паттернов, которые легитимизированы согласно культурным представлениям разных народов.

Семья возникает в недрах древнего общества на основе появления нескольких родов по законам (как правило) экзогамии в виде необходимого порядка хозяйственной, половой и иных «прагматических соображений». Культура — это всегда порядок из беспорядка

отношений между людьми. Требования к порядку — это требования к обустройству жизни и «упорядочению» отношений, где семья является его результатом и одновременно процессом его наведения по законам культуры того общества, где она возникает. Ее генезис и жизнедеятельность находится под воздействием культурных факторов, которые можно разделить на несколько уровней.

Так, *всеобщий уровень* фиксирует наличие семьи как «культурного факта». Данный фактор влияния свидетельствуют о том, что такая форма культурной жизни присуща многим, если не всем народам. «Нет ни одного народа, лишённого религиозных практик, семьи и социальной системы, того или иного рода собственности, правительства. Факт остается фактом, что эти и прочие элементы любой народ в той или иной форме имеет» [7, с. 38]

Национально-культурной уровень свидетельствует о многообразии моделей семьи, выработанных той или иной культурой, будь-то матриархальная семья Тробриандских островов или нуклеарная семья европейской культуры. Семейные национальные традиции диктуют формы взаимоотношений, прежде всего двух субъектов — мужа и жены, а также отношения к детям, их воспитанию и связям с родственниками. Данная традиция опирается на выработанные нормы, ценности и поведенческие коды на уровне национальной культуры. Культурная составляющая также задает конструкторские элементы семейных взаимоотношений на основании общепринятых аксиом — власти, ролей, коммуникации, открытости и закрытости семейной жизни и т.д.

На институциональном уровне, воплощенном в каждой отдельной семье, культурный фактор воздействует на создание культуры межличностных отношений, которые отражают заданные параметры, принятые в семьях «рождения» между ее членами, т.е. то, что им передалось из предыдущих семей. На данном уровне формируется семейная субкультура, выраженная в сленге, закреплённых ролях, специфических формах коммуникации, семейных обрядах, формах досуга, установленном семейном поведении, стилях одежды, пищевых пристрастиях и т.д.

Индивидуально-личностный уровень отражает общий культурный аспект воспитания и образования человека в семейной жизни. До вступления в семейную жизнь, т.е. в добрачном периоде формируется мотивация к ней, а также ценностные ориентации и представления о семье. В процессе непосредственной семейной жизни ценности членов семьи изменяются. Они могут трансформироваться и подвергаться коррозии. Однако, культурный фактор сдерживает негативные проявления эмоций и направляет индивидуальное поведение согласно принятым правилам семейной жизни.

Взаимодействие человека как носителя определен-

ных социальных качеств в виде ролей, статусов, разделяемых норм, жизненных ценностей и социально задающей общественной среды происходит путем организации семьи как своеобразного средоточия личных и социальных интересов, где культура определяет точки пересечения и задает координаты движения (культурной динамики) в процессе жизненного цикла, начиная от зарождения до ее завершения. Во многом социально задающая среда возникновения семьи диктуется, с одной стороны, традицией, ибо «на ней основан процесс социализации, поскольку он предполагает усвоение индивидом социокультурного опыта и означает наследование, подключение к групповой памяти, укоренение в этом прошлом, дающее ему возможность ориентироваться в мире и обеспечивающее надежности и стабильности» [8, с. 248]. С другой стороны, – как пишет исследователь О.И. Горяинова, – на становление человека как субъекта культуры, кроме социокультурного опыта влияет «осознание и противопоставление себя окружающему миру, основанном на развитии самосознания как рефлексии интегральной целостности своего Я» ограничивает власть традиции. Здесь вступает в силу принцип интерпритации культуры, когда человек рассматривает семью не столько в виде «всеобщего», сколько в виде «особенного» [там же]. Это, по мнению ученого, и есть культура.

Культура — это процесс и результат материально-предметного и духовного обустройства людей в окружающем их семейном мире. Это развитие самого чело-

века, его близкого окружения в той среде пребывания, где развивается сам человек благодаря, выработанным нормам взаимоотношений, ценностным представлениям и моделям поведения. В тоже время, сам человек не просто усваивает выработанные культурные «коды», но и создает их в соответствии с семейными традициями, которые вновь формируются в новообразованной семье. По своей сущности традиция антиномична. С одной стороны, она обладает чертами инвариантности, которая проявляется в том, что она сохраняет накопленные веками устои и уклады самой жизни и их неизменности и сохранности, чтобы передать другим поколениям. С другой, – традиция вариантна, поскольку не является раз и навсегда застывшим явлением, выработанными ранее жизненными ценностно-нормативными матрицами. Как доминирующий паттерн, традиция меняется по законам культуры, которая действительна и подвижна, рефлексивна и динамична. Понимание культуры как раз и навсегда усвоенных артефактов ведет к застою и стагнации ее сущности и отказу от поиска тех путей, которые диктуются современными вызовами. Культура должна быть мобильна и способна к поиску ответов прежде всего цивилизационным вызовам, а не набором застывших представлений о жизни. Абсолютно также мы можем говорить об изменениях структуры и сущности семьи. Сложность современного мира, его повышенная дифференциальность не могут сдерживать процессы культурной динамики постиндустриального общества. Меняется культура, меняется семья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шнейдер Л.Б. Семейная психология: Учебное пособие для вузов. 2-е изд. — М. Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2006. - 768 с.
2. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество /Пер. с англ., - М.: Политиздат, 1992. - 543 с.
3. Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем /Американская мысль.: [Тексты]: под ред. В.И. Добренкова. — М.: Изд-во МГУ, 1994. — 496 с.
4. Гидденс Э. Социология /Пер с англ. //При участии К. Бердсолл. Издание 2-е, полностью перераб. и дополн. - М. Едиториал УР ССР, 2005. - 632 с.
5. Тэйлор Э.Б. Первобытная культура /пер. с англ. - М.: Политиздат, 1989. - 573 с.
6. Уайт Л. Избранное: Наука о культуре /Пер. с англ. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. - 960 с.
7. Херсковец М., Уиллей М. Культурный подход к социологии /Пер. с англ. //Личность. Культура. Общество, Т. XVIII, Вып. 2, №№ 63-64, 2011. - 44 с.
8. Горяинова О.И. Индивидуальность и традиция //Культурология XX век. Энциклопедия. Т. 1. - СПб.: Университетская книга; ООО «Алетейя», 1998. - 447 с.

© Комиссаренко Светлана Сергеевна (komissarenko07@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИНДЕКСАЛЬНЫЕ ЗНАКИ ЭЛИТАРНОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ XX-XXI ВЕКОВ

Костюк Екатерина Борисовна

кандидат педагогических наук, доцент, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов
e_shpakov@mail.ru

INDEX SIGNS OF ELITE MUSICAL CULTURE OF THE XX-XXI CENTURIES

E. Kostyuk

Summary: The article deals with signs-signs, as well as the phenomenon of index connotation of iconic and kinetic signs that have developed in the sphere of elite musical culture by the XX-XXI centuries. Analyzing the issues of their specificity, the author pays special attention to the functional metamorphoses, transcultural and pragmatic aspects of their use in the culture of the designated historical period, which are reflected in the visual significance of color, clothing style, and kinetic features of behavior, manner of performance of musicians of different directions on stage. The author suggests that the index signs of elite musical culture also include the specifics of the rhythmic organization of European music, as well as the cultivation of the melody's cantilene characteristic of it as a sign distinguishing it from the rhythm-centered forms of non-European musical thinking. The conclusions of the study contain the conclusion that the index signs of the elite musical culture of the XX-XXIV centuries are read in modern times.

Keywords: elite musical culture, index signs, semiosphere, music, musical language, genres.

Аннотация: В статье рассматриваются знаки-признаки, а также феномен индексальной коннотации иконических и кинетических знаков, сложившихся в сфере элитарной музыкальной культуры к XX-XXI вв. Анализируя вопросы их специфики, автор особое внимание обращает на функциональные, транскультурные и прагматические аспекты их использования в культуре обозначенного исторического периода, которые нашли свое отражение и в визуальной знаковости цвета, стиля одежды, и в кинетических особенностях поведения, манеры исполнения музыкантов разных направлений на сцене. К индексальным знакам элитарной музыкальной культуры автор предлагает отнести также специфику ритмической организации европейской музыки, а также характерное для нее культивирование кантиленности мелодии как признака, отличающего ее от ритмоцентрированных форм неевропейского музыкального мышления. Выводы по исследованию содержат заключение о том, что индексальные знаки элитарной музыкальной культуры XX-XXI вв. считаются современной публикой в коннотации принадлежности к традициям европейской академической музыкальной культуры.

Ключевые слова: элитарная музыкальная культура, индексальные знаки, семиосфера, музыка, музыкальный язык, жанры.

Элитарная музыкальная культура как семиотическая система к началу XXI века становится объектом внимания в контексте нарастающего диалога культур Востока и Запада с одной стороны, и развивающегося кризиса цивилизационного развития человечества – с другой. Исследование аспектов семантики языка музыкальных культур является одним из возможных способов понимания механизмов межкультурного взаимодействия не только в сфере искусства, культуры, но и на уровне вербально-невербальных контактов в общественной жизни, обеспечивающих возможность результативного диалога.

Надо отметить, что проблеме элитарного сознания, культуры посвящено в отечественной и зарубежной науке немало исследований: Адорно Т., Запесоцкого А.С., Иконниковой С.Н., Кагана М.С., Комиссаренко С.С., Костиной А.В., Маркова А.П., Махлиной С.Т., Ортега-и-Гассета Х., Суворова Н.Н., Тойнби А., Хренова Н.А., Шехтер Т.Е. и мн. других. Особое значение в контексте рассматриваемой проблематики приобретают научные труды М. Бахтина, Г. Крейдлина, С. Махлиной, А. Лосева, Ю. Лотмана, так как позволяют рассмотреть семиосферу элитарной музыкальной культуры как систему, и определить осо-

бенности ее индексальных знаков.

К индексальным знакам (знакам-признакам) элитарной музыкальной культуры, которые сложились в рамках европейской цивилизации, хотя как справедливо отмечает С.Т. Махлина: «различные типы знаков не существуют в абсолютно чистом виде ни в одной сфере человеческой деятельности» [1, с.20], можно отнести особенно как визуального (костюм исполнителя), так и аудиального планов (знаковые особенности сложившегося музыкального языка). В условиях развития современной музыкальной культуры сложившиеся к XX веку иконические знаки элитарной сферы зачастую приобретают функцию индексального знака, имеют транскультурный и прагматический аспект.

Семантическим признаком, фактически ставшим традицией с XIX века, сохраняющейся и по сей день, становится для академического музыкального направления определенное цветовое решение костюма музыканта – черно-белое, то, что называется классикой [2] в цветовой семантике, несущее смыслы строгости, монументальности, серьезности. Равно как и избранная разновидность парадной одежды – фрак, реже смокинг, которые высту-

пать знаком-признаком именно музыки академической традиции. Один из выдающихся советских лекторов Ленинградской филармонии И.Л. Андроников упоминал в своем рассказе «Первый раз на эстраде» [3]: «Вдруг я увидел дирижера Александра Васильевича Гаука, под чьим управлением должны были играть в тот вечер Танева. Гаук расхаживал по гостиной, выправлял крахмальные манжеты из рукавов фрака» [3].

Российский ученый в сфере истории моды Музалевская Ю.Е. отмечает, что фрак стал частью гардероба не только мужчин, но и женщин, начиная с XVIII века. Первоначально их цветовое решение было весьма разнообразно, однако во второй половине XIX века мода на «цветные» фракы отменилась, уступив тенденции к более темным тонам. «Фрак и брюки черного цвета с белоснежным жилетом стали отличительным знаком респектабельности, символом преуспевания, достатка и высокого положения в обществе» [4, с.26-27]. В XX веке на музыкантах академической традиции также стал появляться черный или белый смокинг [4]. Этот вариант костюма считался менее официальным, чем фрак, более удобным, Ираклий Андроников также упоминает об этом в своем вышеозначенном рассказе: «И по узенькой тропинке между виолончелей и скрипок, по которой нужно было пройти, прижав рукой полу пиджака (автор-фрака), чтобы не зацепляться...»[3].

В советской культуре, начиная с 1930-х годов, музыканты придерживались сложившейся традиции внешнего вида на концертной эстраде – выступления во фраке, особенно в филармонии. Об этом свидетельствуют многочисленные фотографии известных дирижеров того времени: Е. Мравинского, А. Гаука, и многих других. Для музыкантов, участвующих в оркестре более стал характерен именно смокинг, черного цвета, с белой рубашкой и черной бабочкой, внешний вид исполнителя при этом соответствует торжественности обстановки, фактически музыкального священнодействия в театре или в филармонии, и удобен в эксплуатации. Музалевская Ю.Е. отмечает, что: «В современной Англии черный смокинг (пиджак) с остроконечными лацканами или с шалевым воротником, надевают с черным галстуком-бабочкой на большинство вечерних официальных приемов. С ним комплектуют черные брюки с атласными лампасами. Жилет с модным рисунком, гармонирующим с галстуком-бабочкой, может разнообразить этот наряд [4,с.30]. Такой формат концертного костюма среди музыкантов оркестров, или солирующих вокалистов типичен.

На рубеже XIX-XX веков, как пишет исследователь, фрак, а затем и смокинг стали парадными туалетами для торжественных приемов. То, что фрак и смокинг черного цвета использовался музыкантами академической европейской традиции, по нашему мнению, определенно подчеркивало серьезность отношения к исполняемой

музыке как священному действию, настраивая и слушателей на такой же контекст восприятия, фактически стал иконическим знаком.

Эстрадные оркестры XXв. зачастую исполняют музыку в белых смокингах. Закрепление такой традиции в одежде знаково и прагматично. «Белый смокинг (но обязательно с черными брюками) можно носить летними вечерами, в круизе или на культурных мероприятиях соответствующей тематики» [4,с.30]. Облегченность визуального восприятия публики музыкантов оркестра подчеркивает более развлекательный ее характер, например, при исполнении вальсов И. Штрауса-сына и т.п.

Показательно, что когда появились первые джаз-бэнды, а в них играли сначала только афроамериканцы, то они также были в черных фраках или смокингах, перенимая это иконический знак образа музыканта от «белых», равно как и кинетический (невербальный) – манеру поведения на сцене. С.Т. Махлина отмечает, что во все времена «язык тела был чрезвычайно значим...В каждой культуре существуют стереотипные позы для разных возрастов и полов, социальных страт» [5, с.341], а мы добавим, что в рамках нашего исследования и разных типов музыкальных культур. Для элитарной музыкальной культуры европейской традиции характерна – спокойно-статичная поза туловища. Ее копировали как знак-признак афроамериканские музыканты, но вносили и некоторые изменения. «В искусстве выражение эмоций...опосредуется не только привычками эпохи, но и специфическими требованиями искусства, стилем данного художественного произведения, манерой...знаки-признаки весьма распространены в искусстве» [5, с.36]. Первоначально - в виде пристукивающей ступни ноги в ритм, что хорошо видно на первых видеозаписях Л. Армстронга, Д. Эллингтона и многих других. Данная «новизна» в невербальном поведении джазменов была обусловлена спецификой перекрестного ритма джаза, поскольку пристукивание облегчает «включенность» исполнителя в музыкальное действие. С другой стороны пластическая свобода стала знаковой именно для массовой музыкальной культуры XX века, так как обозначала совершенно иную традицию - пластически-раскованного музыкального поведения – не-европейскую (африканскую). Интересно также, что перенимая семантику костюма европейского музыканта, манеру поведения, джаз-исполнители первоначально подражали и мимике - невозмутимого спокойствия, фактически в этом плане становящейся индексальным знаком, отмечающим принадлежность к европейской музыкальной традиции. Это было необходимо для вхождения в концертное взаимодействие с аудиторией начала XX века, и «белой», и «черной»[15, с.106-107]. Такого рода заимствование, безусловно, диалогично, транскультурно, что и обуславливает возможности вхождения нового в существующее.

В стиле свинг (1930-е) более активно стали использовать смокинг не черного, а белого, серого, то есть «легких» цветов, достаточно посмотреть фото биг-бэнда Бенни Гудмена [6], оркестр Гленна Миллера [7] и других звезд эпохи свинга. Ныне, когда артист выходит на сцену в смокинге или фраке это может быть расшифровано публикой как «ирония», «шутка» если он, например, представитель поп-музыки, глэм-рока и т.п., так как используется этот знак как индексальный. В этом плане показателен видео-клип «I'm Going Slightly Mad» [8] рок-группы QUEEN, в котором ее солист- Фредди Меркьюри одет в черный смокинг, однако смысл песни клипа абсолютно ироничен. Но возможна и иная индексальная трактовка отношения: как призыв к слушателям вдумчиво отнестись к исполняемому, через характерную семантику костюма. Примером, может быть запись песни «How Can I Go On» [9] в дуэте с оперной певицей М. Кабалье, в котором рок-исполнитель Ф. Меркьюри тоже в черном смокинге, однако коннотация этого знака-признака иная. Песня слушается как оперный дуэт, и мимика, пластика в совокупности с семантикой костюма поп-рок-исполнителя также подчеркивает торжественность, серьезность отношения к содержанию.

К индексальным знакам элитарной европейской музыкальной культуры необходимо также отнести особенности музыкального языка. К ним относятся - мажорно-минорная ладовая система на основе сочетания тонов-полутонов, а в XX веке – додекафония и атональность, в сфере ритма - преобладание акцента на сильную долю, опора на двудольный метр. Именно в такой метроритмической организации музыки еще с позднеантичного времени, Средних веков европейским мыслителям виделась истинная гармония в музыке. Так, например, в книге Августина Блаженного о музыке [10, с.133] говорится что: «Среди всех предметов, которые воспринимаются, состоящими из частей, не те ли являются как прекрасные, чьи части взаимно согласованы по сравнению с имеющими несогласованные и диссонансирующие части?... Поэтому и двухчастные метры имеют преимущество над остальными». Большое значение придается разумному влиянию музыки на слушателя, культивированию в музыке иерархии и соотносительности ее элементов, которые дают истинную гармонию, а значит красоту.

Практически кардинальный отход от этого постулата совершается в европейской музыкальной культуре еще с эпохи Романтизма и тем более в XX веке. Интеллектуализм как движущая сила развития музыкального сознания композитора XVII-XVIII веков, уступает место эмоциональности, а позднее и чувственности, проявляемой особенно через ритм.

Ритм массовой музыки XX века практически во всех направлениях, основанный на *акценте слабой доли*, создающей эмоциональный, «телесноответный эффект»

восприятия стал фактически ее индексальным знаком. Такие изменения произошли под влиянием, в том числе, и музыки неевропейских культур. В.Н. Холопова в исследовании отмечает: «Роль ритма неодинакова в различных национальных культурах... Иногда ритм оказывается на первом плане, как например, в культурах Африки и Латинской Америки» [11, с.3]. Можно отметить также, опираясь на классификацию, предложенную В.А. Цуккерманом, что ритмика европейской музыкальной культуры в целом стремится к «консонизирующему» типу, а неевропейские, такие, как, к примеру, африканская, индийская - к «диссонизирующему» [12, с.181-200]. Сложные перекрестные ритмы, возникшие в музыке К. Дебюсси, композиторов XX века испытали на себе влияние иной, неевропейской традиции [13, с.27] диалог двух музыкальных культур привел к взаимообогащению звукообраза культуры XX века, отличая его от предшествующих столетий. Обращение композиторов академической традиции к «диссонизирующему» неевропейскому типу ритма в произведении служит зачастую не только художественно-выразительным средством, но и индексальным знаком.

Индексальной становится для элитарной европейской музыки *кантиленность*. Для нее огромно значение мелодии как основного средства выразительности. Мелодия в музыке европейской традиции со Средних веков формировалась, как отмечает В.Д. Конен, под значительным влиянием высоты духовного слова в молитве, навсегда впечатывая в нее «истину и правду» [14, с.21] чувства, и фактически в значении *музыкального эквивалента мысли* культивировалась композиторами Европы вплоть до XX века. Особенно очевидно стало значение мелодии как носительницы мысли в эпоху Просвещения, когда европейские философы И. Кант, Р. Декарт, Вольтер и др. провозгласили «культ разума», не тела. В этом плане опера с середины XVIII века демонстрировала все более увеличивающееся количество мелодий, которые можно было повторить и без слов, поскольку смысл, интонационно-эмоциональные клише в них «намертво» впечатывались. Более того, эволюционной тенденцией развития оперы, становится индивидуализация мелодии по отношению к конкретному герою, например, в операх В.А. Моцарта, появление системы лейттем, связанных с определенным образом, символом и т.д. как в операх композиторов XIX века, века - Р. Вагнера. Н. Римского-Корсакова и т.д. Более того ритмика в европейской музыке как отмечает В.Н. Холопова испытала на себе значительное влияние поэтической рифмы, то есть Слова, в отличие от мелодики неевропейских культур, в которых метроритмика формировалась под влиянием танца, пластики движения, то есть тела. Американский исследователь джаза Дж. Коллиер подчеркивал, что: «Африканская музыка... неотделима от движений человеческого тела... в основе своей носит ритмический характер... игра с использованием «перекрестных ритмов» - основа африканской музыки» [15, с.18-19].

По форме произведения элитарной музыкальной традиции отличаются, как правило, многообразием, сложностью организации внутри музыкальных образов, даже в малых формах (вальсы Ф. Шопена, песни Ф. Шуберта и т.д.) сохраняют идею серьезного, духовного, думающего, драматического, что отличает эту музыку от форм, принятых в массовой музыкальной культуре, малых по форме и содержанию, с идеей развлекательного, сентиментального, сиюминутного и т.п. планов. Использование в опере, балете композиторами такого рода жанров (танго, фокстрот и т.д.) становятся знаками-признаками вульгарности, пошлости (например, в опере «Возвращение» А. Берга, в балете «Золотой век» Д. Шостаковича и т.п.).

Таким образом, целый ряд сложившихся иконографических знаков элитарной музыкальной культуры к XX-XXI вв. приобретает в современных условиях функцию индексальных, особенно те, что имеют визуальный характер, и считаются современной публикой в коннотации принадлежности к традициям европейской академической музыкальной культуры. Их применение может становиться для исполнителей разных музыкальных направлений и определенным художественным символом, и коммуникативным знаком для общения с публикой, приобретающим транскультурный характер в контексте континуальности элитарного и массового.

ЛИТЕРАТУРА

1. Махлина С.Т. Язык искусства в контексте культуры. Санкт-Петербург: СПбГАК, 1995. 216с.
2. Исаев А.А. Феномен цвета в контексте бытия человека: опыт философского анализа. Автореферат диссертации на канд. филос.наук. Магнитогорск: 2006// URL: <https://www.dissercat.com/content/fenomen-tsveta-v-kontekste-bytiya-cheloveka-opyt-filosofskogo-analiza> (дата обращения 02.01.2022)
3. Андроников И. Первый раз на эстраде. Москва: 1985. Ираклий Андроников. Первый раз на эстраде (lib.ru) (дата обращения 02.01.2022)
4. Музалевская Ю.Е. Стилистика в создании образа: анализ формирования стилей в моде. Саратов: Вузовское издание, 2019. 110с.
5. Махлина С.Т. Лекции по семиотике культуры и лингвистике. Санкт-Петербург, Изд-во «СПбКО», 2010. 468с.
6. Оркестр Бенни Гудмена фото. URL: <https://eugenescene.org/ofam-2019-heres-your-chance-to-be-a-swinger-with-nine-days-of-concerts-talks-films-even-community-singalongs/> (дата обращения 03.10.2022)
7. Гленн Миллер. В настроении. URL: <https://ok.ru/video/39761873572> (дата обращения 03.10.2022)
8. Queen - I'm Going Slightly Mad URL: (<https://www.youtube.com/watch?v=1by6BTrJXU&t=29s>) (дата обращения 03.10.2022)
9. Ф.Меркьюри и М.Кабалье - How Can I Go On –URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ksNoe8W2jTc&t=4s> (login date 03.10.2022)
10. Бычков В.В. Эстетика отцов церкви. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=314065&p=133> (дата обращения 03.10.2022)
11. Холопова В.Н. Музыкальный ритм: Очерк. Москва: Музыка, 1980. 72с.
12. Цуккерман В. А. Анализ музыкальных произведений: Сложные. формы: Учебник. Москва: Музыка, 1984, 214с.
13. Назарова В.Т. Музыка XX века. Санкт-Петербург: СПбГУКИ, 2001. 162с.
14. Конен В.Д. Третий пласт. Новые массовые жанры в музыке XX века. Москва: «Музыка», 1994, 158с.
15. Коллиер Дж. Становление джаза. Москва: «Радуга», 1984. 392с.

© Костюк Екатерина Борисовна (e_shpakov@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИЛЛЮСТРАЦИИ В УЧЕБНИКАХ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА В КИТАЙСКОЙ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ: КОМПОЗИЦИЯ, СТИЛИСТИКА, СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

ILLUSTRATIONS IN TEXTBOOKS OF ARTS IN A CHINESE ELEMENTARY SCHOOL: COMPOSITION, STYLISTICS, SOCIO-CULTURAL CONTEXT

Miao Jianzhong

Summary: The teaching of arts in elementary general education schools is in line with the state policy of cultural nationalism in the PRC and is focused on developing the cultural capital of students in the period of «reform and openness». If in the early period (1949-1979) a cultural break with tradition was declared and revolutionary plots and the style of socialist realism dominated, then at the present stage, cultural continuity with the traditional (classical) heritage is being restored with the widespread use of Western artistic ideas, techniques and modern technologies. The dialogue of the Chinese tradition and Western innovations can be traced in the composition, style and structure of the fine arts textbook, which corresponds to the modern trends of metamodernism.

Keywords: illustrations, China, human arts, art textbook, composition, style, structure.

Мяо Цзяньчжун

Аспирант, Дальневосточный федеральный университет
myao.tc@dvvfu.ru

Аннотация: Преподавание изобразительного искусства в начальной общеобразовательной школе соответствует государственной политике культурного национализма в КНР и ориентировано на развитие культурного капитала учащихся в период «реформ и открытости». Если в ранний период (1949-1979 гг.) декларировался культурный разрыв с традицией и доминировали революционные сюжеты и стилистика соцреализма, то на современном этапе происходит восстановление культурной преемственности с традиционным (классическим) наследием при широком применении западных идей, художественных техник и современных технологий. Диалог китайской традиции и западных инноваций прослеживается в композиции, стилистике и структуре учебника ИЗО, что соответствует современным тенденциям метамодернизма.

Ключевые слова: иллюстрации, Китай, искусство человека, учебник искусства, композиция, стиль, структура.

Актуальность

Изучение иллюстраций в китайском учебнике изобразительного искусства является частью более широкой проблемы – изучения современной книжной иллюстрации для детей в рамках искусствоведения. Учебник в данном случае рассматривается не как педагогическое пособие для обучения рисованию и др. техникам, а как наиболее распространенный в КНР образец детской книжной иллюстрации, через который все китайские дети получают опыт приобщения к этому искусству. Безусловно, опыт семейного дошкольного чтения иллюстрированных книг может быть и более ранним, и более тонким и глубоким. Однако этот опыт затрагивает только наиболее образованные слои китайского общества и зависит от достатка семьи, условий проживания и т.п. Через знакомство с иллюстрациями в учебниках проходит все поколение китайских детей, приобретая общий опыт, который становится фундаментом их дальнейшего восприятия книжной иллюстрации. В связи с этим, представляется актуальным определить как эмпирическое содержание иллюстраций в учебнике ИЗО, так и более широкий социокультурный и художественный контексты, в котором эти иллюстрации суще-

ствуют. Педагогическое назначение учебника является, безусловно, еще одной рамкой, которая влияет на чисто эстетические задачи иллюстрации, придает им некоторую специфику, но вовсе их не отменяет. Искусство долгое время существовало в рамках религиозных культов, что не мешало художникам создавать великие произведения, и искусствоведение как наука возникло на базе изучения и толкования именно этих «прикладных» религиозных образцов времен Античности и Средневековья.

Историография

Иллюстрациям учебной литературы посвящены работы ряда российских [7] и китайских авторов – Гао Чжэнью и Сюй Ся [11]; Цю Манли [9] и др. Способам преподавания ИЗО в общеобразовательной и художественной школе посвящены труды Се Юнхуэй [8], Лэй Лэй Ц. [6], Юй Аньдун [10] и др. Их внимание преимущественно сосредоточено либо на педагогических аспектах обучения профессиональных художников, либо на искусствоведческом сравнительном анализе иллюстраций в западной, российской и китайской учебной литературе. Иллюстрации в китайских учебниках Изобразительного искусства последнего поколения пока не становились

предметом научного анализа и теоретического осмысления в искусствоведении.

Объект – иллюстрации в современных учебниках ИЗО (美术) в Китае.

Цель статьи – выявить как в иллюстрациях и эстетической концепции учебника ИЗО отражается художественная и национальная специфика, проявляющаяся в современных подходах к обучению, структуре учебников, особенностях композиции и стилистики в системе преподавания изобразительного искусства в КНР. Достижение этой цели предполагает решение следующих задач: выявить современные тенденции государственной культурной политики в КНР, в рамках которой создаются учебники ИЗО; исследовать структуру, композицию и стилистику иллюстраций в учебниках, их художественную и национальную специфику; определить характер отношения к традиционному наследию (классическому художественному канону) в современном учебнике; выявить связь иллюстраций с одним из современных художественных направлений в искусстве; определить общий принцип книжного иллюстрирования по сравнению с западным и восточноазиатским типами.

Материалами для исследования послужил комплекс учебников, учебных тетрадей и дидактических материалов, используемых в общеобразовательной школе в 1-6 классах, с иллюстрациями китайских художников, которые размещены и продаются на электронных платформах AliExpress, Ozon и др., а также распространяются через эти платформы бесплатно в формате pdf. Используются около 50 видов учебной продукции, изданных за последние 20 лет.

Основным **методом** исследования является иконологический – раскрытие исторически-обусловленного образно-символического содержания произведения искусства. Метод применяется на трех уровнях анализа: эмпирическом – что и как изображено; иконографическом – интерпретация условного значения изображения в связи с традиционным каноном, метафорический и символический смысл отдельных элементов и целого; иконологическом – выявление связи данного произведения с более широким кругом значений, имеющих по определению Э. Панофского отношение к «нации, периоду, классу, религиозным и философским представлениям эпохи» [Цит. по 5].

Использованы элементы семиотико-герменевтического подхода: показано, что отдельные иллюстрации в композиции страницы могут использоваться как знаки и как символы, а в целом образуют единое сложное пространство (текст или гипертекст). Выявлено, как различные отношения с национальной художественной традицией (связь/отчуждение/диалог) репрезентируются в

иллюстрациях с помощью визуальных приемов. Использован метод «герменевтического круга» – при переходе от описания одной иллюстрации на более высокий уровень (страницы, главы, общей композиции), возникают новые смыслы как отдельных элементов, так и целого, что позволяет установить принадлежность произведения к специфическому типу и общему культурному направлению.

Результаты исследования

Социокультурная парадигма

В период «Реформ и открытости» в КНР изменились приоритеты государственной культурной политики, в том числе представления о роли книги и книжной иллюстрации в официальной идеологии КПК по сравнению с более ранним этапом развития КНР (1949-1978 гг.), когда было велико влияние советской книжной культуры и детской книжной иллюстрации в стиле соцреализма. В период активного строительства коммунизма (1949-1978 гг.) в результате реформы школьного образования был декларирован и практически осуществлен разрыв с классической культурной традицией как «эксплуататорской» и «реакционной». В феврале 1957 года Мао Цзэдун подчеркнул в своей статье «О правильном обращении с внутренними противоречиями народа»: «Наша образовательная политика должна позволить образованным людям развиваться в области нравственного, интеллектуального и физического воспитания, для того чтобы человек стал социалистически настроенным и грамотным рабочим» [2, с.56].

В 1950-х годах в КНР изучали советскую педагогическую теорию и опыт, накопленный СССР в области народного образования. В это время в Китае работали около 1000 советских преподавателей, а в советских учебных заведениях прошли подготовку более 10 тысяч студентов и специалистов из КНР. Это не могло не повлиять на оформление учебников. Учебники в КНР были ориентированы как на детей, так и на малограмотных взрослых и служили одним из инструментов проведения в жизнь политики Коммунистической партии и нового государства, выполняя не только образовательную и воспитательную функции, но и становясь средством политической пропаганды. Образцом в данном случае служили советские школьные учебники периода сталинизма. Часть их содержания прямо переносилась в китайские учебники вместе с иллюстрациями. Так в китайские учебники попадали рассказы о школьных годах В.И. Ленина, о революционном вкладе И.В. Сталина, о научных заслугах Ломоносова, Мичурина и др. вместе с их портретами [7, с.15]. В одном из первых учебников «Язык и литература» («语文», 1953 г.) для вечерних школ были напечатаны стихи китайского поэта Го Сяоцуна, который выражал свою радость по поводу того, что СССР успешно

запустил первый в мире искусственный спутник Земли, а самолет «Туполев» выполнял беспосадочные перелеты на тысячи километров. В тексте были приведены рисунки с изображением спутника и самолета [17].

Следует отметить, что иллюстрации в советских учебниках 1930-1950-х гг. хотя и несли новую идеологию и сюжеты содержательно, по форме были вполне традиционными для России: это была добротная традиция академического реализма, привычная для нескольких поколений. Для Китая же иллюстрации в таком стиле означали радикальный разрыв с собственной живописной традицией. Так что радикализм новой коммунистической идеологии выражался в столь же радикально новых для Китая стилистических приемах. В учебниках периода строительства коммунизма (1949-1978 гг.) было очень много сюжетов и символики, связанных с идеологией: портреты деятелей мирового и китайского социалистического движения, известные революционеры, герои войн, революционные писатели и художники, красные флаги, пионерский галстук, фотографии парадов и государственных мероприятий [18]. (См. рис. 1)

Рис. 1. Учебники 1949-1978 гг. КНР, Музей Внутренней Монголии

В период «Реформ и открытости» (с 1979 г. до наших дней) происходит отход от наиболее радикальных идеологических принципов периода раннего КНР и постепенно восстанавливается преемственность с классической для Китая художественной традицией. По отношению к школьным учебникам действует политика культурного национализма, когда современный КНР позиционируется как наследник культурных достижений всей своей многотысячелетней истории. Преподавание Изобразительного искусства (美术) в КНР сблизились с западным подходом к изучению искусств (Hunan Arts) [13].

Изменившаяся социокультурная парадигма предполагает, что обучение ИЗО в школе должно примирить две разнонаправленные тенденции. С одной стороны, сиюминутные интересы детей и родителей сосредоточены на успешной сдаче экзаменов, то есть быстром улучшении прикладных навыков рисования. Однако в долгосрочной перспективе для выхода на современ-

ный рынок труда зачастую более полезными оказываются более широкие и теоретические знания и навыки, так как современное изобразительное искусство далеко вышло за пределы производства «картин». Современные художники работают в области книгоиздания, анимации, мультипликации, промышленного и компьютерного дизайна, рекламы и многих других сферах и кроме навыков «рисования» для них не менее важными является эстетический вкус, умение ориентироваться в традиционных и современных стилях, владение цифровыми технологиями, навыками коммуникации и т.п. [12].

Можно посмотреть на эту проблемы и с точки зрения современного потребителя: критерии художественного восприятия и эстетически адекватного поведения имеют значение не только при потреблении произведений собственно искусства, но и для повышения качества жизни человека во всех сферах повседневной жизни. Современные люди и социум предъявляют новые эстетические требования к качеству городской и природной среды, жилью и одежде, бытовому окружению. Указанное выше противоречие снимается благодаря тому, что изучение ИЗО в современной китайской школе происходит в рамках концепции повышения «культурного капитала» учащегося. Приобретенные знания и навыки повышают культурный капитал школьника, который пригодится ему не независимо от того, станет ли он профессиональным художником или будет работать в иной трудовой сфере и останется только потребителем искусства. Кроме того, существует огромная пограничная сфера любительского искусства, в которой миллионы людей занимаются искусством как хобби, но в то же время легко находят потребителей своего творчества благодаря цифровым технологиям.

Учебники

В КНР существует единый государственный учебник для преподавания ИЗО в общеобразовательной школе. В 2003-2013 г. это был учебник «Рисунки. Учебное пособие для начальных классов» [15]. В 2014 г. появился новый учебник для 1-6 кл. [16]. Новые рабочие тетради для уроков ИЗО начали издавать в 2012 г. [14].

Рассмотрим содержание и художественные принципы иллюстрирования учебников Изобразительного искусства для начальной общеобразовательной школы. Версия издательства Xiangmei учебников по искусству для начальной школы представляет собой полный набор из 12 учебников по искусству для начальной школы для первого, второго, третьего, четвертого, пятого и шестого классов (2 тома на класс) (См. Рис. 2). Именно он является самым широко распространен-

1 Учебники 1949-1979 гг. КНР, Музей Внутренней Монголии. URL: <https://www.flickr.com/photos/101561334@N08/19755241342/> (Дата обращения: 22.06.2022)

ным образцом, по которому все китайские дети знакомятся с общими представлениями об изобразительном искусстве, о его разных жанрах и техниках. Эту линейку учебников оформили известные художники Ху Юнкай, Е Фэй и У Вэньхуань, известные также как авторы иллюстраций к таким книгам для детей как «Йи Чжунтянь - классическая китайская история» и «Китайские идиоматические истории».

Руководитель группы Ху Юнкай (胡永凯, род. 1945 г.) учился в престижной Центральной Академии изящных искусств в Пекине; в 1964-1985 гг. служил арт-директором на киностудии анимации в Шанхае, где нарисовал ряд мультфильмов, впоследствии заслуживших множество наград и призов. Затем был преподавателем в колледже изобразительных искусств Шанхайского университета. В 1988 г. переехал в Гонконг, а четыре года спустя, эмигрировал в США, но не утратил связь с родиной и является заместителем декана в Пекинском художественном институте. Работы художника широко выставлялись в Шанхае, Тайбэе (Тайвань), Сингапуре, Гонконге, в Европе и США. Художник сформировал собственный стиль путем синтеза китайского традиционного жанра живописи «жэнь-у» (люди и вещи) с западным модернизмом в духе Модильяни. Художника называют «певцом женщин и кошек» за серию женских портретов в самых разных бытовых ситуациях, где обязательно присутствует кошка (рис. 2 а). На его картинах также изображаются вазы эпохи Сун или мебель династии Мин, изысканные цветы, птицы, насекомые, рыбы, и собаки. Образы художника сочетают традиционную утонченность и современную эмоциональность, теплоту и естественность. Его считают одним из лидеров «нового фигуративного искусства» в Китае, который признан и на Западе. [1, с. 135]. Именно эти особенности его творчества обусловили то, что его выбрали в качестве художника для создания национального учебника ИЗО для младших школьников.

Рис. 2. а) Картина художника Ху Юнкай из цикла «Китайская музыка любви»

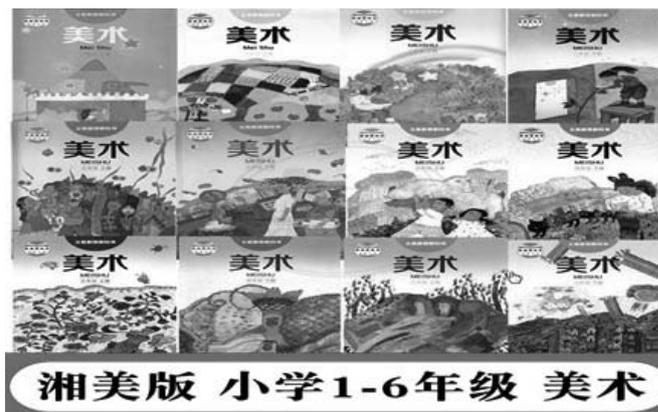

Рис. 2. б) Обложки учебников ИЗО (美术) для 1-6 классов (тт. 1,2).

Для примера рассмотрим учебник 3 класса, том 1 [16, вып.5]. Учебник состоит из 12 глав, хотя в нем всего 45 страниц. Иллюстрации занимают основное место в этом учебнике, а текста немного и он носит вспомогательный характер. Каждый раздел посвящен отдельному жанру или технике искусства.

Первая глава учебника носит общий характер и на конкретных примерах знакомит учащихся с понятием размера, цвета, формы, объема, текстуры и др. (См. рис. 3). Интересно выбраны иллюстрации к понятиям форма/размер на примере сходных природных и искусственных форм.

Рис. 3. Учебник ИЗО (美术) 3 кл., Т. 1, Глава 1, С. 5.

Вторая глава посвящена архитектуре. Принципы ее иллюстрирования следуют определенной логике и композиции, которые затем повторяются и в других главах. Вначале идут исторические образцы китайской архитектуры. Затем – отдельные архитектурные элементы крупным планом. Далее – способы отражения архитектуры в разных стилях графики и живописи. Все примеры воспроизводят китайский классический стиль архитектуры и живописи (См. рис. 4).

В конце раздела приводятся иллюстрации с более современными примерами живописной техники, в более яркой цветовой гамме, иногда с элементами мультипликационного стиля (См. Рис. 5).

爱晚亭 (湖南长沙)

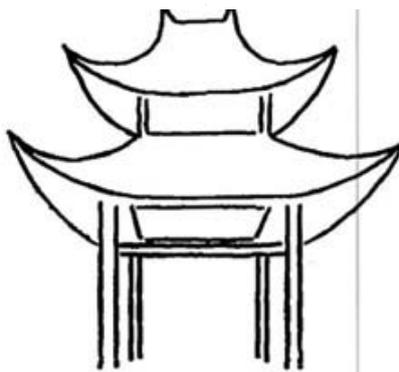

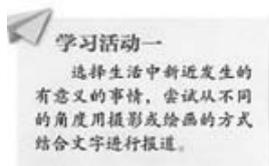
Рис. 4. Учебник ИЗО (美术) 3 кл., Т. 1, Глава 2, С. 7.

Рис. 5. Учебник ИЗО (美术) 3 кл., Т. 1, Глава 2, С. 9.

手语国歌 (摄影) 现代 申重

通过裁剪, 照片上的主体更加鲜明。

Рис. 6. Учебник ИЗО (美术) 3 кл., Т. 1, Глава 3, С. 11.

Третья глава посвящена фотографии. В этой главе нет исторической части, зато она содержит наибольшее число идеологических символов и образов: китайский флаг, общественные ритуалы, фотографии событий национального масштаба и пр. Под видом разъяснения технических приемов фотографии (выбор ракурса, кадрирование) продвигается официальная патриотическая идеология (См. рис 6).

Четвертая глава посвящена прикладному искусству – изделиям из дерева. При этом показана техника изготовления поделок из палочек, вполне доступная для детей. Но параллельно приведены фотографии изделий из дерева высочайшего уровня сложности, как исторические, так и современные (См. Рис. 7)

Глава 5 посвящена кубизму. Начинается она с при-

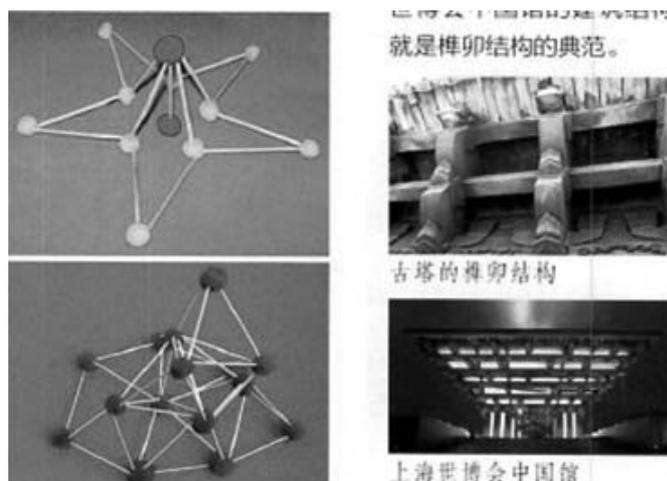

Рис. 7. Учебник ИЗО (искусство) 3 кл., Т. 1, Глава 4, С. 9.

Рис. 8. Учебник ИЗО (искусство) 3 кл., Т. 1, Глава 5, С. 19.

меров того, как в живописи изображаются трехмерные предметы (цилиндр, куб, шар). Затем показаны рисунки более сложных объемных форм. И в завершение – картина П. Пикассо «Водоем. Хорта де Эбро (1909 г.)», где виртуозно использована эта техника (См. Рис. 8, правый верхний угол).

Кубизм – западный стиль живописи, и в отношении к нему заметна определенная сдержанность и отстраненность. В частности, учащимся 3 класса вряд ли понравится портрет Пикассо художника Хуана Гриса (1912 г.), выполненный в этом стиле, где ряд пуговиц изображен прямым, зато глаза находятся на разном уровне (См. Рис. 8, правый нижний угол).

Интересно, что с помощью чисто живописных средств (сочетания цветов фона и самих картин, композиции страницы) авторам учебника удалось дистанцироваться от этого «чуждого» для Китая и не совсем официально признанного стиля. С помощью белого фона и четко очерченных границ кубистские картины взяты как бы в кавычки, как в тексте выделяется «чужая речь». Это разительно отличается от композиции следующей главы (рис. 9, 10), где авторские картины, фотографии и подписи размещены на нескольких страницах в одном живописном пространстве, как старинные, так и современные. Все они, как классические произведения, так и стилизация под детские рисунки, как бы находятся в общем контексте одной национальной традиции.

Глава 6 посвящена живописи, и ее композиция наиболее характерная и сложная. Все рисунки изображают животных (обезьяна, рыба, кошка и тигр) и выполнены в классической китайской технике цветной туши. Принцип перехода от исторических картин к более современным и адаптированным для детей сохраняется (См. Рис. 9).

Рис. 9. Учебник ИЗО (Мет) 3 кл., Т. 1, Глава 6, С. 21.

Этот общий принцип усложнен присутствием фотографий этих же животных и их рисунков разной степени условности и абстрактности, некоторые изображения стилизованы под детские рисунки (См. Рис. 10).

Рис. 10. Учебник ИЗО (Мет) 3 кл., Т. 1, Глава 6, С. 22.

В оформлении страницы использована сложная композиция, где изображение кошки может использоваться и как знак (фотография) и как символ (в картине традиционного канона). При соединении отдельных элементов в единое целое использованы приемы микширования, коллажирования, сэмплирования. Интересно включе-

ние в общий ряд образов, стилизованных под детский рисунок или так называемую «наивную картинку», которую характеризует искренность, сентиментализм и наивность в использовании кодов культуры. Такие образы могут создаваться как профессиональными художниками (яркий пример – российский мультсериал «Масяня»), так и обычными людьми, в том числе детьми. «Наивное» творчество ориентировано не столько на создание шедевра, сколько на эмоциональное удовлетворение от его использования, получаемое и художником, и зрителем [16, с. 208]. Характерно, что выбраны животные, которые традиционно изображались в классической живописи, но также популярные в современной культуре и симпатичные детям («котики»).

В остальных главах чередуются более теоретические уроки (например, посвященный традиционной живописи в стиле «горы и воды», глава 10) и прикладные (такие, как изготовление игрушек из ткани, фигурок театра теней или авиамodelей).

Между отдельными главами учебника нет связи, нельзя проследить сквозную тему от начала до конца или развитие какой-либо техники от простого к сложному. Иллюстрирование учебника построено в соответствии с фрагментарным принципом или методом «каталожного ящика», где разные главы выполняют роль отдельных каталожных карточек. Исследователи отмечают, что такой принцип организации иллюстрированной книги встречается в странах Восточной Азии (Япония, Китай, Корея), где была традиция изданий типа «манга» (японские комиксы) и совершенно не встречается в странах Запада, где используется повествовательный линейный принцип подачи материала [3, с. 120].

Характер соотношения традиционного канона и современных (западных) инноваций в иллюстрациях учебниках ИЗО можно определить как диалог, а концептуально анализ образов и специфики композиции иллюстраций на страницах учебника указывают на связь с новым направлением в искусстве – метамодернизмом. Термин «метамодернизм» ввели в научный оборот голландский философ и культуролог Р. ван ден Аккер и норвежский искусствовед Т. Вермюлен в научном труде «Заметки о метамодернизме» (Notes on Metamodernism). В противовес постмодернизму, который декларировал разрыв с традицией и «большими нарративами», релятивизм, нигилизм и иронию, концептуализм в живописи принципами метамодернизма являются свободный диалог (синтез) традиции и современности («ностальгии и футуризма»), сложные нарративы, «новая искренность», неоромантизм («романтическая абстракция»), возврат к фигуративной живописи [4, с. 203]. Примером метамодернистского стиля в КНР является архитектура построенного в 2008 году в Пекине Китайского Национального стадиона, получившего неофициальное название «Птичье гнездо» из-за своей

необычной формы. Не случайно, представителем «новой фигуративной живописи» является художник Ху Юнкай – один из оформителей учебника ИЗО.

Таким образом, современная социокультурная парадигма в КНР и культурная политика периода «реформ и открытости» заключается в восстановлении культурной преемственности с традиционным (классическим) наследием при большей открытости миру. В этом контексте, преподавание изобразительного искусства в общеобразовательной начальной школе ориентировано на повышение культурного капитала учащихся в современной глобальной экономике.

Композиция иллюстраций в учебнике изобразительного искусства сохраняется единой во всех главах: сначала исторические образцы, затем более современные (в том числе поясняющие фотографии), в конце – адаптированные для детей. Такая композиция отражает не только хронологический принцип, но и современную культурную иерархию: «древнее» и «национальное» значит «самое лучшее». Это разительно отличается от принципов предшествующего периода, где иерархически главной была коммунистическая идеология и ее символическая репрезентация – стиль соцреализма.

Стилистически в учебнике сочетаются произведения китайской традиционной живописи (классический канон), современные произведения в том же стиле, примеры «чистых» западных стилей (кубизм, импрессионизм и др.) и современные «синтетические» образы (неоромантизм, наивная картинка). Структура учебника отличается от принятого на Западе линейного повествовательного принципа изложения материала и построена в соответствии с фрагментарным принципом или методом «ка-

таложного ящика», где разные главы (темы) выполняют роль отдельных каталожных карточек.

В целом, характер соотношения традиционных и инновационных элементов в иллюстрациях учебников ИЗО можно определить как диалог, а стилистика и композиция этих образов на страницах учебника указывают на соответствие новому направлению в искусстве – метамодернизму.

Из всех разновидностей детской книжной иллюстрации (учебная литература; художественный текст с иллюстрациями, у которого разные авторы текста и иллюстраций; авторская книга – где текст и иллюстрации принадлежат одному автору и «тихие книги» - где текст отсутствует, существуют только авторские иллюстрации) иллюстрирование учебников осуществляется в наиболее жестких идеологических и функциональных рамках, ограничивающих творческую свободу художника. Учебник ИЗО включает большое количество готовых элементов (репродукций картин известных художников, фотографий архитектурных и исторических памятников и т.п.), однако это не исключает творческой самореализации художников как за счет создания собственных авторских иллюстраций, так и при разработке общей творческой концепции учебника (а в нашем случае – серии учебников), целостного дизайна книги, композиции ее обложки, отдельных глав и страниц. Именно страница (или разворот) является авторской творческой единицей в случае рассмотренного учебника ИЗО. С помощью приемов отбора, микширования и коллажирования отдельных элементов художник проявляет собственный вкус и добивается целостного художественного впечатления на детей, выходящего за чисто прикладные педагогические функции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богателина М.Е. Особенности развития жанра «жэнь-у» в XX-XXI вв // Манускрипт. 2018. №11-1 (97). С. 134-137.
2. Ван Шуцзин. Художественное образование в Китае в XX веке: национальные черты, международные тенденции и российское влияние (на примере Центральной академии изящных искусств) // Культура и искусство, 2021 -№ 4. С. 54-64.
3. Васильева Е.В., Ли М.Н. Иллюстрация детских книг в современной Японии: базовые принципы и основные имена // Вестник культуры и искусств. 2018. № 2 (54). С. 115–123.
4. Венкова А.В. Политики идентификации в искусстве метамодернизма // Вестник Томского государственного университета Культурология и искусствоведение. 2018. № 32. С. 203-213.
5. Золотарева Л.Р. Методы исследования в современном искусствоведении. URL: www.yorusnauka.com>1_169435.doc.htm (дата обращения 10.06.2022)
6. Лэй Лэй Ц. Искусство китайского рисунка кистью: техники и жанры / пер. с англ. - М.: издательство «Ниола-Пресс», 2009. – 128 с.: ил.
7. Самойлов Н.А., Ли Суйань. Образ советского Союза в китайских учебниках 1950-х годов // Вестник СПбГУ. Востоковедение. Африканистика. 2012. № 4. С. 14-22. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-sovetskogo-soyuza-v-kitayskih-uchebnikah-1950-h-godov> (дата обращения: 18.06.2022)
8. Се Юнхуэй. Рисование с натуры в основной школе как способ познания реального мира: на примере обучения российских школьников национальной китайской живописи «гохуа». Дисс. канд. пед. наук. М., 2015. – 236 с.
9. Цю Манли. Иллюстрации сказочных сюжетов в российских и китайских учебниках по родному языку // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. – 2018. – № 4(79). – С. 83-87.
10. Юй Аньдун. Становление художественно-педагогического образования в китайской народной республике. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2006. Вып 22. Т. 4.

11. Детский философский диалог по книжкам с картинками: ретроспектива и перспектива. URL: <http://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTotal-JYYC201409027.htm> (кит.)
12. Ма Бинлянь. Краткий разговор о ценностном образовании в художественных классах начальной школы // Теория и практика современного образования. 2016. № 7. С. 59-63. (кит.)
13. Поговорим о русском искусстве: старые художники и симпозиум для обучения за рубежом в России // Шэньчжоуские ученые. – 2003. – 20 янв. URL: http://2003.chisa.edu.cn/week/521/521_30_8049.asp (дата обращения: 18.01.2019). (кит.)
14. Программы по изобразительному искусству в общеобразовательной школе. Рабочая тетрадь № 13-18. Чанша: Издательство «Изобразительное искусство» Провинции Хунань, 2012) (кит.)
15. Рисунок. Учебное пособие для начальных классов (1-5 кл.). Пекин: Издательство «Жэньминь цзяоюй чубаньшэ», 2003). (кит.)
16. Учебник ИЗО для начальной школы (1-6 кл.). 12 частей. Чанша: Издательство «Изобразительное искусство» Провинции Хунань, 2014). (кит.)
17. Шанхайское бюро по вечернему образованию: Язык и литература: учебник для профессиональных средних школ. Шанхай: Издательство Шанхай цзяоюй чубаньшэ, 1960). (кит.)
18. Язык и литература: учебник для средней школы высшей ступени. Пекин: Издательство «Жэньминь цзяоюй чубаньшэ», 1952. Испр. и доп. изд.: Ханькоу: Издательство Чжуннань жэньминь чубаньшэ, 1953). (кит.)

© Мяо Цзяньчжун (myao.tc@dvvfu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ТОЛКОВАНИЯ ТЕРМИНА «ФЕСТИВАЛЬ» В РОССИЙСКОЙ И КИТАЙСКОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Си Цзюньфэй

Аспирант, Школа искусств и гуманитарных наук,
Дальневосточный федеральный университет
(Россия, Владивосток)
xijunfei0818@163.com

PECULIARITIES OF INTERPRETATION OF THE TERM "FESTIVAL" IN RUSSIAN AND CHINESE SCIENTIFIC LITERATURE

Xi Junfei

Summary: To study the culture of Russia and China, the process of communication between the countries is important. Of particular importance is the analysis of the interpretation of cultural phenomena. The festival is a global concept that has its own specific definitions in different countries. Based on the analysis of Russian and Chinese studies, an attempt is made to summarize the basic definitions of the concept of «festival» that exist in China and Russia in order to study the peculiarities of perception of this cultural phenomenon.

Keywords: China, Russia, the concept of "festival", culture of festivals, tourist festival.

Аннотация: Для изучения культуры России и Китая важен процесс коммуникации между странами. Особое значение приобретет анализ толкования феноменов культуры. Фестиваль – это общемировое понятие, которое имеет свою специфику определения в разных странах. На основе анализа российских и китайских исследований предпринята попытка обобщить основные определения понятия «фестиваль», существующие в Китае и России, с целью изучения особенностей восприятия этого культурного феномена.

Ключевые слова: Китай, Россия, понятие «фестиваль», культура фестивалей, туристический фестиваль.

В последние десятилетия фестивали и фестивальная культура активно развиваются во всем мире. Каждая страна обладает своей уникальной культурой и историей, которая транслируется в том числе и через разнообразные фестивали. Фестивали играют важную роль в содействии экономическому развитию государств, укреплении межкультурных обменов и повышении популярности места проведения, развивая тем самым региональную культуру. В связи с этим не случайно, что данный феномен привлекает внимание большого числа экспертов и исследователей, которые зачастую по-разному трактуют сам термин «фестиваль», рассматривают генезис этого феномена, выявляют его виды и функции и т.д.

Изучение особенностей восприятия феномена «фестиваль» в культурах России и Китая свидетельствует о том, что существуют разные трактовки этого понятия российскими и китайскими исследователями. В данной статье на основании изучения точек зрения современных российских и китайских исследователей на определение понятия «фестиваль», раскрываются особенности его толкования и подходы к изучению этого феномена в России и Китае.

Материалом исследования послужили словари и справочники, диссертационные исследования и научные публикации современных российских и китайских исследователей, обобщение выявленных научных позиций позволяет установить особенности толкования

этого термина в разных культурах. Основными методами стали историко-генетический, сравнительный методы, а также герменевтический подход, предполагающий осмысление особенностей толкования термина исследователями, свидетельствующее о разных подходах к изучению этого феномена.

Существует множество определений понятия «фестиваль». В Китае и в России у него до сих пор нет единого определения. Считается, что фестиваль – это коллективное культурное мероприятие с определенной темой, проводимое в определенное время. Однако, понимание того, чем является фестиваль, у экспертов и ученых из разных стран различно. Показательны для этого словарные статьи и определения этого термина в словарях. В авторитетных словарях английского, русского и китайского языков существуют разные толкования понятия «фестиваль».

Например, в России толкование термина «фестиваль» имеет несколько другое значение, чем в Китае. Обратившись к толковым словарям этих двух языков, можно сопоставить значения слова и увидеть их различия и сходства. Самым авторитетным российским общим справочным изданием, охватывающим все области современных знаний, является «Большой энциклопедический словарь» [18, с. 1273]. Понятие «фестиваль» объясняется в нем следующим образом: «Фестиваль – массовое празднество, показ (смотр) достижений музыкального, театрального, эстрадного, циркового или киноискусства.

Фестивали бывают национальные и международные».

В «Толковом словаре русского языка» [15, с. 739] С.И. Ожегова можно найти следующую словарную статью: «Фестиваль – общественное празднество, сопровождающееся показом, просмотром каких-н. видов искусства». Толкование слова «фестиваль» в «Русском толковом словаре» [11, с.758] В.В. Лопатина примерно такое же.

В «Новом словаре русского языка» Т.Ф. Ефремовой [6, с. 898] дается следующее определение: «Фестиваль – массовое празднество, показ и смотр лучших достижений искусства: музыкального, театрального, кино и т.п.».

В «Словаре иностранных слов» [2, с. 597] И.А. Васюковой понятию «фестиваль» соответствует следующая словарная статья: «Фестиваль – массовое празднество, сопровождающееся просмотром достижений каких-либо видов искусства». И в других словарях, таких как «Большой толковый словарь русского языка» [9, с.1420], «Словарь русского языка Т. 4. С–Я» [2, с. 559] и «Комплексный словарь русского языка» [26, с.559].

Термин «фестиваль» подробно объясняется в словаре «Словарь современного русского литературного языка»: «1. Устар. Большое торжественное музыкальное празднество. 2. Периодически устраиваемые общественные празднества, на которых показываются достижения музыкального, театрального и другого искусства; показ, смотр достижений музыкального, театрального искусства, киноискусства. 3. Устар. Шумное, веселое празднество». [8, с. 1323]

Таким образом, основное толкование термина «фестиваль» в русском словаре – это «массовое празднество».

В китайском языке мы можем понимать «фестиваль» как «фестивальное мероприятие» «节事活动» или «мероприятие празднования» «庆祝活动». В основном, когда многие китайские ученые изучают «фестивали», они обращаются к такому понятию как «фестивальные мероприятия», которое мы подробно обсудим позже.

В «Большом русско-китайском словаре» [1], перевод слова «фестиваль» на китайском будет означать «художественный смотр» «汇演», «торжественная встреча» «联欢会».

«Современный китайский словарь» [12] – это первый в Китае современный китайский нормативный словарь, в нем понятие «фестиваль» трактуется как «праздник, день празднования». В этом же словаре, слово «празднование» интерпретируется как «проведение некоторых мероприятий, чтобы выразить радость или отметить общее счастливое событие». И в авторитетном Китайском словаре «Цыхай» [30] дается то же самое определение фестиваля.

В «Словаре китайского языка» [27] под редакцией Хе Ронг, опубликованном в Тайване, Китай, фестивали объясняются как «праздники и торжества». В китайском словаре «Словарь Синьхуа» [20] слово «празднование» интерпретируется как «мероприятие поздравления».

Для китайцев фестивали – это новое понятие. В традиционных китайских словарях трудно найти точные и полные объяснения этого понятия в отличие от русских словарей. Однако в последние годы в некоторых китайских онлайн-словарях появилось более точное объяснение термина «фестиваль». Например, китайская онлайн-энциклопедия «Байду Байке» дает развернутое определение этого понятия. «Фестиваль» – это своего рода общественная деятельность, которая является обычной и передается из поколения в поколение в форме определенных тематических мероприятий в определенные или нерегулярные даты. В Китае существует много типов фестивалей. По характеру фестивалей их можно разделить на отдельные и комплексные; по содержанию их можно разделить на фестивали жертвоприношений, памятные фестивали, праздничные фестивали, фестивали общественных развлечений и т.д.; по времени возникновения их можно разделить на традиционные и современные фестивали.

Российские исследователи активно изучают феномен фестивалей и рассматривают их происхождение, функции, исходя из которых формируют в рамках своих статей рабочие определения этого явления. Н.А. Стурейко в работе «Сущность и социально-культурное значение фестиваля (на материалах республиканского фестиваля национальных культур в г. Гродно)» относит фестиваль к особому виду массового праздника [21, с. 65]. М.С. Лубченков тоже утверждает, что «в современном значении фестиваль – это массовый праздник торжественного характера, который проводится в честь определенного явления, предмета, лица, события, либо под эгидой единой идеи» [13, с. 289], и его точка зрения находит подтверждение во многих российских статьях, посвященных изучению различных фестивалей. П.В. Николаева написала, что «фестиваль – это наиболее востребованная форма праздника» [14, с. 144].

Т.В. Охотникова считает: «Начало свое фестиваль берет от античных мистерий. Развиваясь далее, фестиваль принимает в свое действие шествия, игры, театрализованные представления, концерты и другие художественные формы» [16, с. 154]. Ю.В. Зиновьева указала, что «фестиваль стал пространством самопрезентации, коммуникации, самооценки, обмена опытом и развития» [7, с. 102].

Некоторые российские ученые считают, что фестиваль – это относительно новый способ деятельности. Российская исследовательница И.Г. Тропина в своей работе «Социально-культурные функции художественных фе-

стивалей в г. Волгограде» пишет: «Фестиваль считается сравнительно недавней формой праздничной культуры» [25, с. 3]. А Г.Ю. Тихомирова относит фестивали к актуальной форме социально-культурной деятельности детей и молодежи [23, с. 243]. Ученые из Казахстана А. Токпан, А. Еркебай и Б. Тургынбай в своей статье, рассматривая отношения между фестивалями и общественностью, отмечают, что «фестивальное движение является практикой, позволяющей осуществлять массовую коммуникацию, в основе которой – искусство» [24, с. 53].

Сопоставив значительное число статей китайских ученых, можно увидеть, что китайские исследователи при обсуждении фестивалей часто ассоциируют их с туризмом, формируя новую концепцию – «туристические фестивали». Так, на концепцию туристических фестивалей большее влияние оказывают взгляды У Дай Гуанцюаня [3, с. 26]. Он считает, что туристические фестивали делятся на ряд мероприятий, направленных на туризм, таких как торговые ярмарки, выставки, культурные и спортивные мероприятия и другие современные фестивали. Эти фестивали являются фестивалями в широком смысле; есть также тематическое мероприятие, проводимое во время традиционных фестивалей, которые являются фестивалями в узком смысле.

Многие китайские ученые также выдвинули концепцию «туристических фестивалей» в своих статьях. Чэнь Вэньцзюнь считает, что туристические фестивали относятся к современному туристическому продукту, формируемому развитием туризма с опорой на фестивальные ресурсы [29, с. 51]. Сюй Чжоу считает, что туристические фестивали относятся к фестивалям с местными культурными особенностями, которые в настоящее время искусственно планируются с учетом этих особенностей [22, с. 10].

Обратим внимание на то, что в Китае в настоящее время нет точного определения понятия «фестиваль», в китайских научных кругах все еще существуют некоторые различия в определении основных принципов фестивальной деятельности, итоговая концепция понятия еще не сформирована. Группа исследователей в работе «Резюме исследований по развитию и управлению фестивальной деятельностью в Китае» проанализировала более 40 китайских научных статей, посвященных изучению фестивалей. Ученые Юй Цин, Ву Биху и другие обобщили содержание определения «фестиваль», предложенного авторами рассматриваемых материалов. У них получилось следующее определение: «Фестиваль – это серия празднеств или мероприятий, проводимых на основе характера, культурного контекста и стратегии развития определенного региона, которая включает в себя обряды, торжества, представления, шествия, выставки местных продуктов, торговые ярмарки, выставки народного творчества, конференции, а также различные

культурные, спортивные и другие самобытные события» [19, с. 57].

Цзинь Да утверждает, что «формы этой отрасли включают соревнования, чемпионаты, выставки, праздники, вечеринки, приемы, спектакли, собрания, церемонии, конференции и т.д.» [28, с. 1]. Пан Пэйпэй отмечает: «Фестивали подразумевают религиозное, церемониальное, социальное, кулинарное и другое содержание, этнические фестивали в узком смысле относятся к периодическим фестивалям и другим празднествам» [17, с. 9].

Итак, мы можем сделать следующие предварительные выводы:

Во-первых, как в русском, так и в китайском словарях толкование понятия «фестиваль» понимается как мероприятие. Во-вторых, все значения термина «фестиваль» подразумевают празднование хорошего события.

Таким образом, в настоящее время можно выявить достаточное число исследований китайских и российских ученых, в которых изучаются фестивали. Однако до сих пор они не пришли к единому определению этого понятия. Из проведенного анализа можно сделать вывод, что фестивали – это всеобъемлющая культурная деятельность во многих формах, которая постоянно обогащается и совершенствуется. В российских словарях и в исследовательской литературе подчеркивается массовый характер фестивалей, в китайских источниках этого нет.

Путем сравнения можно обнаружить, что в разных словарях китайского и русского языков толкование слова «фестиваль» не совсем одинаковое. Русские словари дают схожее определение, что фестивали – это массовое празднество. В китайских словарях подчеркивается только празднование, а не массовость. В целом, в авторитетных словарях этих двух разных языков фестивали рассматриваются как деятельность.

«Фестиваль» с китайского переводится как «праздничный», «празднество». Изучая китайские словари можно увидеть, что понятия «фестиваль» и «праздник» тесно связаны, потому что фестивалями называют «мероприятия, отмечаемые во время праздников». Несмотря на большое количество разнообразных праздников, степень внимания со стороны государства к ним различна [10, с. 62]. Также подобное толкование можно найти в российских и европейских академических исследованиях. При изучении событий (праздников) и событийного туризма в западной культуре праздничные события и специальные (культурные) события часто понимаются как единое целое, называемое «фестивальными событиями». «Фестиваль» – это название всего процесса празднования фестиваля и его формы включают различные традиционные фестивали и разнообразные фестивали,

которые являются инновационными в новый исторический период [4, с. 3].

Культура занимает важное место в жизни социума. Фестивали – это один из самых прямых способов участия людей в культурной жизни. В то же время фестивали – это феномен, включающий в себя многие составляющие. С глобализацией культурные обмены между странами становятся все более интенсивными и тесными, а трансграничность фестивалей приобретает более выраженный характер. Фестивальная культура занимает важное место в международных обменах. Поэтому возникает потребность в изучении различных фестивалей и национальных фестивальных культур. Однако в разных странах по-разному понимают основные концепции, содержание, происхождение и формы фестивалей, что препятствует более легкому и продуктивному культурному обмену. Чтобы выработать общую концепцию этого явления и способствовать международному обмену фестивалями, нам необходимо сначала выделить и сформировать определение понятия фестиваль в каждой стране, а потом сравнить эти определения.

Но на самом деле есть существенная разница между фестивалем и праздником. Праздник – это понятие, тесно связанное со временем, и обычно оно относится к одному определенному дню или событию, длящемуся несколько дней. А фестивали многие исследователи относят к мероприятиям. Кроме того, по сравнению с традиционными праздниками, которые естественным образом формируются людьми в течение их долгой жи-

ни, современные фестивали, как правило, организуются и планируются заранее в течение года. Традиционные праздники имеют фиксированное время, хотя они определяются в соответствии с разными календарями, такими как китайский лунный календарь и древнерусский календарь. Время проведения современных фестивалей является неопределенным, и обычно планируется только приблизительное время, например, конкретный месяц. Традиционные праздники, как правило, оказывают большее влияние в одной и той же стране или этнической группе, хотя обычаи разных мест могут различаться. Фестивалам же трудно оказывать влияние в таком масштабе и быть такими же массовыми, как традиционные праздники.

Таким образом, в русской научной литературе «фестивали» определяются как массовые мероприятия и подчеркивается их художественная коннотация. В китайской же фестивали тесно связаны с туризмом и экономикой. Концепция «фестивального туризма» была разработана в Китае и привлекла к себе внимание многих ученых. Что касается роли фестивалей, то российские исследователи считают, что фестивали – это самый прямой способ для людей участвовать в культурных мероприятиях, в то время как китайские ученые больше внимания уделяют экономическим выгодам фестивалей. Продвигая понятие «фестивальный туризм», китайские ученые подчеркивают региональные особенности и дифференциацию «фестивалей» для привлечения туристов, и содействия местному экономическому развитию.

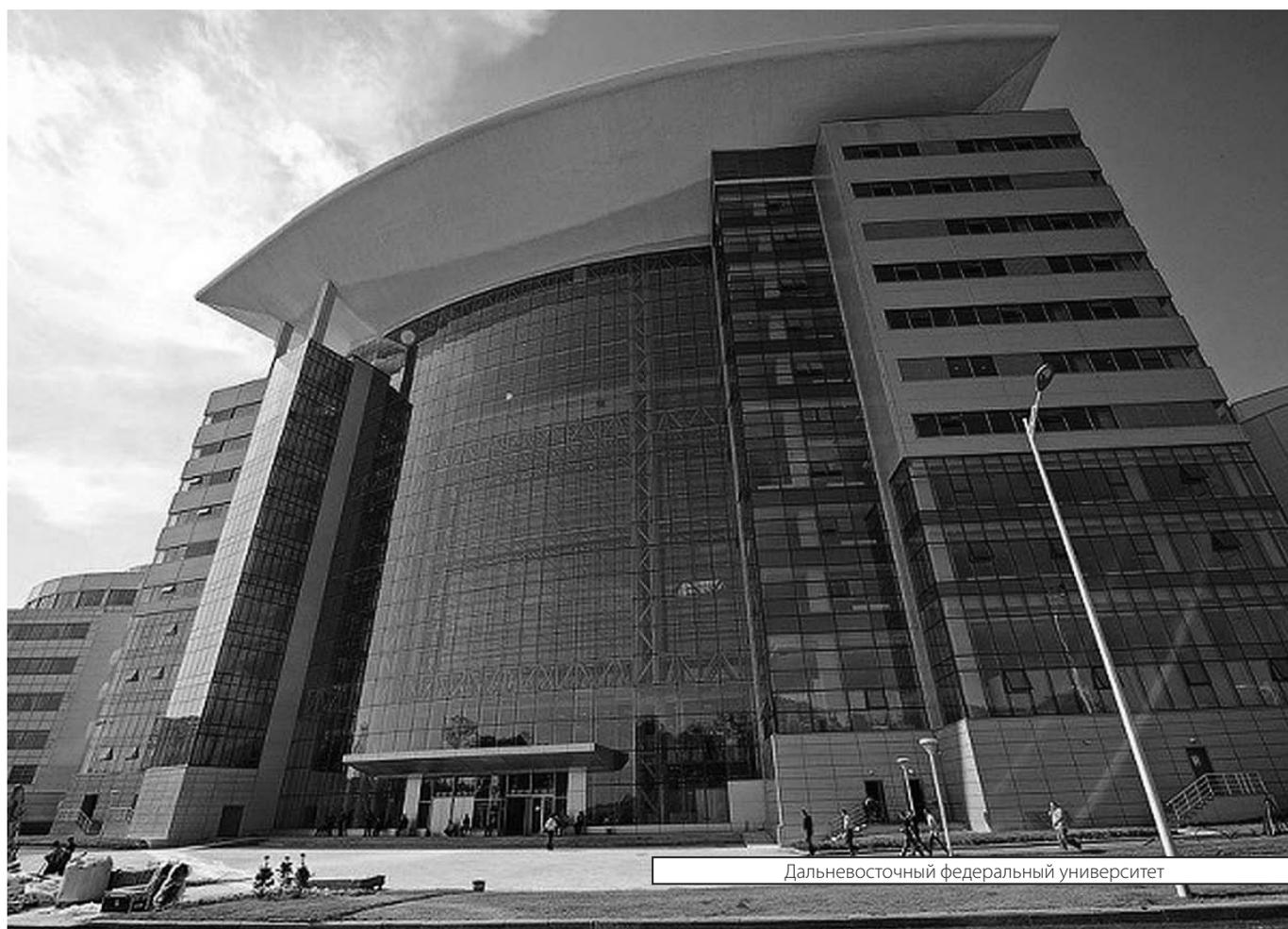
ЛИТЕРАТУРА

1. Большой русско-китайский словарь. / ред. Кабинета редактирования словаря, кафедра русского языка, Хэйлунцзянский университет. – Пекин: Коммерческая пресса, 1985. 2737 с. На кит. яз.
2. Васюкова И.А. Словарь иностранных слов. М.: АСТ– ПРЕСС, 1999. 640 с.
3. Дай Гуанцюань. Исследование влияния крупных событий на городское развитие и городской туризм. Пекин: Китайская туристическая пресса, 2005. 320 с. На кит. яз.
4. Дай Гуанцюань. Фестивали, мероприятия на фестивалях и событийный туризм. Пекин: Научная пресса, 2005. 196 с. На кит. яз.
5. Евгеньева А.П. Словарь русского языка Т. 4: С–Я. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1984. 794 с.
6. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Т. 2: П–Я. 2-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 2001. 1088 с.
7. Зиновьева Ю.В. Музейный фестиваль в современной культуре // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. № 2. С. 102–107.
8. Котелова Н.З., Меделец Н.М. Словарь современного русского литературного языка. М.; Л.: Наука, 1964. 1610 с.
9. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2001. 1536 с.
10. Ли М. Разнообразие элементов тибетской национальной культуры в творчестве художников // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2019. № 2. С. 62–66.
11. Лопатин В.В., Лопатин Л.Е. Русский толковый словарь. Около 35 000 слов. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1997. 832 с.
12. Лу Шусян. Современный китайский словарь. 7-е изд. Пекин: Коммерческая пресса, 2016. 1800 с. На кит. яз.
13. Лубченков М.С. Фестиваль как фактор субкультурной консолидации // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2016. № 3. С. 288–294.
14. Николаева П.В. Фестиваль как этап эволюции праздничной культуры // Культурная жизнь Юга России. 2008. № 2. С. 144–146.
15. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / под ред. Н.Ю. Шведовой 17-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1985. 797 с.

16. Охотникова Т.В. Фестиваль культурного обмена // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 4. С. 154–158.
17. Пан Пэйпэй. Исследование семантического пути онтологии этнических фестивалей и событий. Гуилинь: Гуанси Обычный университет, 2016.04. 59 с. На кит. яз.
18. Прохоров А.М. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Рос. энцикл.; СПб.: Норинт, 1999. 1456 с.:ил.
19. Резюме исследований по развитию и управлению фестивальной деятельностью в Китае / Юй Цин, Ву Биху, Лянь Хуа, Тонг Биша, Инь Пин // Человеческая география. 2005. № 6. С. 56–59. На кит. яз.
20. Словарь Синьхуа / ред. Кабинета редактирования словаря, Институт лингвистики Китайской Академии общественных наук. 11-е изд. Пекин: Коммерческая пресса, 2011. 835 с.
21. Стурейко Н.А. Сущность и социально-культурное значение фестиваля (на материалах республиканского фестиваля национальных культур в г. Гродно) // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Сер. 1, История и археология. Философия. Политология. 2021. № 3. С. 65–76.
22. Сюй Чжоу. Предварительное исследование по планированию и методам планирования туристических фестивалей // Журнал Пинъюань университета. 2005. № 22 (1). С. 7–10. На кит. яз.
23. Тихомирова Г.Ю. Фестиваль как форма социально-культурной деятельности // Вестник Таганрогского института им. А.П. Чехова. 2016. № 1. С. 242–246.
24. Тихонова А.Н. Комплексный словарь русского языка. М.: Рус. яз., 2001. 1229 с.
25. Токпан А., Еркебай А., Тургынбай Б. Фестиваль как инструмент обновления городов через культуру // Central Asian Journal of Art Studies. 2020. № 1. С. 53–65.
26. Тропина И.Г. Социально-культурные функции художественных фестивалей в г. Волгограде // Культурологический журнал. 2015. № 1. С. 1–18.
27. Хе Ронг. Словарь китайского языка. Всего 152,398 слов. Тайбэй: Тайваньская коммерческая пресса, 2021. [Б. с.]. На кит. яз.
28. Цзинь Да. Анализ интегрированных маркетинговых коммуникаций кино- и телевизионных фестивалей. Чанша: Центральный Южный университет, 2010. 62 с. На кит. яз.
29. Чэнь Вэньцзюнь. Развитие фестивального туризма и культурного туризма // Журнал Университета Гуанчжоу (издание по социальным наукам). 2002. № 1. С. 51–54.
30. Чэнь Чжили. Цыхай. 7-е изд. Шанхай: Издательство Шанхайского словаря, 2019. 3488 с. На кит. яз.

© Си Цзюньфэй (xijunfei0818@163.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Дальневосточный федеральный университет

ИССЛЕДОВАНИЕ РАЗВИТИЯ ТРАДИЦИОННОЙ МУЗЫКИ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ В РЕЧНОМ БАСЕЙНЕ РЕКИ АМУР В РОССИИ¹

Цзян Чэнь

доцент, Хэйхэский университет
68727361@qq.com

A STUDY OF THE DEVELOPMENT OF TRADITIONAL MUSIC OF ETHNIC MINORITIES IN THE AMUR RIVER BASIN IN RUSSIA

Jiang Chen

Summary: The relevance of the work is explained by the growth of national self-consciousness and increasing interest of researchers to the original forms of national traditions. The purpose of this article is to investigate the development of traditional music and folklore features of national minorities in the Amur River basin in Russia. The author turns to the description of funeral, wedding, and shamanic ceremonies performed by national minorities in the Amur River basin. The author concludes that the musical and ethnic culture of national minorities of the Far East is very diverse. It is original and multifaceted and manifests itself in a variety of musical instruments, anthems, poetic and spiritual symbolism.

Keywords: music culture, ethnic culture, music, national minorities, Far East, Priamurye.

Аннотация: Актуальность работы объясняется ростом национального самосознания и усилением интереса исследователей к исконным формам национальных традиций. Целью данной статьи является исследование развития традиционной музыки и фольклорных особенностей национальных меньшинств в речном бассейне реки Амур в России. Автор обращается к описанию похоронных, свадебных и шаманских обрядов, проводимых национальными меньшинствами, живущими в Приамурье. Автор приходит к выводу, что музыкальная и этническая культура национальных меньшинств Дальнего Востока является очень разнообразной. Она является самобытной и многогранной и проявляется в разнообразии музыкальных инструментов, наигрышей, поэтической и духовной символикой.

Ключевые слова: музыкальная культура, этническая культура, музыка, национальные меньшинства, Дальний Восток, Приамурье.

Введение

С глубокой древности территорию речного бассейна реки Амур населяли разные племена и народы – носители разнообразных культур и верований. С XVII века на берегах Амура появлялись маньчжуры, русские землепроходцы, поляки, немцы, китайцы, японцы, корейцы и др.

В настоящее время к числу национальных меньшинств Приамурья исследователи относят следующие этносы: нанайцев, ульчей, нивхов, удэгейцев, алеутов, ительменов, коряков, негидальцев, ороков, чукчей, эвенов и эскимосов [6, с. 11]. Подавляющее большинство составляют русские, украинцы, белорусы, казаки и евреи.

В мировой истории национальные этнические меньшинства играют важную роль в науке и культуре, способствуют укреплению межнациональных контактов между регионами и государствами. Национальные меньшин-

ства возникают в связи с изменением государственных границ и массовых миграций. Каждая из названных национальностей имеет свои этнокультурные особенности.

Целью данной работы является исследование развития традиционной музыки и фольклорных особенностей национальных меньшинств в речном бассейне реки Амур в России.

Практическая ценность данной статьи заключается в том, что ее выводы и анализ источников можно использовать на занятиях по «Устному народному творчеству» и «Этномузыкологии» в высших и средних учебных заведениях.

В работе И.В. Нам исследуются пути и формы сохранения национальной идентичности различных национальных меньшинств в регионе: татар, еврейской диаспоры, украинской интеллигенции, польской общины [5, с. 24]. Древнейшим музыкальным инструментом, найденным

¹ Источник финансирования: Операционные расходы высших учебных заведений провинции Хэйлуцзян на фундаментальные научные исследования в 2021 году «Исследование эффективной конвергенции и практических примеров традиционной музыкальной индустрии и возрождения сельских районов в приграничных этнических районах» (№ 2021-kywuf-0719)

на территории Сибири, является фрагмент флейты. Это свидетельствует о развитом символическом и неутилитарном поведении [1, с. 9].

Во время зверобойного промысла национальные меньшинства Приамурья использовали орнитоморфные инструментальные наигрыши, представляющие собой звукоподражательные свистки: ульчи – свисток пупу, нанайцы – пиокиан, нивхи – пейс, удэгейцы – синкху, ительмены – чикруэрэх, коряки – вьепчан-ан [6, с. 14].

Коренные этносы Приамурья во время похоронных обрядов исполняли обрядовые речитации и наигрыши: ульчи – сонгоу, нанайцы – буйкинивэ сонгори, нивхи – черионд. Эти обряды могли сопровождаться плачем из сострадания и сочувствия, а также перед захоронением или сожжением покойника или утопленника [6, с. 20]. Основным музыкальным инструментом, используемым во время проведения свадебного обряда у амурских эвенков, является дугообразный металлический варган, который в прошлом был связан с женским шаманством.

Во время обрядовых праздников и шаманских практик у нивхов, коряков, нанайцев, ульчей и негидальцев широко использовался бубен. Чукчи считали бубен главным атрибутом каждой семьи, поскольку каждый представитель мужского пола в семье должен иметь свой музыкальный инструмент. Бубен использовали во время проведения обрядовых праздников, призывания духов-помощников, отпугивания злых духов кэльтетов. Чаще всего национальные меньшинства Приамурья применяли ударный и фриktionный приемы на бубне.

В качестве примера образцов музыкального обряда ульчей можно привести следующие строки, позволяющие вернуть похищенную душу больной матери: *А вот и уязвимое место жизни! / Забираю отсюда твою душу, мама, чтобы ты не плакала...* [6, с. 27]. Шаманизм является неотъемлемой частью культурной жизни национальных меньшинств народов Дальнего Востока.

Обратимся к характеристике музыкальной культуры народов тунгусо-маньчжурской группы. Самыми распространенными музыкальными инструментами являются варганы, металлические бубенчики, шаманский бубен, музыкальный лук, однострунный смычковый хордофон, дудочки и охотничьи манки [4, с. 12]. Указанные музыкальные инструменты чаще всего используются при проведении шаманских обрядов, обрядов медвежьего праздника, обрядов, связанных с культом близнецов и похоронно-поминальных обрядов. Следует отметить, что ульчи, орочи и нивхи при проведении похоронных обрядов при исполнении песен описаются на дву- и четырехдольные ритмомодели, используют быстрый темп, делают акцент на сильных долях. Исследо-

ватель С.В. Мезенцева при характеристике удэгейских и нанайских наигрышей выявила особенность – моноформальный тип инструментальной пьесы, исполняемой на монохорде (*дуучизэкэ* и *дзюлянки*) [4, с. 18].

В устном народном творчестве нивхов большую роль играет категория пола исполнителя. К числу музыкальных инструментов нивхов относятся: застыс (музыкальное бревно) – женский музыкальный инструмент, нивхские бубны, используемые при выполнении шаманских обрядов. К числу мужских музыкальных инструментов можно отнести однострунные смычковые хордофоны, вихревой аэрофон, бубен [3, с. 11]. В структуру медвежьих обрядов часто включены инструментальные, хореографические, речевые и вокальные формы этнической культуры.

Современная культурно-образовательная ситуация на Дальнем Востоке характеризуется угрозой утраты мастерства музыкального этнического творчества в традиционных видах деятельности и редким использованием родного языка [2, с. 44]. В соответствии с этим, было решено внедрение в содержание учебного процесса изучение национального языка, а также открытие этнических общественных заведений.

В частности, в 2012 году в Благовещенске был открыт корейский этнический ресторан «Русь-Моран», где звучит национальная корейская музыка. Национальный фольклор корейцев в Красноярском крае включает в себя исполнение трудовых, застольных, плясовых, обрядовых песен, народных сказок и национальных танцев. К числу народных инструментов относятся: многострунный щипковый инструмент каягым, двусторонний барабан чанго и флейта четтэ [6, с. 4].

Амурский РО САР ежегодно организует концерты армянской музыки. Областной таджикский национально-культурный центр «Дусти», который возглавляет Рахмат Джанджолов, выступает с национальными песнями и танцами и игрой на музыкальных инструментах (дойра и рубаба) [1, с. 186].

Религиозное учение Рейки, приверженцами которого являются японцы, используют традиционную этническую японскую музыку. Вайшnavы в своем пении используют повторения имен божества (джапа), музыкальные формы словословий (киртаны) и песнопения в сопровождении музыкального инструмента бхаджаны.

Заключение

Таким образом, музыкальная культура национальных меньшинств речного бассейна реки Амур включает в себя традиционное и профессиональное искусство, которое представляет собой яркий и самобытный мир.

Изучение музыкальных инструментов малочисленных этносов и особенностей их культуры имеет большое значение для сохранения образцов музыкального творчества. Этнокультурные музыкальные особенности на-

циональных меньшинств Приамурья свидетельствуют о самостоятельном социокультурном пласте, позволяющем создавать позитивные социальные установки и подрастающего поколения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Забияко А.П., Беляков А.О., Воронина А.С., др. Народы и религии Приамурья / А.П. Забияко, А.О. Беляков, А.С. Воронина, Е.А. Завадская, Я.В. Зиненко, Е.А. Конталева, В.С. Матющенко, О.В. Пелевина, К.И. Родионова, Н.В. Чирков / Под ред. А.П. Забияко. Благовещенск: Изд-во Амурского гос. университета, 2017. 424 с.
2. Ильяшевич О.А. Проблемы традиционной системы образования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России в XX – XX веке // Проблемы кадрового обеспечения сферы культуры и искусства: трудоустройство и адаптация молодого специалиста. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Хабаровск. 25 мая 2017 г. С. 39-44.
3. Мамчева Н.А. Музыкальные инструменты в системе традиционной культуры нивхов: Автореф. дис. ... кандидата искусствоведения: 17.00.02. СПб, 2010. 24 с.
4. Мезенцева С.В. Жанровая типология инструментальной музыки обрядовой культуры тунгусо-маньчжуров Дальнего Востока России: автореф. дис. ... кандидата искусствоведения: 17.00.09. СПб, 2006. 24 с.
5. Нам И.В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего востока в условиях революции и Гражданской войны: автореф. дис. ... доктора историч. наук: 07.00.02. Томск, 2008. 51 с.
6. Соломонова Н.А. Музыкальная культура народов Дальнего Востока: Этномузыкологические очерки: автореф. дис. ... доктора искусствоведения: 17.00.02. М., 2000. 49 с.

© Цзян Чэнь (68727361@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Хэйхэский университет

ОБРАЩЕНИЕ СТУДЕНТОВ-ЮРИСТОВ ЗА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩЬЮ: ОРИЕНТИРЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

APPLICATION OF LAW STUDENTS FOR PROFESSIONAL PSYCHOLOGICAL HELP: RESEARCH GUIDELINES

**A. Bergfeld
D. Formakidov**

Summary: The article defines the initial ideas on the basis of which it is planned to investigate the features of the relationship of personality traits, basic beliefs with ways to overcome negative situations and the attitude to psychological assistance among law students. The assumption is made that the determination of the psychological profile of students of legal orientation who apply or do not apply for professional psychological help will allow to determine the main directions of work of universities in the field of providing psychological services.

Keywords: psychological health, psychological assistance, five-factor personality model of a law student.

Бергфельд Александра Юрьевна

кандидат психологических наук, доцент, Пермский
государственный национальный исследовательский
университет
abergfeld@yandex.ru

Формакидов Дмитрий Анатольевич

доктор юридических наук, доцент, Пермский
государственный национальный исследовательский
университет
formakidov@yandex.ru

Аннотация: В статье определяются исходные идеи, на основе которых планируется исследовать особенности взаимосвязи черт личности, базисных убеждений со способами преодоления негативных ситуаций и отношением к психологической помощи у студентов юридической направленности. Сделано предположение о том, что определение психологического портрета студентов юридической направленности, обращающихся или не обращающихся за профессиональной психологической помощью, позволит определить основные направления работы вузов в области предоставления психологических услуг.

Ключевые слова: психологическое здоровье, оказание психологической помощи, пятифакторная модель личности студента-юриста.

В современных условиях жизни (пандемия коронавирусной инфекции, специальная военная операция РФ) все чаще наблюдаются деструктивные способы реагирования на происходящие события не только со стороны взрослого населения, но и молодежи.

Растет число тревожных и депрессивных расстройств в студенческой среде; возрастает количество подростков и юношей, склонных к суицидальному поведению; увеличивается частота агрессивных форм социального поведения, нарушающих не только правовые нормы, но и угрожающих здоровью и жизни студентов колледжей и вузов, например, ставший уже «традиционным» феномен «колумбайна» в российских образовательных учреждениях.

Актуальной психологической проблемой в связи с этим, становится забота о психологическом здоровье студентов посредством оказания им квалифицированной психологической помощи.

Несмотря на продвижение в образовательной среде психологических услуг, работу психологических служб в вузах, отношение студентов к деятельности психологов неоднозначно. В оценке психологических услуг встре-

чаются скептицизм, нигилизм, мифы и установочное поведение. Высокий запрос к нормативному поведению в профессии юриста, на наш взгляд, может выступать в качестве барьера к обращению за профессиональной психологической помощью. Насколько готовы и восприимчивы студенты юридической направленности, как носители правовых норм регулирования поведения, к иным способам регуляции поведения, а именно, психологическим? На наш взгляд, психологический портрет студента-юриста, обращающегося за профессиональной психологической помощью, не исследован.

Значительная часть работ, посвященных изучению проблемы обращения за профессиональной психологической помощью, носит социологический характер, поскольку затрагивает исследование вопросов о распределении участников исследования по ряду социально-демографических характеристик: место проживания, пол, возраст, уровень образования, трудовой статус, семейное положение и т.д. [6].

Встречаются работы, в которых изучаются вопросы отношения населения к психологическим услугам и их информированности в области психологических услуг [5]. Изучаются субъективные факторы обращения за

психологической помощью мужчин [1, 8]; анализируются запросы студентов на профессиональную психологическую помощь, т.е. определяется круг психологических проблем, с которыми студенты готовы обратиться за помощью к психологу [2]. Проводится анализ первичной обращаемости студентов за психологической помощью в зависимости от пола, возраста, времени года, а также повода обращения к психологу [7].

Одновременно с этим наблюдается дефицит исследований, в которых бы в качестве коррелятов обращения за психологической помощью выступали черты личности, базовые убеждения и стратегии поведения в трудных жизненных ситуациях студентов-юристов, а также учитывались особенности их отношения к профессиональной психологической помощи.

В настоящей статье определяются исходные идеи, на основе которых планируется исследовать особенности взаимосвязи черт личности, базисных убеждений со способами преодоления негативных ситуаций и отношением к психологической помощи у студентов юридической направленности.

«Обращение за помощью — это намеренное действие, состоящее из осознания и распознавания проблемы [Lynch et al., 2018]. Оно содержит три компонента: отношение, включая убеждение или готовность обратиться за помощью, интенцию обратиться за помощью, актуальное поведение относительно обращения за помощью [Gulliver et al., 2012a]» цит. по [8].

Большинство исследований проблемы обращения за профессиональной психологической помощью базируется на следующих моделях: модель запланированного поведения [Ajzen, 1991]; модель убеждений о здоровье [Rosenstock, 1966]; модель отношения к обращению за услугами в сфере психического здоровья К. Маккинзи с коллегами (IASMHS) [3,9].

Последняя описывает психологические установки на получение помощи и включает следующие аналитические категории: 1. Психологическая открытость — фактор, отражающий склонность человека признавать существование психологических проблем и считать, что люди не должны справляться с психологическими проблемами без помощи других, а также готовность к психологическому раскрытию перед специалистом. 2. Склонность к поиску помощи — фактор, отражающий, готовность обратиться за профессиональной психологической помощью. 3. Безразличие к стигме — фактор, отражающий обеспокоенность мнением окружающих о человеке, обратившемся за психологической помощью.

Еще одна модель – модель оценки помощи AAAQ характеризует представления личности об особенностях

оказания помощи в конкретном учреждении: ее наличие, доступность, приемлемость и качество оказываемых услуг. A — Availability/Наличие — достаточное количество сервисов по предоставлению психологических услуг; A — Accessibility/Доступность — физическая, экономическая и информационная доступность сервисов; A — Acceptability/Приемлемость — соответствие услуг стандартам профессиональной этики, культуральным, половозрастным особенностям потребителей услуг и понимание ими смысла вмешательства; Q — Quality/Качество — квалификация психологов и научная обоснованность психологических услуг [10].

В контексте обозначенных моделей в основном исследуются корреляции обращения за профессиональной психологической помощью с социальными ролями, особенностями отношения к психологической помощи, различного рода барьерами и трудностями, препятствующими обращению за помощью, а также фактором обеспокоенности мнением окружающих о человеке, обратившемся за психологической помощью.

В качестве исходных коррелятов обращения студентов-юристов за профессиональной психологической помощью мы определяем черты их личности, базисные убеждения и способы преодоления негативных ситуаций. Это те психологические феномены, которые, в первую очередь связаны с поведением студентов-юристов в отношении их обращения/не обращения за профессиональной психологической помощью.

С точки зрения структуры феномена обращения за помощью, оптимальной моделью личности, объясняющей диспозиции (склонности) вести себя определенным образом в широком спектре ситуаций выступает пятифакторная модель (five-factor model), которая включает в себя пять главных факторов («большую пятерку» черт): 1) нейротизм – негативная эмоциональность; 2) экстраверсия – активность, направленная во внешний мир; 3) открытость опыту – открытость новым идеям; 4) привязанность / сотрудничество – привязанность к другим людям; 5) контролирование/добросовестность – способность к самоконтролю.

Убеждения личности о мире и самом себе относятся к индивидуально-психологическим факторам, связанным с его психологической адаптацией к различного рода воздействиям и жизненным ситуациям. Базисные убеждения, согласно теории Р. Янофф-Бульман (1989), выступают основой предположений о себе и мире, на основе которых люди действуют в травмирующих ситуациях. По оценке М.А. Падун, суть феномена базисных убеждений личности сводится к тому, что они являются иерархически организованными когнитивно-эмоциональными имплицитными представлениями человека, сквозь призму которых он воспринимает события окружающего мира и, в соответ-

ствии с которыми, формируется его поведение [4].

Таким образом, базисные убеждения личности могут быть определены в качестве внутренних регуляторов поведения, связанного с обращением за профессиональной психологической помощью.

Помимо убеждений личность владеет определенными способами преодоления негативных ситуаций, которые являются сознательно регулируемы действиями, разворачивающимися в когнитивной, эмоциональной и поведенческой сфере.

Исследование совокупности личностных черт, базисных установок и способов преодоления негативных ситуаций студентов-юристов, связанных с обращением за профессиональной психологической помощью, по-

зволит расширить научные представлений о психологических факторах, определяющих востребованность психологических услуг среди молодежи.

Определение психологического портрета студентов юридической направленности, обращающихся/не обращающихся за профессиональной психологической помощью, позволит определить основные направления работы вузов в области предоставления психологических услуг, создания условий для своевременного обращения со стороны студентов за профессиональной психологической помощью, способствовать развитию позитивного отношения к обращению за профессиональной психологической помощью. Кроме того, результаты исследования могут быть учтены при разработке развивающих программ повышения уровня психологического благополучия и здоровья студентов вузов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникина В.О. Попова А.Г., Васильева Н.Л. Субъективные факторы обращения за психологической помощью мужчин // Мир науки. Педагогика и психология / World of Science. Pedagogy and psychology <https://mir-nauki.com>, 2020, №5, Том 8 / 2020, No 5, Vol 8 <https://mir-nauki.com/issue-5-2020.htm>
2. Антонова Н.А., Ерищан К.Ю., Цветкова Л.А. Запрос на психологическую помощь студентов педагогического вуза, 2021
3. Вайнштейн С.В., Бурдин М.В., Шабалин Е.Ю. Опросник отношения к обращению за услугами в сфере психического здоровья (IASMHS): результаты психометрического анализа русскоязычной версии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 3(23). С. 81–96
4. Падун М.А., Котельникова А.В. Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульман // Психологический журнал. – 2008. Т. 29. – № 4. – С. 98–106, с.106
5. Петров В.Е. Исследование отношения населения к психологическим услугам // Сборник публикаций преподавателей и студентов по итогам факультетских, межвузовских и международных научно-практических конференций в декабре 2019 года. Под общей редакцией В.Д. Серякова, г. Москва, 2020. С.221–228.
6. Погосов А.В., Богущевская Ю.В. Клинические, личностно-психологические и социально-демографические факторы, препятствующие обращению больных соматизированными расстройствами за специализированной помощью // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2017. № 4 (97). С. 22–30.
7. Рыбакова И.М., Гарифуллина Г.Х. Анализ первичной обращаемости студентов за психологической помощью // Современные проблемы науки и образования № 5. 2016.
8. Шаповалов Р.А. Психологические факторы обращения мужчин за профессиональной психологической помощью // Психологические исследования 2022 Т 15 No. 81. с. 1–27.
9. Mackenzie C.S., Erickson J., Deane F.P., Wright M. Changes in attitudes toward seeking mental health services: A 40 year cross-temporal meta-analysis. *Clinical Psychology Review*. 2014. Vol. 34. Pp. 99–106
10. Schierenbeck I., Johansson P., Andersson L., van Rooyen D. Barriers to accessing and receiving mental health care in Eastern Cape, South Africa // *Health and human rights*. 2013. Vol. 15. № 2. P. 110—119.

© Бергфельд Александра Юрьевна (abergfeld@yandex.ru), Формакидов Дмитрий Анатольевич (formakidov@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВОПРОСЫ СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ У ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

ISSUES OF SUICIDAL BEHAVIOR IN CHILDREN AND ADOLESCENTS

**A. Berezantsev
N. Batueva
T. Tudupova**

Summary: The article deals with the problem of suicidal behavior of children and adolescents in modern conditions in general and regional aspects. The social and biological factors influencing the formation of suicidal behavior are highlighted. The results of a retrospective analysis of postmortem forensic psychological and psychiatric examinations of completed suicides of children and adolescents in the Republic of Buryatia over a five-year period are discussed. Social predictors and the leading role of intra-family conflicts in the formation of suicidal behavior in children and adolescents in the studied contingent have been established. A clinical observation of a completed suicide and a teenager with a depressive disorder is given. It is concluded that to analyze the problem of suicide in children and adolescents, a comprehensive assessment of clinical, biological and social factors is necessary.

Keywords: child and adolescent suicide, risk factors, depression.

Березанцев Андрей Юрьевич

доктор медицинских наук, профессор, ГБУЗ Московской области «Центральная клиническая психиатрическая больница им. Ф.А. Усольцева» г. Москва
berintend@yandex.ru

Батуева Наталья Григорьевна

кандидат медицинских наук, ГБУЗ «Республиканский психоневрологический диспансер» МЗ РБ г. Улан-Удэ
batueva@yandex.ru

Тудупова Туяна Цибановна

кандидат психологических наук, ФГБОУ ВО Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова г. Улан-Удэ
tuyanatu@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема суицидального поведения детей и подростков в современных условиях в общем и региональном аспектах. Освещаются социальные и биологические факторы, влияющие на формирование суицидального поведения. Обсуждаются результаты ретроспективного анализа посмертных судебных психолого-психиатрических экспертиз завершённых суицидов детей и подростков в Республике Бурятия (РБ) за пятилетний период. Установлены социальные предикторы и ведущая роль внутрисемейных конфликтов в формировании суицидального поведения у детей и подростков в изученном контингенте. Приводится клиническое наблюдение завершённого суицида и подростка с депрессивным расстройством. Делаются выводы, что для анализа проблемы суицидов у детей и подростков необходима комплексная оценка клинических, биологических и социальных факторов.

Ключевые слова: детско-подростковый суицид, факторы риска, депрессия.

Введение

Проблема суицидального поведения является одной из центральных в общественном здравоохранении. Несмотря на то что уровень суицидов в России за последние двадцать лет постепенно уменьшается, распределение показателей суицидальной активности на территории РФ является весьма неравномерным, при этом отмечаются крайне тревожные тенденции в виде «омоложения» суицидов в нашей стране. По данным В.Ф. Войцеха [1], за год в Российской Федерации от суицида погибают около 3000 детей и подростков – из них 20 детей в возрасте от 5 до 9 лет, 400-420 детей в возрасте от 10 до 14 лет и примерно 2500 от 15 до 19 лет. Наиболее высока частота суицидальных мыслей и попыток в возрасте около 15–16 лет. В докладе уполномоченного по правам ребенка при президенте Российской Федерации за 2021 год [2], следует, что число попыток суицида среди несовершеннолетних за последние три года увеличилось почти на 13% с 3 253 до 3 675 (2019 год – 3 253, 2020 год – 3 051, 2021 год – 3 675). Уполномоченные по правам ре-

бёнка в субъектах РФ, анализируя сложившуюся ситуацию, выделяют следующие причины суицидального проявления поведения и поступков несовершеннолетних: отсутствие взаимодействия в семье, ссора, конфликты родителями; психические расстройства ребёнка; несчастная любовь; ссоры со сверстниками, недовольство своей внешностью; проблемы в обучении; влияние противоправной информации в сети Интернет. У большинства суицидентов, независимо от возраста, в момент совершения суицида сохраняется амбивалентное отношение к своему желанию умереть, но особенно ярко это проявляется в подростковом возрасте. В психиатрическом сообществе принято мнение, что психическая патология является необходимым условием для совершения суицидального акта. Эта точка зрения подкрепляется рядом исследований, так А. Fleischmann et al. [3], проанализировав исследования суицидальной молодежи, пришли к выводу, что в 88,6 % случаев у подростка присутствует по крайней мере одно психическое нарушение. При этом наличие психической патологии является более вероятным в возрасте 16–19 лет, чем в более ранние

возрастные периоды [4]. Несмотря на то, суицидальное поведение в литературе традиционно связывают с депрессивными расстройствами, некоторые авторы [5], указывают, что в детском и подростковом возрасте депрессия не является необходимым фактором суицидальных попыток, а суицидальный риск больше связан со вспыльчивостью, импульсивностью и агрессивным поведением. В процессе анализа суицидальной попытки подростка, и при посмертном сборе анамнеза завершённого суицида («психологической аутопсии» по Э. Шнейдману [6]) вопросы обычно центрируются вокруг проблем, связанных с частотой, интенсивностью и продолжительностью негативного опыта и негативных эмоций. Вместе с тем необходимо отметить, что при завершённом суициде доступны для анализа именно события жизни подростка, особенно при отсутствии у него диагностированной при жизни психической патологии (а это подавляющее большинство случаев). Нередко анализ имеющихся материалов не позволяет установить убедительные причинно-следственные связи между негативными событиями жизни подростка и совершённым суицидом, который представляется чрезмерной и неадекватной реакцией на возникшие жизненные проблемы. Вместе с тем, подчас на чрезвычайно незначительность внешних поводов, приводящих к самоубийству у детей и подростков, указывал ещё В.М. Бехтерев [7]. В отличие от импульсивного суицидального поведения свойственного подросткам, истинное суицидальное поведение у взрослых, имеющее в своей основе высокую опосредованность осознанными намерениями индивида, занимает более длительный период формирования, при этом степень влияния средовых факторов в динамике существенным образом снижается, а уровень депрессивной симптоматики возрастает [8]. Феномен возрастания частоты суицидов у современной молодежи необходимо рассмотреть в контексте современного общественного сознания, одной из наиболее ярких характеристик которого является так называемое «клиповое» (фрагментированное) сознание [9]. Клиповое сознание формируется виртуальной реальностью, цифровыми технологиями, так называемой «клиповой культурой», наступление которой провозгласил Э. Тоффлер [10]. Клиповая культура создается таким инструментом, как господство средств массовой коммуникации, через которые создается особый способ представления и восприятия информации. Клиповая культура строится как информационно заданная мозаичность и фрагментарность создаваемого образа (соответственно и идентичности человека). Отрывочность несвязанной информации провоцирует алогичность, разрозненность, не целостность в восприятии картины мира. Клиповое сознание патологически меняет личность, атрофируя у детей и подростков способность самостоятельно мыслить и чувствовать. Оно заменяет потребность в систематическом знании эрзацами фрагментарной информации, адекватность мировосприятия внешними эффектами, искажая смысл и цель жизни погоней за эффектными «краси-

выми» жестами, порождая скольжение по поверхностным смыслам, нежелание читать, неумение сосредоточиться, анализировать, обобщать, познавать мир и себя. Помимо кардинальных изменений социального и информационного пространства в последние десятилетия по некоторым данным произошёл качественный скачок в и особенностях нейрофизиологии мозговой деятельности, в частности латерализации функций мозга, особенно у детей, рождённых после 2000 года. В восьмидесятые годы прошлого века исследователи обратили внимание на нарастание популяции леворуких детей и детей со скрытым левшеством. Если ранее считалось, что леворукие составляют около 10% в популяции, то в 90-х годах их число увеличилось до 15-17%. Затем появились сообщения о качественно иной группе детей — амбидекстров, «двуруких», а внутри группы амбидекстров, по результатам некоторых исследований, появились дети с уравновешенной право-левой латеральностью по мозговым процессам, для обозначения данного феномена был предложен термин «амбицеребральность» [11]. Группа детей с амбицеребральностью находится внутри группы амбидекстров их число колеблется от 27% до 70% и имеет тенденцию к увеличению. По наблюдениям, у детей с амбицеребральностью происходит спонтанное переключение правого и левого мозга, что сопровождается полярным (резко меняющимся) поведением детей и может служить одной из причин для формирования синдрома дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ). Это объясняют тем, что у большинства взрослых преобладает последовательное, линейное (логическое) мышление, а у нового поколения детей формируется «многомерное» мышление. Поэтому они легко ориентируются в навигации незнакомого мобильного телефона, осваивают новые компьютерные игры и т.д. С другой стороны, это способствует формированию «клипового» мышления в следствие фрагментарного восприятия и обработки поступающей информации, не соединённой в единую систему миропонимания. Таким детям также свойственна повышенная эмоциональная чувствительность и чрезмерные реакции на внешние социальные стрессовые факторы, порой несущественные с точки зрения взрослых. Представляется очевидным, что «клиповое мышление» соотносится с доминированием правого полушария мозга, деятельность которого связана с образным мышлением, и подавлением логических структур психики, функционально локализованных в правом полушарии (необходимо отметить, что доминирование того или иного полушария мозга в процессе деятельности не связано напрямую с право или леворукостью). С данной точки зрения становится более понятна разница между детско-подростковой и взрослой суицидальной активностью. Если у взрослых как правило истинные (завершённые) суициды, это результат длительного периода формирования решения уйти из жизни, опосредованного осознанными намерениями индивида и определяются левополушарными когнициями (хотя, как правило, ложными

и искаженными аффективной патологией), то ювенальный суицид – это алогичное импульсивное действие, «красивый жест» диктуемый подчас эмоционально окрашенными виртуальными клиповыми образами, которыми оперирует полушарие правое и является следствием утраты логического контроля над импульсивными поступками, которые определяются эмоционально насыщенными образами, нередко оторванными от действительности.

Одним из регионов России с неблагоприятной ситуацией по обсуждаемой проблеме является Республика Бурятия, которая на протяжении последнего десятилетия прочно входит в лидеры по показателю смертности по причине суицида. Так, в 2016 году уровень завершённых суицидов среди несовершеннолетних (0-17 лет) в РБ составил 10,5; при 7,6 случаев в Республике Алтай; 6,3 в Забайкальском крае на 100000 населения. В группе несовершеннолетних подавляющее число случаев суицидов приходится на подростковый возраст. Так, в РБ, в 2013 году среди детей 0-14 лет зафиксировано 3,5 случая завершённых суицидов, а подростковых 33 случая; в 2014 году – 3 и 42 случая соответственно; в 2015 – 3,2 и 28,6; в 2016 году – 3,2 и 63,6 (по данным мониторинга завершённых суицидов РБ).

Цель исследования

Комплексный критический анализ детско-подростковых завершённых суицидов в РБ в 2012-2016 гг.

Материалы и методы

Проведен ретроспективный анализ 78 заключений комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы с данными о завершённых случаях суицидов детей и подростков по РБ за период 2012-2016гг. Оценка суицидальных актов проводилась по следующим критериям: возраст, пол, место проживания, уровень образования, характеристика состава семьи, способ суицида, возможные мотивы и причины (если таковое было указано в актах), личный и семейный суицидальный анамнез, а также наличие психических заболеваний у суицидентов и их родных. Исследование проводилось клинико-статистическим методом. Статистическая обработка данных произведена с использованием «Statistica 10.0 for Windows».

Результаты и обсуждение

Общее количество проанализированных актов – 78. В связи с тем, что не во всех заключениях отражены исследуемые критерии, абсолютные значения анализируемых актов по отдельным признакам может различаться. Количество мальчиков и юношей за весь период составило 45 человек (61,5 %), девочек и девушек – 30 (38,5%). При

этом в возрастную категорию до 14 лет вошло 33 (42,3%) ребенка, а 15-17 лет – 45 (57,7%).

В структуре завершённых суицидов, в целом, ведущую позицию занимают юноши 15-17 лет. При внутригрупповом распределении (в группе детей и группе подростков) также мальчики преобладают над девочками. Из общего числа суицидентов 64,1% (50 человек) проживали в сельской местности, 35,9% (28 человек) – жители города. Оценить уровень образования удалось в 74 заключениях, в четырех место обучения не было определено. Так, 57 (77%) детей и подростков обучались в среднеобразовательных школах, из них 50% (37 человек) – учащиеся сельских школ и 27% – городских. Учащимися коррекционных школ было 6 человек (8,1%), в профессиональных училищах обучалось 10 человек (13,5%) и также среди студентов небольшой перевес был на стороне сельских жителей 8,1%? один ребенок не обучался). Семейная ситуация в 40,3% случаев (31 человек) характеризовалась как благополучная: дети проживали в полных семьях, материально удовлетворительно; 37 детей (48%) жили в неполных семьях, при этом к данной категории мы отнесли и те случаи, когда брак родителей был официально зарегистрирован, но они проживали отдельно или ребенок воспитывался мачехой, отчимом и имелись указания на конфликтные отношения в семье. В приемных семьях воспитывалось 7 детей (9,1%), двое были сиротами (2,6%) и находились на воспитании у опекунов – родственников. По способу совершения самоубийства и в группе детей, и в группе подростков лидирует механическая асфиксия – 65 (85,6%) ребенка выбрали именно этот способ ухода из жизни; 7 человек (9,2%) – медикаментозное отравление; 3 (3,9%) – падение с высоты и 1 случаи (1,3%) – применение огнестрельного оружия. При этом, в 21,8% случаев (17 человек) из материалов уголовного дела, свидетельских показаний у юных суицидентов в анамнезе были признаки суицидального поведения (высказывания, попытки, повышенный интерес к теме суицида), но была ли им предложена или оказана какая-то помощь неизвестно, т.к. указаний на это в заключениях нет. При качественной оценке микросоциального окружения в заключениях отмечено, что в 9 семьях (11,5%) имелись случаи завершённого суицида у ближайших родственников (родители, бабушки, родные дяди); в 21,8% (17 семей) родители (или один из родителей) страдал алкоголизмом. Официальных данных о наличии у кого-то из родных психического заболевания нет. Но, что хочется отметить, в 8 случаях из 78 (а это 10,2%) имело место наличие всех факторов риска суицида у ребенка. Это и неполная семья, и наличие алкоголизма и суицидов у ближайших родственников, и суицидальное поведение у самого ребенка в прошлом, и изменение текущего психологического состояния, и наличие психотравмирующей ситуации, т.е. почти каждую десятую смерть можно было предотвратить, если бы окружение было осведомлено о том, на что надо

обратить внимание. Ведь в 50% случаев (у 39 человек) по данным заключения судебно-психиатрической экспертизы, из материалов уголовного дела, есть указания на то, что состояние суицидентов незадолго до смерти изменилось: окружающие отмечали появление замкнутости, снижения настроения, раздражительности, некоторые раздавали долги, просили прощения за обиды, чего за ними раньше не наблюдалось, некоторые становились необычно агрессивными, обидчивыми, вели себя вызывающе. Предсмертные записки оставили единицы (3 человека), но по объективным данным можно сделать следующие заключения: в качестве вероятной причины (мотива) суицида в 7 случаях указывались конфликты в семье, в 5 случаях – конфликтные отношения со сверстниками; по 3 случая приходится на неразделенную любовь и трудности в обучении; 2 суицида произошло после того как из жизни добровольно ушел лучший друг; в качестве возможных причин однократно указывался алкоголизм родителей, инвалидность после травмы и неспособность справиться с последствиями болезни, а также потеря родителей в результате несчастного случая. Сведения о совершении суицида в алкогольном опьянении имеются только в двух заключениях. К сожалению, сделать какие-либо суждения в этнокультуральном аспекте не представилось возможным, так как в заключениях не указывается этническая принадлежность суицидентов, а делать выводы на основании такого формального признака как фамилия – значит заведомо искажать факты. Ниже приводится клиническое наблюдение.

Д., 17 лет. Являлась ученицей 11 класса средней образовательной школы. Училась хорошо, увлекалась литературой и русским языком, к точным наукам пристрастия не имела. Д. играла на гитаре, писала стихи. Окружающие характеризовали её как человека спокойного, домашнего ребенка. С большинством сверстников она близко не общалась. По характеру Д. была ведомая, лидерскими качествами не обладает, не общительная, спиртные напитки не употребляла, посещала социальные сети, но в «группах смерти» не состояла. Ранее Д. попыток суицида не совершала и мыслей о суициде не высказывала. По свидетельству окружающих в период времени, предшествовавший суициду она не была подавлена, ее настроение было ровным, вела себя как обычно. По свидетельству отца Д., в день совершения суицида он утром пошел её будить, но её уже не было в комнате, он увидел записку, которая носила суицидальный характер. После этого отец организовал поисковые мероприятия и недалеко от населенного пункта, в котором они проживали, в лесном массиве, он нашел труп Дарьи, которая повесилась... Отец отмечал, что в семье у них были хорошие отношения, ссор или конфликтов не было. Мать Д. характеризовала её как творческую личность, она играла на гитаре, рисовала, писала стихи и даже вышивала. У Д. была только одна подруга, с остальными сверстницами близко не общалась. Д. была

вегетарианкой с 10-12 лет, мотивацию она не объясняла. Накануне суицида Д. была в хорошем настроении, ничего не предвещало того, что она покончит жизнь самоубийством. В день самоубийства мать Д. рано утром зашла в спальню и увидела, что Д. лежит на первом ярусе кровати с ноутбуком, она спросила у нее, почему она не спит, на что она ответила, что ей не хочется спать. В ходе беседы мать не заметила ничего подозрительного в ее поведении, «все было абсолютно как обычно». В интернете, среди посещаемых Д. страниц имеется одна под названием «Эстетика сатанизма и оккультизма, эстетика темного пути». У психиатра и нарколога Д. не наблюдалась. В деле представлены предсмертные записки. Из предсмертной записки №1 явствует, что суицид является личным решением девушки, она просит никого не винить («если и есть вина, она только моя»). В записке имеется пожелание нацарапать на ее надгробии слова о том: «жизнь я любила, но я хотела просто жить, а не существовать в оковах мира». В записке отмечается, что она: «проиграла свою личную вторую мировую». Вторая предсмертная записка начинается со слов прощения: («Простите за все, может быть, так и не должно было быть, но это мое решение»). Далее отмечается, что: «Никто в этом не виноват. Тем более, это только начало, не стоит лить слез зря, ведь даже ребенок, находящийся в утробе матери, разрушает свой мир, появляясь на свет». В целом, записка имеет весьма развернутый характер с философскими рассуждениями о жизни («жизнь - это выбор каждого, личный выбор. По крайней мере - это единственный выбор, к которому люди подходят осознанно», «жизнь – полоса черная, полоса белая, только эти перепады слишком резки, что глаза не успевают привыкать», «Зачем все это? Выучиться, всю жизнь работать, вырастить детей, чтобы они дальше продолжили этот порочный круг? Но это не жизнь. Это существование. Так лучше потерять все, чем жить полумерами. Лучше стать никем, чем стать тем, кем ты не хочешь быть»), о счастье («Разве так велика цена счастья? Мы делаем счастье сами, по крупичкам собирая его, как паззл, но, если оно не собирается, кто виноват? Вот. Так давайте вы соберете целостную «картинку» счастья без меня, а я посмотрю и порадуюсь за Вас»), о жертвенности («чтобы что-то получить, нужно чем – то жертвовать. И жертвы никогда не бывают напрасными. Элементарно: переступил через свою гордость, через свое эго – и сам освободился от сих тисков безумия, и другим даровал свободу»). Заканчивается записка четверостишием из папки с её стихами: «Нет больше ни тоски, ни любви, ни печали, ни тревоги, ни боли в груди. У меня теперь лишь две дороги: бледное небо и жизнь позади».

В литературе по психологии суицидального поведения отмечают, что суицидогенный конфликт проходит две фазы. Первая из них – предиспозиционная, является предпосылкой суицидального акта. Вторая – суицидальная – фаза конфликта представляет парадоксальный

процесс устранения конфликта за счет саморазрушения субъекта. Предиспозиционная фаза дезадаптации и конфликта переходит в суицидальную через так называемый критический пункт, имеющий две основные характеристики: а) значительное ограничение (или сведение к нулю) количества известных субъекту вариантов разрешения конфликта; б) субъективная оценка известных вариантов решений как неэффективных или субъективно неприемлемых. Суициду предшествует, как правило, глубокое нарушение социальной адаптации суицидента, и поэтому важны объективные и субъективные проявления пресуицидной психологической дезадаптации. В обстоятельствах данного дела они выражаются в изменениях поведения суицидента Д., прежде всего, сюда относятся депрессивные переживания душевного плана: снижение фона настроения, ощущение усталости («Я устала, простите, но это так»). Рассматривая динамику социально – психологической дезадаптации, приведшей Д. к суициду, следует отметить, прежде всего, внутриличностную дезадаптацию («Я проиграла свою личную вторую мировую»), и механизм ее кумуляции на психику суицидента. К психологическим явлениям внутриличностной дезадаптации, прежде всего, следует отнести падение самооценки, аутосимпатии и самоуважения у Д. на предиспозиционной (кумулятивной) фазе суицида. Все эти характерные психоэмоциональные сдвиги свидетельствуют о пресуицидной дезадаптации, ясно также просматриваются признаки депрессивной напряженности. Психология самоубийства есть, прежде всего, психология безнадежности, а безнадежность – это есть сужение сознания. Из известных в науке вариантов актуального состояния сознания, соотносимых с типами суицидального реагирования, непосредственно до и в момент совершения самоубийства, Д. находилась в суженном состоянии сознания с негативными переживаниями. Содержание сознания Д., по всей видимости, было заполнено депрессивными переживаниями о смысле жизни, усталости, о проигрыше в «личной второй мировой». В литературе различают суициды рациональные и аффективные. Суицид Д. относится к рациональному типу, то есть формирование решения покончить с собой у нее развивалось постепенно, достаточно обдуманно, отнюдь не импульсивно (отсюда философские размышления о смысле жизни, написание предсмертных записок). На основании анализа представленных материалов комиссия экспертов пришла к заключению, что в период, предшествовавший совершению самоубийства, Д. находилась в состоянии депрессии с выраженными суицидальными мыслями. К основным индивидуально-психологическим особенностям личности Д. относятся такие особенности, как выраженная интровертированность, богатый внутренний мир, закрытость, необщительность, низкая коммуникабельность. Данные индивидуально-психологические особенности, выявленные в структуре личности Д. могли повлиять на ее поведение в части причинения себе вреда здоровью.

Заключение

Детская и подростковая суицидальность – это многогранная проблема, включающая в себя клинично-психопатологические, нейробиологические и социально-психологические аспекты. Каждый случай такого рода суицидов необходимо рассматривать строго индивидуально, с учетом всего комплекса факторов: социальных (структура семьи и отношения в ней, школьные стрессоры, этнокультуральные особенности), нейробиологических (в идеале – данные о латерализации функций мозга, особенностях биоэлектрической активности и резидуально-органических изменениях), клинично-психопатологических (в большинстве случаев судить о наличии или отсутствии прижизненных психических расстройств приходится лишь по косвенным данным). Очевидно, что при завершенных суицидах этот комплекс данных будет заведомо неполным. Так, анализ завершенных детско-подростковых суицидов на территории Р.Б. позволил сформулировать некоторые выводы. Были определены социально-демографические характеристики детей и подростков, совершивших суициды. Если уместно говорить о среднестатистическом «портрете суицидента», то можно сказать, что это юноша-подросток, обучающийся в общеобразовательной школе, проживающий в сельской местности, в неполной/приемной семье, выбирающий как способ ухода из жизни самоповешение и демонстрирующий признаки изменения поведения перед совершением суицида. У каждого четвертого ребенка, совершившего суицид, имелся родственник, покончивший жизнь самоубийством, каждый четвертый ребенок так или иначе демонстрировал внешние признаки суицидального поведения. Но это поверхностный усредненный подход, и он мало применим к каким-либо обобщениям и экстраполяции данного «портрета» на различные социальные группы. Поскольку при завершенных суицидах выводы психиатра-эксперта и эксперта-психолога опираются исключительно на материалы уголовного дела, возбужденного по факту смерти ребенка, необходимо говорить об особых подходах к собиранию фактологической базы, которую могли бы использовать эксперты в своих заключениях. Вероятно, разработки по методологии сбора данных об анамнезе жизни суицидентов, особенностях и динамике их прижизненного психологического статуса и поведенческого реагирования, конфликтогенных ситуациях в социуме, должны разрабатываться совместно психиатрами и психологами в сотрудничестве с представителями правоохранительных структур. Материалы дел должны содержать оптимально-максимальное количество признаков, описывающих динамику развития суицидального акта, психологические характеристики ребенка, расширенный перечень социально-демографических факторов с наиболее подробным описанием семейного окружения, стиля воспитания, условий и климата обучения,

ведь почти 80% тех, кто покончил собой в изученных материалах были школьниками. Крайне необходима этническая составляющая описания, так как это позволит глубже понять региональную специфику детских

суицидов и увеличить количество точек приложения превентивных мер. Все признаки должны быть формализованы, поскольку это необходимо для более качественного статистического и содержательного анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Войцех В.Ф. Клиническая суицидология. М.: Миклош, 2008. 280 с.
2. Доклад о деятельности уполномоченного при президенте Российской Федерации по правам ребенка в 2021г. [Электронный ресурс] <http://deti.gov.ru/detigray/upload/documents/August2022/OucV7OrXsDXyb6xBrHFF.pdf> Дата обращения 26.09.2022г.
3. Fleischmann A., Bertolote J.M., Belfer M., Beautrais A. Completed suicide and psychiatric diagnoses in young people: a critical examination of the evidence. *Am J Orthopsychiatry*. 2005 Oct;75(4):676-83. DOI: 10.1037/0002-9432.75.4.676. PMID: 16262523.
4. Brent D.A., Baugner M., Bridge J., Chen T., Chiappetta L. Age- and sex-related risk factors for adolescent suicide. *J Am Acad Child Adolesc Psychiatry*. 1999; 38: 1497-1505. DOI:10.1097/00004583-199912000-00010
5. Walrath C.M., Mandell D.S., Liao Q., Holden E.W., De Carolis G., Santiago R.L., Leaf P.J. Suicide attempts in the «comprehensive community mental health services for children and their families» program. *J Am Acad Child Adolesc Psychiatry*. 2001Oct;40(10):1197-205. DOI: 10.1097/00004583-200110000-00014. PMID: 11589533.
6. Шнейдман Э.С. Душа самоубийцы. Пер. с англ. М.: Смысл, 2001. 315с.
7. Бехтерев В.М. О причинах самоубийства и возможной борьбе с ним. С-Петербург: Товарищество Художественной Печати, 1912.
8. Van Heeringen K., Hawton K. & Williams J.M.G. (2000). Pathways to suicide: An integrative approach. In: K. Hawton & K. Van Heeringen (eds.) *The International Handbook of Suicide and Attempted Suicide*, pp. 223-234. Chichester: John Wiley & Sons, Ltd. DOI: 10.1002/9780470698976
9. Гиренок Ф.И. Клиповое сознание. М.: Проспект, 2018. 256с.
10. Тоффлер Э. Третья Волна. Пер. с англ. М.: АСТ, 2010. 784с.
11. Пугач В.Н., Кабаева В.М. Функциональная асимметрия мозга: амбидекстрия и амбидеребральность, новые тенденции [Электронный ресурс]. <http://childpsy.ru/lib/articles/id/17943.php> Дата обращения 26.09.2022г.

© Березанцев Андрей Юрьевич (berintend@yandex.ru), Батуева Наталья Григорьевна (batueva@yandex.ru)
Тудупова Туяна Цибановна (tuyanatu@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Центральная клиническая психиатрическая больница им. Ф.А. Усольцева

СООТНОШЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ И СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ КУРСАНТОВ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹

Ворожейкин Сергей Андреевич

Адъюнкт, Саратовский военный ордена Жукова
Краснознамённый институт войск национальной
гвардии Российской Федерации,
vorozhoff@mail.ru

CORRELATION OF IDEAS ABOUT MILITARY SERVICE AND SUBJECTIVE WELL-BEING OF CADETS OF THE NATIONAL GUARD TROOPS OF THE RUSSIAN FEDERATION

S. Vorozheikin

Summary: The article is devoted to the study of the correlation of ideas about military service with the level of subjective well-being of cadets. The study of this problem will significantly expand the picture of the phenomenon of subjective well-being, its prediction and factors that have a significant impact on its formation. The purpose of this study is to study the correlation of cadets' ideas about military service with their level of subjective well-being. New data on the connections of various types of representations with subjective well-being will help in the development of programs for socio-psychological support of military personnel for their successful implementation in the military-professional sphere. Methodology. The study involved 200 1st-5th year cadets aged $M=20.4$ years $SD=1.55$ males. To study the picture of cadets' ideas about military service, a questionnaire developed by the author was used to study various types of cadets' ideas about military service, clarified at the stage of the pilot study. To study the level of subjective well-being, the method «Scale of subjective well-being» by authors R.M. Shamionov and T.V. Beskova was used. The theoretical conclusions are accompanied by the data of the author's psychological research based on the results of other empirical studies.

The results obtained demonstrate that 84% of the total variance in the subjective well-being of cadets can be explained by 11 ideas about military service. It is established that the most significant for the subjective well-being of cadets are such ideas as: understanding the direction of development of the VNG of the Russian Federation, a view of military service as a source of satisfaction from their activities, an opinion about cadets as more purposeful and disciplined people, unlike their civilian peers, the idea of himself primarily as a military man, awareness of his inner capabilities and potential, determination to continue military service after graduation from the military institute, significance for personal comfort, well-being of colleagues, acceptance of values existing in military service. A negative connection with subjective well-being is the cadets' ideas about the feeling of joy from performing official duties, satisfaction from the state of affairs in the service, studies, presentable appearance as mandatory attribute of the image of a serviceman.

Keywords: subjective well-being, social representations, cadet, military service, identity.

Аннотация: Статья посвящена изучению соотношения представлений о военной службе с уровнем субъективного благополучия курсантов. Изучение данной проблематики позволит существенно расширить картину феномена субъективного благополучия, его предикции и факторов, оказывающих существенное влияние на его формирование. Целью данного исследования является изучение соотношения представлений курсантов о военной службе с уровнем их субъективного благополучия. Новые данные о связях различных видов представлений с субъективным благополучием помогут в разработке программ социально-психологического сопровождения военнослужащих для их успешной реализации в военно-профессиональной сфере. Методика. В исследовании приняли участие 200 курсантов 1-5 курса обучения в возрасте $M=20,4$ лет $SD=1,55$ мужского пола. Для изучения картины представлений курсантов о военной службе была использована разработанная автором анкета для изучения различных видов представлений курсантов о военной службе, уточнённая на этапе проведения пилотажного исследования. Для изучения уровня субъективного благополучия применена методика «Шкала субъективного благополучия» авторов Р.М. Шамионова и Т.В. Бесковой. Теоретические выводы сопровождаются данными авторского психологического исследования с опорой на результаты других эмпирических исследований. Полученные результаты демонстрируют, что 84 % общей дисперсии субъективного благополучия курсантов можно объяснить 11 представлениями о военной службе. Установлено, что наиболее значимыми для субъективного благополучия курсантов являются такие представления как: понимание направления развития ВНГ РФ, взгляд на военную службу как источника получения удовлетворения от своей деятельности, мнение о курсантах как более целеустремлённых и дисциплинированных людях, в отличие от их гражданских сверстников, представление о себе в первую очередь как военном человеке, осознание своих внутренних возможностей и потенциала, решительности продолжить военную службу после выпуска из военного института, значимость для личного комфорта, благополучия сослуживцев, принятие ценностей существующих на военной службе. Отрицательную связь с субъективным благополучием имеют представления курсантов о чувстве радости от выполнения служебных обязанностей, удовлетворения от положения дел на службе, учёбе, презентабельном внешнем виде как обязательного атрибута образа военнослужащего.

Ключевые слова: субъективное благополучие, социальные представления, курсант, военная служба, идентичность.

1 Далее – «ВНГ РФ»

Введение

Термин «социальные представления» берёт начало из теоретических работ о «коллективных представлениях» Эмиля Дюркгейма, которые позже были обоснованы в концепции Сержа Московичи и на данный момент являются одним из основных объектов изучения социальной психологией. С. Московичи под социальными представлениями рассматривал инструмент понимания социальной реальности, описывающий множество характеристик человеческого бытия, на основе которого строится взаимодействие с обществом [8]. В научной литературе под социальными представлениями чаще понимают некую совокупность социальных знаний, конструируемых на основе житейского опыта социальных групп и индивида с целью объяснения феноменов социальной действительности [6]. Сложная природа социальных представлений, интеграция во все сферы общественной жизни делает их удобным инструментом для изучения того, как и о чём думают люди по тому или иному поводу.

Переживание субъективного благополучия опосредованно различными социальными категориями (представлениями) субъекта отражающими процесс соотношения внешней реальности с внутренними установками. Роль социальных представлений в достижении субъективного благополучия заключается в процессе присвоения и дальнейшего соотношения с ними качественных показателей своей жизнедеятельности [15].

Ввиду возрастающей динамики социальных отношений на фоне кризисных глобальных процессов, связанных с коронавирусной инфекцией, экономическим спадом, ухудшением экологии, обострением локальных конфликтов, проблематика изучения социальных представлений актуализируется с новой силой, выступая в качестве индикатора общественных изменений.

Учитывая эти процессы исследователи всё чаще прибегают к проблематике социальных представлений в качестве объекта для изучения. В этой связи большой интерес вызывают исследования, посвященные изучению социальных представлений молодого поколения о жизненных перспективах, стратегиях развития и личностного потенциала (А.А. Фролова, 2007, А.К. Прима, 2013;), социальном успехе, профессиональной реализации, руководстве и экономическом благополучии (А.А. Мигель, 2006; А.Р. Тугушева, 2007; Т.М. Узденов, 2010; Е.Ю. Елисеева, 2011; С.Ю. Жданова, 2011; Р.В. Мартышкин, 2013; С.В. Жолудева, 2014; В.В. Котовский, 2015; И.А. Панкратова, 2016), стратегиях поведения в конфликтных ситуациях (И.П. Стрельцова, 2003; М.А. Есипов, 2020), ведении здорового образа жизни (И.Ф. Демидова, 2016).

Существенный пласт исследований посвящён социальным представлениям в области семейных отношений и взаимоотношения полов, раскрывающие романтические отношения (А.В. Погодина, 1993; К.А. Бочавер, 2012; Н.К. Радина, 2016; Я.В. Сунцева, 2021), негативных переживаниях в отношениях (Ю.Н. Мошкина, 2011), конструирования образа будущих супругов (А.В. Бережная, 2007; Д.Ю. Балова, 2009), о стратегиях поведения супругов в браке (И.П. Шкрябко, 2006), воспитания и взаимоотношений с детьми (С.Ю. Девярых, 2006; А.Н. Родионов, 2009; Е.А. Чикалова, 2014).

Отдельные исследования рассматривают социальные представления молодых людей о нравственности и нормах морали (Н.Б. Дрожжина, 2005; Е.А. Булгакова, 2011), вопросах частной жизни и её ценностях (А.М. Шаков, 2009; Н.В. Барадакова, 2017), феноменах свободы (В.И. Атагунов, 2010), справедливости (А.И. Макдональд, 2011), совести (Л.Ш. Мустафина, 2012), ответственности (Г.И. Кашапова, 2013), доверии (М.М. Борисова, 2018), чувстве патриотизма (И.Л. Кишева, 2014).

В контексте нашего исследования особый интерес представляют работы изучающие природу социальных представлений о счастье и благополучии (С.В. Жубаркин, 2006; О.С. Машарская, 2012; И.Г. Кокурина, 2015; Н.Б. Ковалева, 2021).

При обилии указанных выше теоретических и практических исследований, посвящённых проблематике социальных представлений, становится очевидным имеющаяся разреженность научного знания, раскрывающего их роль в субъективном благополучии. Это, в свою очередь, актуализирует проведение дальнейших исследований, расширяющих и уточняющих картину социальных представлений вообще и его роли в субъективном благополучии в частности.

Целью настоящего исследования являлось изучение соотношения представлений о военной службе и субъективного благополучия курсантов ВНГ РФ.

Выборка

В исследовании принимали участие 200 курсантов в возрасте 17-26 лет $M=20,4$, $SD=1,55$ с 1 по 5 курс обучения пропорционально каждому курсу. Мера адекватности выборки составила 0,784, что позволяет проводить интерпретацию полученных данных.

Методика

Эмпирическое исследование предполагало проведение сравнительного анализа отдельных видов представлений о военной службе курсантов с интегральным показателем их субъективного благополучия. Для изучения структуры представлений о военной службе курсан-

тов автором была разработана анкета, включающая 65 утверждений, характеризующих их отношение к военно-профессиональной сфере, уточнённых на стадии пилотажного исследования, в котором приняли участие 50 курсантов. Для оценки уровня субъективного благополучия курсантов был использован опросник отечественных учёных Р.М. Шамянова и Т.В. Бесковой, позволяющий оценить как общий уровень субъективного благополучия так и отдельные его структурные компоненты, такие как: эмоциональное, экзистенциально-деятельностное, эго-благополучие, гедонистическое и социально-нормативное благополучие (Р.М. Шамянов, Т.В. Бескова, 2019).

Логика исследования предполагала проведение факторного анализа представлений курсантов о военной службе, обсуждение их структуры и характера. Далее проводился регрессионный анализ выявленных факторов с интегральным показателем субъективного благополучия. Для статистической обработки полученных данных использовались факторный и регрессионный анализ, реализованные в пакете программ Excel, SPSS-26.

Результаты и обсуждение

Факторный анализ проводился с применением метода максимального правдоподобия. Для анализа значимо-

сти отдельных видов представлений о военной службе для субъективного благополучия курсантов в качестве зависимой переменной в регрессионное уравнение был введен интегральный показатель шкалы субъективного благополучия, а в качестве независимых - отдельные представления курсантов о военной службе.

Проведённый факторный анализ (табл 1) иллюстрирует картину значимости представлений курсантов о военной службе, которые вошли в 5 факторов.

Фактор-1 описывает 19% совокупной дисперсии, объясняющей существующие представления курсантов о военной службе (табл 2). В данный фактор вошли представления, составляющие картину личностного притяжения военной службы курсантами. Утверждения вошедшие в данный фактор иллюстрируют существующие представления курсантов о понимании направления развития ВНГ РФ (43), положительном эмоциональном отношении к будущей карьере (13), предпочтительной идентификации себя прежде всего с военным человеком (47), заинтересованности в своей будущей профессии (34), присутствию чувства удовлетворенности от военной службы (27), мнению о более высокой целеустремлённости и дисциплинированности курсантов в сравнении с их гражданскими сверстниками (18), уверенности в ак-

Таблица 1.

Факторный анализ представлений курсантов о военной службе

№	Повернутая факторная матрица					Общая	
	Представлен	1	2	3	4		5
1.	П-43	0,852					
2.	П-13	0,803					
3.	П-47	0,783					
4.	П-34	0,766					
5.	П-27	0,749					
6.	П-18	0,746					
7.	П-23	0,722					
8.	П-57	0,712					
9.	П-58	0,692					
10.	П-20	0,682					
11.	П-42	0,633					
12.	П-9	0,574					
13.	П-26		0,804				
14.	П-3		0,720				
15.	П-52		0,692				
16.	П-14		0,671				
17.	П-16		0,668				
18.	П-31		0,662				
19.	П-53		0,641				

№	Повернутая факторная матрица					Общая	
	Представлен	1	2	3	4		5
20.	П-17		0,639				
21.	П-45		0,564				
22.	П-60		0,565				
23.	П-64		0,543				
24.	П-2		0,522				
25.	П-11		0,501				
26.	П-36			0,694			
27.	П-38			0,663			
28.	П-51			0,63			
29.	П-48			0,622			
30.	П-33			0,557			
31.	П-24			0,540			
32.	П-1			0,492			
33.	П-46				0,784		
34.	П-59				0,681		
35.	П-54				0,643		
36.	П-40				0,630		
37.	П-15				0,542		
38.	П-62				0,539		
39.	П-5					0,691	
40.	П-61					0,665	
41.	П-35					0,657	
42.	П-25					0,629	
43.	П-8					0,537	
	Дисперсия %	18,935	16,117	9,125	7,340	7,215	58,732

туальности программы обучения в военном институте с учётом современных реалий (23), взгляде на военную службу как собственном призвании (57), удовлетворённости курсантов их финансовым положением (58), презентабельного внешнего вида как обязательного атрибута образа военнослужащего (20), заинтересованности в новостях и событиях происходящих в ВНГ РФ (42), а также удовлетворённости окружающей социальной действительностью (9). Эти представления рисуют картину принятия курсантами атрибутов военной службы как приемлемой социальной действительности способствующей их профессиональному развитию и удовлетворению их насущных потребностей. Такая удовлетворённость выступает регулятором поведения и деятельности курсанта, качественных преобразований его личности, и успешной военно-профессиональной социализации.

Фактор-2 описывает 16% совокупной дисперсии представлений курсантов о военной службе, раскрывающий аспекты социально-военной (групповой) иден-

тичности курсантов. Эти представления демонстрируют отношение курсантов к сослуживцам как к близким людям (26), чувство внутреннего комфорта от нахождения в воинском коллективе (3), удовлетворённость положением дел на службе и в учёбе (52), уверенность в оказании поддержки сослуживцами в любой ситуации (14), удовлетворённость количеством времени отведённого на отдых (16), наличие сильной связи с воинским коллективом (31), спокойствие за своё будущее через 10 лет (53), переживание радости от выполнения служебных обязанностей (17), расчёте прежде всего на собственные силы при движении к главным жизненным целям (45), совпадение ценностей военной службы с личными ценностями (60), единство в отношении к военной службе с другими курсантами (64), взгляд на курсантский период жизни как важный фактор в становлении офицера (2), уверенность в правильности выбранной профессии (11). Эти представления помогают создавать позитивный образ военной службы, способствующий процессам внутригрупповой интеграции на основе которого строится

идентичность воинского коллектива.

Фактор-3 описывает 9% совокупной дисперсии, объединяет представления о военно-профессиональной идентичности курсантов. В него вошли утверждения иллюстрирующие: содействие условий военной службы достижению жизненных целей (36), желание продолжить военную службу после выпуска из военного института (38), уверенность в важности и справедливости деятельности ВНГ РФ (51), чувство большей удовлетворённости жизнью на данный момент, чем пять лет назад (48), гордость за принадлежность к военной службе (33), самоидентификацию прежде всего с профессией военного (24), положительное отношении к ценностям военной службы (1). Представления вошедшие в 3 фактор в основном связаны со служебно-профессиональной сферой и выражают положительное отношение курсантов к своей будущей профессии.

Представления составляющие фактор-4 описывают 7% совокупной дисперсии представлений курсантов о военной службе. В него вошли представления о военной службе как о уважаемой в обществе профессии (46), решительности в желании стать офицером (59), значимости благополучия сослуживцев (54), желании не только брать, но и трудиться на благо государства и ВНГ РФ (40), гордости за принадлежность к военному институту (15), способности управлять своим душевным состоянием (62). Представления данного фактора близки по своему характеру с представлениями фактора №3 и также указывают на существующий у курсантов положительный образ военной службы.

Фактор-5 также описывающий 7% совокупной дисперсии, включает в себя существующие маскулинные образы представлений курсантов о военной службе, ха-

рактеризуя образ военнослужащего как сильной личности, указывая на осознание своего внутреннего потенциала (5), военной службе как деле настоящих мужчин (61), военной службе как школе жизни для мужчины (35), быть в хорошей физической форме как обязанности каждого военнослужащего (25), военнослужащем как профессионале своего дела (8). Представление о военной службе как о школе жизни, в которой реализуется потенциал физического и интеллектуального развития курсантов, также демонстрируют их позитивное отношение к профессии военнослужащего.

Анализ общей совокупности представлений вошедших во все 5 факторов, по своему характеру описывает феномен военно-социальной идентичности курсантов. Аналогичные результаты были получены в ходе изучения базовых оснований, факторов формирования, а также динамики развития военной-социальной идентичности курсантов в военных вузах исследователями Р.М. Шамионовым, П.Д. Никитенко, А.С. Некрасовым, А.В. Созонник [13, 14, 9,10].

Результаты регрессионного анализа (табл №2) демонстрируют, что 84% общей дисперсии субъективного благополучия курсантов можно объяснить 11 представлениями о военной службе.

Наибольшее влияние на субъективное благополучие курсантов оказывает представление о военной службе, объясняющее понимание, в каком направлении развиваются ВНГ РФ (№43). Определённость жизненного пути, осведомлённость о происходящих событиях и понимание вектора развития ФС ВНГ РФ позволяет строить курсантам долгосрочные планы по своему служебно-должностному и профессиональному развитию. В существующей на данный момент неопределённой, а подчас

Таблица 2.

Регрессионный анализ представлений о военной службе как предикторов субъективного благополучия курсантов ВНГ РФ

№	Представления	Бета	t	Значимость
1.	Представление-43	0,991	4,569	0,000
2.	Представление-27	0,709	4,381	0,000
3.	Представление-18	0,642	3,494	0,000
4.	Представление-47	0,497	3,278	0,001
5.	Представление-5	0,440	4,667	0,000
6.	Представление-38	0,411	3,158	0,002
7.	Представление-54	0,329	3,891	0,000
8.	Представление-1	0,327	3,100	0,002
9.	Представление-17	-0,531	-3,620	0,000
10.	Представление-52	-0,514	-3,717	0,000
11.	Представление-20	-0,424	-4,079	0,000

Примечание: R²=0,84; p<0.001 (Зависимая переменная: СубБлагополИнтегр)

и рискогенной политической и социальной обстановки, представления об основном направлении развития ВНГ РФ выступают для курсантов детерминантой социального конструирования образа их будущего сопряженного с деятельностью войск ВНГ РФ. К аналогичным выводам, относительно студентов уральских вузов, в своём исследовании приходит Ю.Р. Вишневский, подчеркивая важность темпоральных установок молодёжи для конструирования образа их будущего [2].

Следующим по значимости оказалось получение внутреннего удовлетворения от военной службы (№27) такая связь предстаёт очевидной, так как, по сути, чувство удовлетворённости является основой для формирования субъективного благополучия. Значимость этого представления подтверждается результатами исследования А.А. Шадрина посвящённого социально-психологическим факторам субъективного благополучия курсантов, в котором получена значимая связь субъективного благополучия с такими ценностями как: «удовлетворённость повседневной деятельностью», «активная, деятельная жизнь» и «наличие интересной работы» [12].

Представление о курсантах как более целеустремлённых и дисциплинированных, чем их сверстники на гражданке (№18) способствует повышению их самооценки и групповой идентичности с воинским коллективом, позволяя чувствовать себя более комфортно. Так, А.И. Сорокин в исследовании посвященном динамике изменения идентичности курсантов в процессе военно-профессиональной социализации, приходит к выводу о прекращении динамики развития гражданской идентичности, в пользу возникновения устойчивой военно-профессиональной идентичности [11].

Представление о себе прежде всего как о человеке военном (№47) иллюстрирует имеющийся в сознании курсантов образ идеального военного, подчеркивая их значимую социальную роль и особый статус в обществе. Идентификация себя с большой социальной группой военнослужащих, способствует формированию групповой идентичности, оказывая положительное воздействие на субъективное благополучие. Представления курсантов о «человеке военном» строятся на основе переплетения лингвистических характеристик информационно-содержательного, эмоционально-оценочного и культурного опыта курсантов. Так, отечественный автор А.В. Кукс в своём исследовании посвященном стереотипным образам военного в русском непрофессиональном языковом сознании делает вывод о исключительно позитивной оценке образа военного в обществе. В этот положительный образ входят в первую очередь высокие моральные качества военнослужащего, такие как доблесть, смелость, героизм и отвага [7].

Понимание своего внутреннего потенциала и возможностей (№5) даёт возможность курсантам ориентироваться на долгосрочные перспективы, как на возможность реализовать свой внутренний потенциал, что сулит им достижение благосостояния, а также позволяя эффективнее справляться с тяготами и лишениями службы в процессе обучения в военном институте. По мнению Э.В. Галажинского осознание своего внутреннего потенциала и интеллектуальных ресурсов, способствует повешению собственной самооценки [3].

Уверенность в желании продолжить военную службу после выпуска из военного института (№38) выражает текущее намерение курсантов, обусловленное удовлетворённостью текущими условиями службы, осознанным выборе профессии военного, позитивно влияющим на их субъективное благополучие. В случае правильной организации военно-педагогического процесса, наблюдается рост мотивации курсантов к продолжению военной службы после окончания военного института. Такие выводы находят подтверждение в исследовании В.А. Золотовской, в котором получены результаты указывающие на динамику улучшения отношения к службе 58,5% курсантов в период прохождения обучения в вузе [5].

Благополучие сослуживцев как фактор, повышающий субъективное благополучие курсантов (№54) также можно объяснить идентичностью с воинским коллективом, когда благополучие сослуживцев - это часть собственного благополучия. Потребность в доверительных межличностных отношениях, групповая сплочённость, общий быт сближают курсантов до уровня семейных отношений. Так, в исследовании А.В. Еганова получены данные о положительном влиянии на интегральный показатель психологической атмосферы в коллективе, таких ценностей как: сотрудничество, сплоченность, чувство коллективизма, общительность, взаимная поддержка, дружелюбие и теплота, честность, доброта, отношение друзей, сокурсников [4].

Важность ценностей военной службы для субъективного благополучия курсантов (№1) говорит о схожести ценностных ориентаций курсантов, позволяющих им гармонично реализовываться в военно-профессиональной среде не вызывая чувство внутреннего дискомфорта. Б.Г. Ананьев рассматривал ценностные ориентации как высшие формы мотивации личности, позволяющие ей преодолевать значительные трудности [1].

Отрицательную связь с субъективным благополучием имеют: радость от выполнения служебных обязанностей (№17) удовлетворённость положением дел на службе, учёбе (№52) а также важность презентабельного внешнего вида для военнослужащего (№20).

Наличие отрицательной связи требует проведения

дополнительного уточняющего исследования с целью вскрытия механизма и факторов, оказывающих влияние на формирование субъективного благополучия курсантов. Предположительно такой результат может быть связан с существующими на военной службе нормативными требованиями, регламентирующими повседневную деятельность курсантов. Так, выполнение служебных обязанностей требует значительной концентрации волевых усилий, оказывая существенную физическую и моральную нагрузку на курсантов. Факторы значительно ограничивающие свободу, сокращающие количество свободного времени курсантов, которое они могли провести, удовлетворяя собственные потребности, оказывают отрицательное воздействие на текущий уровень субъективного благополучия курсантов.

Заключение

Изучение предикции субъективного благополучия имеющимися представлениями о военной службе позволит существенно расширить картину факторов, оказывающих влияние на субъективное благополучие курсантов ВНГ РФ. Данные, полученные в ходе исследования, позволяют уточнить сферу социальных представлений, оказывающих влияние на субъективное благополучия курсантов. Это может стать основанием для разработки специальных социально-психологических программ сопровождения военнослужащих в процессе военно-профессиональной социализации с целью минимизации факторов, оказывающих отрицательное

воздействие на морально-психологическое состояние. По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Субъективное благополучие курсантов можно, в частности, прогнозировать такими представлениями о военной службе, которые иллюстрируют картину военно-профессиональной идентичности; понимания направления развития ВНГ РФ; удовлетворенности военной службой; положительной оценки курсантского коллектива в отличии от их гражданских сверстников; гордости за принадлежность к военной службе; осознания своих внутренних возможностей и потенциала; желания продолжать военную службу после выпуска из военного института; значимости для личного комфорта, благополучия сослуживцев; соответствии ценностей, существующих на военной службе, ценностям курсантов.
2. Субъективное неблагополучие можно прогнозировать такими представлениями о военной службе, которые выражают чувство радости от выполнения служебных обязанностей; удовлетворения от положения дел на службе; презентабельном внешнем виде как обязательном атрибуте образа военнослужащего. Такие представления о военной службе иллюстрируют имеющиеся нормативные требования, регламентирующие повседневную деятельность курсантов, ограничивая удовлетворение их индивидуальных потребностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев, Б.Г. О психологических эффектах социализации [Текст] // Человек и общество / Под общ. ред. Б.Г. Ананьева и Л.И. Спиридонова. — Л., 1971. — Вып. IX.
2. Вишневецкий, Ю.Р. Образ будущего глазами уральских студентов / Ю.Р. Вишневецкий, А.Н. Тарасова, Д.Ф. Телпаева // Siberian Socium. — 2021. — Т. 5. — № 3(17). — С. 84-98. — DOI 10.21684/2587-8484-2021-5-3-84-98.
3. Галажинский Э.В. Связь субъективного качества жизни с представлениями о счастье (ценностной обусловленностью счастья, интенсивностью мотивации счастья и ответственностью за собственное счастье) у студенческой молодежи / Э.В. Галажинский, Т.Г. Бохан, А.Л. Ульянич [и др.] // Science for Education Today. — 2019. — Т. 9. — № 6. — С. 19-38. — DOI 10.15293/2658-6762.1906.02.
4. Еганов, А.В. Современные проблемы формирования социально-психологической атмосферы, обусловленной личностными ценностями курсантов, обучающихся в военных образовательных учреждениях / А.В. Еганов // Современные проблемы науки и образования. — 2022. — № 5. — С. 37. — DOI 10.17513/spno.32076.
5. Золотовская, Л.А. Исследование мотивации к военной службе у курсантов Военно-технического университета / Л.А. Золотовская // Гуманитарный вестник. — 2014. — № 2(29). — С. 176-181.
6. Жодле, Д. Социальное представление: феномены, концепт и теория / Д. Жодле // Социальная психология; под ред. С. Московичи. — М.; СПб.: Питер, 2007. — С. 372–394.
7. Кукс, А.В. Стереотипный образ военного в русском непрофессиональном языковом сознании (на материале ассоциативного эксперимента) / А.В. Кукс, И.С. Прокудина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2022. — Т. 15. — № 3. — С. 787-794. — DOI 10.30853/phil20220134.
8. Московичи, С. От коллективных представлений — к социальным / С. Московичи // Вопросы социологии. — 1992. — № 2. — С. 83–95.
9. Некрасов А.С. Развитие профессиональной идентичности личности курсанта военного училища: дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2005. 158 с.
10. Созонник А.В. Формирование профессиональной идентичности личности курсанта на разных этапах профессиональной социализации // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2016. № 1 (64). С. 12–17.
11. Сорокин, А.И. Динамика выраженности категорий идентичности курсантов военного вуза в процессе социализации / А.И. Сорокин // Мир образования -

- образование в мире. – 2018. – № 2(70). – С. 185-191.
12. Шадрин, А.А. Социально-психологические факторы субъективного благополучия курсантов : специальность 19.00.05 «Социальная психология» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Шадрин Алексей Александрович. – Саратов, 2015. – 22 с.
13. Шамионов Р.М., Никитенко П.Д. Соотношение идентичности и представлений о мире в процессе профессиональной социализации курсантов военного вуза // Учен. зап. пед. ин-та СГУ им. Н.Г. Чернышевского. Сер. Психология. Педагогика. 2008. № 3–4. С. 48–54.
14. Шамионов, Р.М. Роль военной идентичности, ценностей и удовлетворенности службой в формировании ответственности курсантов / Р.М. Шамионов, А. И. Сорокин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. – 2020. – Т. 9. – № 1(33). – С. 25-32. – DOI 10.18500/2304-9790-2020-9-1-25-32.
15. Шамионов Р.М. Субъективное благополучие личности: психологическая картина и факторы. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2008. 240 с.

© Ворожейкин Сергей Андреевич (vorozhoff@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Саратовский военный ордена Жукова Краснознамённый институт войск национальной гвардии Российской Федерации

АКМЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. ВЗАИМОСВЯЗЬ И ВЗАИМОВЛИЯНИЕ УРОВНЯ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА И ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ МЕДРАБОТНИКА В ДЕЯТЕЛЬНОСТНОМ И ПРАВОВОМ ПОЛЕ

Григорьян Марина Робертовна

Аспирант, Академия народного хозяйства и государственной службы
(Академия при Президенте Российской Федерации, РАНХуГС)
marinapobeda@bk.ru

ACMEOLOGICAL ASPECTS
OF MEDICAL ACTIVITY. INTERRELATION
AND INTERACTION OF THE LEVEL
OF PROFESSIONALISM AND PERSONAL
CHARACTERISTICS OF A HEALTH WORKER
IN THE ACTIVITY AND LEGAL FIELD

M. Grigoryan

Summary: The article studies the problem of the acmeological content of medical activity. The essence of acmeology, the content of «acme» as the pinnacle of professionalism of a medical worker are analyzed. The stages of development of professionalism are revealed and described. The interrelation of the level of professionalism and personal characteristics of a medical worker is specified. Conclusions are drawn about the importance of the formation of a balanced, creative type of professional identification of a medical worker as an indicator of the achievement of «acme» in the activity and legal field of a specialist.

Keywords: acmeology, acme, professionalism, professional identification, maturity, medical worker.

Аннотация: В статье изучается проблема акмеологического содержания медицинской деятельности. Проанализирована суть акмеологии, содержание «акме» как вершины профессионализма медработника. Выявлены и описаны этапы развития профессионализма. Конкретизирована взаимосвязь уровня профессионализма и личностных особенностей медработника. Сделаны выводы о значимости формирования сбалансированного, творческого типа профессиональной идентификации медработника как показателя достижения «акме» в деятельностном и правовом поле специалиста.

Ключевые слова: акмеология, акме, профессионализм, профессиональная идентификация, зрелость, медицинский работник.

В настоящее время в центре изучения акмеологической науки находится «целостный субъект индивидуального или группового характера» [5, с.7], который включен во множество социальных, профессиональных, межличностных отношений и связей.

В связи с социальной значимостью профессии медицинского работника, особой ответственностью данной деятельности, усиливается значение уровня личностной и профессиональной зрелости врачей как проявления оптимальной идентификации в роли специалиста помогающей профессии. Актуальность изучения акмеологических аспектов медицинской деятельности обусловлена значимостью социальных ориентиров, указывающих на необходимость поиска «гуманного ответа» на вызовы техногенного мира в виде оптимальной самореализации в профессии врача, гармоничного развития его компетенций и обеспечения творческой реализации в профессиональном и личностном контексте. Не менее важным в профессии медика является его самореализация в контексте соответствия профессиональных компетенций и творческих обновлений правовым нормам и

требованиям законодательства к должностным обязанностям.

Цель исследования: изучить суть и значение акмеологических аспектов деятельности медицинского работника.

Задачи:

- конкретизировать сущность понятия «акме» в структуре научной дисциплины «акмеология»;
- рассмотреть особенности взаимосвязи профессионализма и личностных качеств личности в достижении акме медицинских работников;
- выявить проявления профессионально-личностного потенциала в рамках деятельностного и правового поля деятельности медицинских работников.

Мы проанализировали суть акмеологии как отрасли научного исследования в трудах отечественных ученых, собрав их в виде таблицы (таблица 1).

Целью развития человека, с точки зрения акмеоло-

гии, является достижение «акме» как системы смысло-жизненных вершин (духовных, профессиональных и т.д.), которые «могут восприниматься как самореализация и воплощенная уникальность человека»[5,с.9].

Таблица 1.
Анализ подходов к описанию сути «акмеологии»

Автор концепции	Сущность акмеологии
А.А. Деркач, В.Г. Зазыкин	Предмет акмеологии – «процессы и механизмы, закономерности, содействующие прогрессу зрелого человека, в том числе достижению им высокого уровня личностно-профессионального развития» [2,с.11].
Н.В. Кузьмина	Акмеология изучает закономерности и корреляции между уровнем профессионализма и продуктивностью деятельности [6].
М.М. Кашапов	Акмеология исследует «совокупность закономерностей и фактов, механизмов развития человека на этапе зрелости, в том числе в рамках становления профессионального самосознания, личностного совершенствования и реализации творческого потенциала»[5,с.9].

«Акме» – это вершина зрелости, указывающая, по мнению А.А. Деркача, насколько «человек состоялся как целостность»[1,с.19]. По мнению ученого, объектом изучения научной дисциплины «акмеология» является «прогрессивно развивающаяся личность», самореализация которой, в большей мере, определяется посредством профессиональных успехов.

В связи с этим считаем важным ответить на вопрос, составляющий суть изучаемой нами проблемы: каковы акмеологические условия деятельности медицинского работника, которые будут содействовать наступлению зрелости личностно-профессиональной деятельности, как «многомерного состояния человека, демонстрирующего степень его развития как гражданина и профессионала»? Ответ на этот вопрос позволит сформулировать наиболее оптимальные пути достижения «профессионального ма-

стерства на основе реализации творческого потенциала личности»[5,с.12], а также на основе интеграции процессов профессионального и личностного развития.

Мы изучили подходы к решению данного вопроса в ряде акмеологических исследований (А.А. Деркач, В.Г. Зазыкин, Е.А. Смирнов и другие) и сформулировали совокупность необходимых шагов в достижении максимальной творческой реализации в профессии врача. (Рисунок 1)

Мы считаем, что достижение «акме» в профессии врача возможно лишь в процессе комплексного развития ценностных основ его деятельности (в том числе усвоения им правовых оснований профессионального долга, этических ориентиров и т.д.), построение адекватной стратегии личностно-профессиональной самореализации, а также оптимальной модели идентификации с учетом акмеологических ориентиров гуманного, гармоничного служения в контексте помогающей профессии. Следует отметить, что приобретение качеств индивидуальной зрелости в профессиональном и личностном развитии возможно только на основе сформированных принципов саморегуляции, самоорганизации, самодисциплины, а также с высоким уровнем социальной ответственности за процесс и результат работы. Все эти качественные показатели деятельности взаимосвязаны с уровнем профессиональной идентификации в профессии медицинского работника, и, значит, взаимосвязаны с уровнем развития сознания данного конкретно взятого субъекта деятельности. Взаимосвязь и взаимовлияние уровня профессионализма и личностных особенностей медработника показывает себя в деятельностном и правовом поле, проявлением чего и будет являться специфика профессиональной идентификации с ее внутренними (этическими) и внешними (поведенческими) критериями, соответствие внутренних качеств личности врача требованиям должностных инструкций, регулирующих его деятельность и обозначающих меру его ответственности.

Для понимания взаимосвязи и взаимовлияния дан-

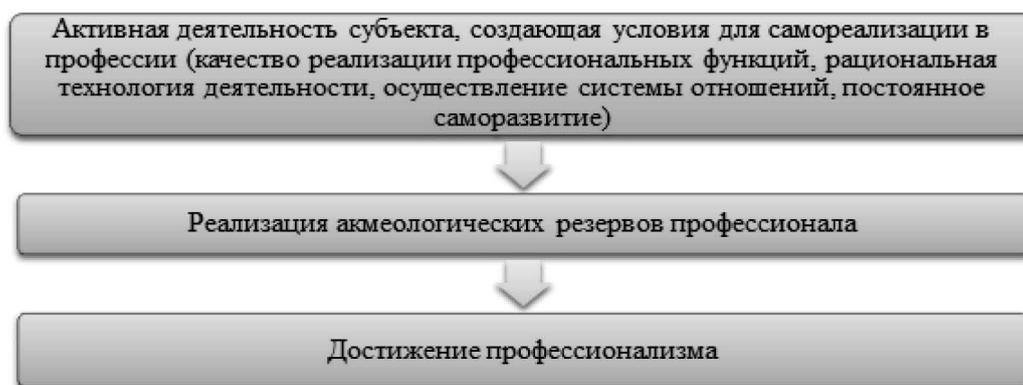

Рис. 1. Этапы развития профессионализма [1, 4]

Рис. 2. Подходы к рассмотрению профессионализма

ных феноменов рассмотрим суть профессионализма (рисунок 2).

В исследовании Е.Н. Макаровой подчеркивается, что исследуя качества «профессионала», необходимо уделить внимание оценке «качественного уровня осуществления трудовой деятельности, а также наличию в структуре личностных свойств – профессионально важных качеств (ПВК)» [7]. То есть профессионализм невозможен без достаточного развития данных измеряемых компонентов. Также отметим, что в определении профессионала, данного В.Г. Зазыкиным, присутствует указание на наличие в структуре его индивидуальности «динамически развивающейся системы личностной и деятельностной нормативной регуляции»[4,с.237], а также стремления к профессиональному акме.

Личностные особенности человека будут влиять на продолжительность процесса профессионализации, достижения этапов суперпрофессионала (соотносится с акме), а также на качество выполнения деятельности с учетом этических, правовых и ценностных ориентиров врачебной деятельности. Реализуясь в определенном деятельностном и правовом поле оказания медицинских услуг, профессионально-личностные качества (в т.ч. возможности и способности) определяют степень соответствия содержания и технологии работы не только законам, обязательствам, но и внутренним ценностным ориентирам. Мы разделяем мнение Н.П. Шевченко, согласно которому в медицинской деятельности, «дело жизни» врача- это, прежде всего, ценностно-ориентированная деятельность»[10,с.2], поэтому смысло-жизненные ориентации как проявления личностной направленности связаны с реализацией профессиональной функции. Личностная вовлеченность представителя медицинской профессии является одним из ключевых условий достижения им высот профессионального мастерства.

Таким образом, раскрытие его творческого потен-

циала через такую вовлеченность, демонстрирует взаимосвязь и взаимовлияние профессионализма и личностных особенностей врача. В большей степени они будут проявляться в таком акмеологическом аспекте, как уровень профессиональной идентификации (ПИ). В исследованиях Д.Н. Завалишиной [3] данные уровни соотносятся типами ПИ, характеристика которых представлена в таблице 2.

Данный подход к объяснению взаимосвязи и взаимовлияния уровня профессионализма и личностных качеств медицинского работника подтверждается и в научных разработках А.К. Марковой, посвященных обоснованию стадий развития профессионализма[7].

Данные стадии, отражающие суть профессионализма как некоего процесса, также имеют личностные и деятельностные измерения и указывают на степень профессиональной идентификации специалиста.

Так, допрофессиональная стадия может иметь проявления поверхностного уровня профессиональной идентификации медицинского работника. На стадии профессионала могут преобладать узкие профессиональные интересы и направленность на труд, в ущерб личностному и творческому развитию.

Фаза суперпрофессионала соответствует творческому типу профессиональной идентификации, при котором медработник достигает акме, полностью олицетворяя «действующий образ себя» с акмеологическим содержанием профессиональной зрелости, действуя в соответствии с законами права и совести, четко идентифицируя понятия «профессиональный долг» и «честь» служения людям. На стадии послепрофессионализма специалист сохраняет духовно-нравственные установки, реализуя свой профессиональный и личностный потенциал как духовный и профессионально ориентированный наставник и эксперт в оказании медико-социальных услуг. Наиболее критичным является «застывание» личности на стадии

«допрофессионала», на которой ярко выражен зауженно-специализированный тип профессиональной идентификации с искажением показателей личностного развития.

Если в контексте профессионализации создаются необходимые и достаточные условия для развития личностной и профессиональной зрелости, то происходит последовательное, прогрессивное движение от допрофессиональной к послепрофессиональной стадии. При этом, по авторитетному мнению А.К. Марковой, между этапами профессионализации и личностным развитием существует выраженная взаимосвязь. Аналогичную позицию высказывают и другие эксперты акмеологии (В.Г. Зазыкин, А.А. Деркач, М.М. Кашапов и т.д.), говоря об единстве «профессионализма личности и профессионализма деятельности» [1, 2, 5].

На рисунке показана данная взаимосвязь.

Мы, вслед за Э.В. Патраковым, считаем, достижение «акме» в профессии медицинских работников становится возможным с позиции «ценностного отношения к профессиональному росту и высокой активности профессиональных достижений»[9,с.297].

Акмеологический потенциал как достижение вершин личностно-профессионального мастерства специалиста медицинского профиля раскрывается через определенные «объективные метки» зрелости. К основным из них ученые относят такие, как:

- нравственные характеристики медицинского работника как фундаментальная основа его деятельности, связанная с пониманием законодательной базы (прав и обязанностей врача и пациентов)

Таблица 2.

Характеристика типов профессиональной идентификации (ПИ)

Тип ПИ	Основные характеристики	Направленность и ценностные ориентиры
Поверхностная идентификация (фактор профессиональной и личностной стагнации, регресса).	Неполное представление о профессии. Идентификация с низшими атрибутами профессии. Выражены эгоистические тенденции и устремления.	Отсутствие ценностно-смысловых основ труда. Преобладает мотивация «обладания». Нарушение нравственных правил и этических законов (в т.ч. нарушения норм закона) при достижении личных целей, извлечения личной выгоды.
Зауженно-специализированный тип ПИ	Богатый «знаниевый» багаж профессионала. Высокая эффективность труда при низком развитии творческого потенциала.	Отсутствие широты мировоззрения, ущемление личной самореализации, создает рамку восприятия личностно-профессиональных качеств. Смысл жизни упрощенный, может стать причиной недостаточной духовности и гуманности в выполнении долга служения людям.
Творческий тип ПИ (сбалансированный)	Специалист, достигший «акме». Наличие соответствующих смысло-жизненных ориентаций, профессионализма, компетентности	Доминирует ценность «служения» на основе полного принятия и следования моральным принципам профессии врача. Деятельность в полной мере регламентируется законом и этическими ценностями специалиста помогающей профессии.

Рис. 3. Взаимосвязь профессионализма личности и профессионализма деятельности

профессии, регламентации своих действий в соответствии с главными этическими нормативами, изложенными в законах, постановлениях и уставах, а также кодексе российского врача;

- творческие возможности, проявляющие себя в продуктивном выполнении профессиональных обязанностей и личностном саморазвитии;
- сформированность качеств организованности, профессионализма и образованности.

Подводя итоги исследования, отметим, что акмеологические аспекты деятельности медицинского работника касаются развития уровня профессиональной идентичности специалиста помогающей профессии, что подразумевает достижение осознанного, ценностно-ориентированного отношения к процессу и результатам

своей работы, пониманию социальной ответственности и соблюдения правовых и морально-этических нормативов для обеспечения всех условий творческой самореализации.

Профессионализм и сформированность определенных личностных качеств (ценностно-мотивационная направленность на «служение», способность к самоорганизации и самодисциплине, креативность и другие ПВК) медицинского работника находятся в тесной взаимосвязи, составляя фундамент профессиональной идентичности и понимания предназначения (акме) и миссии медицинской профессии. Это, в свою очередь формирует целостную стратегию деятельности и планирования личного и профессионального будущего врача.

ЛИТЕРАТУРА

1. Деркач А.А. Современные задачи акмеологии как метанауки и метапрактики // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2003. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-zadachi-akmeologii-kak-metanauki-i-metapraktiki> (дата обращения: 14.12.2022).
2. Деркач А.А., Зазыкин В.Г. Акмеология: учеб. пособие. — СПб.: ПИТЕР, 2003. — 256 с.
3. Завалишина Д.Н. Методологический аспект смысловой ценности профессионального труда / Д.Н. Завалишина. <http://akme31.narod.ru/24.html> (дата обращения 22.04.2010).
4. Зазыкин В.Г., Смирнов Е.А. Введение в акмеологию. — Иваново: Ивановский филиал РАНХиГС; ОАО «Иваново», 2013. — 256 с.
5. Кашапов М.М. Акмеология: учебное пособие для вузов / М.М. Кашапов. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2022. — 106 с.
6. Кузьмина Н.В., Паутова Л.Е., Жаринова Е.Н. Акмеологические основы формирования профессиональной компетентности преподавателя // Изв. Саратовского государственного университета. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2020. №1 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/akmeologicheskie-osnovy-formirovaniya-professionalnoy-kompetentnosti-prepodavatelya> (дата обращения: 15.12.2022).
7. Макарова Е.Н. Проблема профессионализма в психолого-акмеологических исследованиях // Экономика образования. 2015. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-professionalizma-v-psihologo-akmeologicheskikh-issledovaniyah> (дата обращения: 14.12.2022).
8. Маркова А.К. Психология профессионализма / А. К. Маркова. — Москва: Международный гуманитарный фонд «Знание», 1996. — 312 с.
9. Патраков Э.В. Мотивация представителей помогающих профессий на основе акмеологического подхода // АНИ: педагогика и психология. 2016. №3 (16). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-predstaviteley-pomogayuschih-professiy-na-osnove-akmeologicheskogo-podhoda> (дата обращения: 14.12.2022).
10. Шевченко Н.П. Акмеологический компонент деятельности врача // Journal of Siberian Medical Sciences. 2010. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/akmeologicheskii-komponent-deyatelnosti-vracha> (дата обращения: 14.12.2022).

© Григорьян Марина Робертовна (marinapobeda@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИССЛЕДОВАНИЕ ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ СТУДЕНТОВ С НАРУШЕНИЯМИ ДВИГАТЕЛЬНОЙ СФЕРЫ ВРОЖДЕННОГО И ПРИОБРЕТЕННОГО ГЕНЕЗА В ПРОЦЕССЕ ИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

RESEARCH OF PERSONAL CHARACTERISTICS OF STUDENTS WITH DISTURBANCES OF THE MOTOR SPHERE OF THE CONGENITAL AND ACQUIRED GENESIS IN THE PROCESS OF THEM PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION

**G. Kolesnikova
E. Tkach**

Summary: The article deals with the problem of the need for a comprehensive study and consideration of the personal characteristics of students with motor disorders of congenital and acquired genesis in the course of choosing and building an optimal professional trajectory. The procedure for studying the personal characteristics of students with movement disorders and health standards is described, the characteristics of the groups are presented. The compiled characteristics qualitatively reflect the most striking manifestations of the personality characteristics of students with motor disorders of various origins, which must be taken into account when building professional educational trajectories for these categories of students.

Keywords: students, personal characteristics, disability, professional self-determination, professional educational trajectory, congenital and acquired motor disorders.

Колесникова Галина Юрьевна

кандидат психологических наук, Тихоокеанский
государственный университет, г. Хабаровск
sg2729@yandex.ru

Ткач Елена Николаевна

кандидат психологических наук, доцент, Тихоокеанский
государственный университет, г. Хабаровск
elenat3004@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема необходимости комплексного изучения и учета личностных особенностей студентов с нарушениями двигательной сферы врожденного и приобретенного генеза в ходе выбора и построения оптимальной профессиональной траектории. Описана процедура изучения личностных особенностей студентов с двигательными нарушениями и нормой здоровья, представлены характеристики групп. Составленные характеристики качественно отражают наиболее яркие проявления особенностей личности студентов с нарушениями двигательной сферы различного генеза, которые необходимо учитывать при построении профессиональных образовательных траекторий этих категорий обучающихся.

Ключевые слова: студенты, личностные особенности, инвалидность, профессиональное самоопределение, профессиональная образовательная траектория, нарушения двигательной сферы врожденного и приобретенного генеза.

Актуальная задача реализации эффективного включения лиц с особенностями развития в образовательную, а далее – в профессиональную среду, подразумевает выбор и построение актуальной профессиональной траектории обучения. Под профессиональной траекторией лиц с ограниченными возможностями здоровья (далее – ОВЗ) и инвалидностью понимается процесс профессионального самоопределения с учетом психофизиологических особенностей, самореализации профессионально-ориентированного потенциала личности в инклюзивном образовательном пространстве, обеспечивающем социально-психологическую поддержку и сопровождение обучающихся. Профессиональная образовательная траектория – механизм включения в образовательный процесс и, в перспективе, – в профессиональную деятельность. В этом смысле профессиональная образовательная траектория выполняет функцию «социального лифта» [8,

С. 44]. Основу профессионального самоопределения составляет профессиональная мотивация, которая формируется в результате грамотного социально-психологического сопровождения образовательного процесса и зависит как от особенностей личности, так и от образовательной среды вуза. Социально-психологическую поддержку студентам с ОВЗ и инвалидностью важно оказывать как на этапах реализации профессиональной траектории в период обучения в вузе, так и на этапе поствузовского сопровождения в момент адаптации к профессии на рабочем месте [8].

Одной из наиболее уязвимых категорий обучающихся с инвалидностью, но при этом достаточно широко представленной в среде современного вуза, является группа студентов с нарушениями двигательной сферы врожденного и приобретенного генеза. Ключевым компонентом построения профессиональной траектории

данной категории обучающихся в вузе является создание комфортной и безопасной образовательной среды, выстроенной с учетом знаний о нозологии их заболеваний, социально-профессиональной направленности, личностных особенностях каждого обучающегося.

Концептуальные основы интересующей нас проблемы отражены в работах Б.Б. Айсмонтаса, Е.Г. Алексеенковой, Т.А. Басиловой, Э.С. Калижнюк, В.В. Лебединского, В.И. Лубовского, И.Ю. Левченко, И.И. Мамайчук, Е.М. Мастюковой, Е.Т. Соколовой, С.В. Чебарыковой и др. Исследователи подчеркивают идею о том, что врожденные или приобретенные дефекты, воспринимаемые окружающими и самим их носителем как стигмы, накладывают отпечаток на процесс становления личности и требуют усилий, направленных на продуктивное совладание с ними [1, 3, 7, 12, 13, 14, 15 и др.].

В процессе развития личности индивидуальные, телесные особенности человека действуют не сами по себе, а будучи включенными в состав возникающих в процессе развития психологических новообразований [1, 4, 11, 12]. Особенности телосложения сами по себе не детерминируют развитие личности, но становятся своеобразными «знаками», которые являются значимыми обстоятельствами формирования индивидуальности, «средствами», которыми личность пользуется для обретения определенной жизненной позиции как устойчивой психологической конструкции. В одних случаях дефекты телосложения становятся средством оправдания исключительного положения личности в обществе, в других – через оценку окружающих приводят к выпадению личности из системы межличностных отношений и расстройству самосознания. В некоторых случаях даже грубые телесные нарушения преодолеваются лицами с инвалидностью, живущими ради других людей и сумевшими утвердить власть индивидуальности над индивидуальными характеристиками. Они являются «безличными» предпосылками развития личности, которые в процессе жизненного пути могут стать «знаками», «средствами», и привести к формированию тех или иных проявлений индивидуальности человека [2, С. 485-487].

Анализ современных научных и практико-ориентированных исследований показывает, что формирование личности в условиях дизонтогенеза строится на основе различных переживаний, связанных с индивидуальными физическими и социальными качествами, определяющими мотивацию саморазвития, способствующих или препятствующих благоприятной социально-психологической адаптации.

Опыт профессионального взаимодействия авторов статьи со студентами, имеющими двигательную патологию различного генеза, позволяет судить о наличии у них специфических личностных качеств, определя-

ющих их самоощущение и мироощущение, процессы социализации и адаптации. Необходимость сведений о личностных особенностях студентов с двигательной патологией различного генеза для преподавателей, работников сферы медико-социального и психолого-педагогического сопровождения в вузе, с одной стороны, и недостаточное количество исследований, отражающих специфику личностных особенностей обучающихся с инвалидностью, имеющих двигательную патологию, при построении эффективных индивидуальных образовательных траекторий в процессе профессионального самоопределения, с другой стороны, определила идею проведенного исследования.

Исследование личностных особенностей студентов с нарушениями двигательной сферы различного генеза осуществлялось на базе краевого государственного бюджетного учреждения «Хабаровский социально-оздоровительный центр инвалидов Хабаровского края». В центре регулярно проходят лечение, реабилитацию студенты ведущих вузов г. Хабаровска: Тихоокеанского государственного университета, Дальневосточного государственного университета путей сообщения, Дальневосточного государственного медицинского университета. Эти студенты приняли участие в эмпирическом исследовании.

В ходе планирования исследования мы опирались на ключевые позиции современной специальной психологии:

- дефекты опорно-двигательного аппарата оказывают существенное влияние на становление и развитие человека;
- нарушения двигательной сферы врожденного или приобретенного генеза имеют решающее значение в формировании личностных особенностей человека.

Гипотезой исследования выступило предположение, что студенты с двигательными нарушениями врожденного и приобретенного характера имеют личностные особенности как внутри нозологической группы, так и в сравнении со здоровыми сверстниками. Мы предположили, что яркие различия будут проявляться в таких параметрах, как: индивидуальные качества (профиль личности), самоотношение, ценностные ориентации, коммуникативные свойства личности.

Для реализации запланированного эмпирического исследования нами были сформированы 3 группы испытуемых: 1 группа – студенты с нарушениями двигательной сферы врожденного генеза, 2 группа – студенты с нарушениями двигательной сферы приобретенного генеза. С целью подтверждения репрезентативности групп испытуемых был использован клинико-биографический метод исследования – осуществлен анализ биографических сведений (данные о возрасте, характере и времени

возникновения двигательного дефекта, семейное положение, социально-культурный уровень, вовлеченность в трудовую и общественную деятельность и пр.).

В состав 1 группы вошли лица с заболеванием центральной нервной системы (детский церебральный паралич, преимущественно гемипаретическая, диплегическая, спастико-гиперкинетическая формы). Испытуемые 2 группы – это студенты с травматическими повреждениями головы, позвоночника, нижних и верхних конечностей, дегенеративными изменениями опорно-двигательного аппарата (грыжа межпозвоночного диска, артрозы суставов, стенозы позвоночника и пр.).

3 группу (группу сравнения) составили студенты без нарушений двигательной сферы.

Все группы участников эмпирического исследования были уравниены по количеству (20 человек), возрасту (19-25 лет), социальной ситуации развития.

Диагностический инструментарий исследования был отобран в соответствии с необходимостью изучения основных психологических компонентов (индивидуальные качества (профиль личности), самоотношение, ценностные ориентации, коммуникативные свойства), раскрывающих личностные особенности обучающихся с нарушениями двигательной сферы различного генеза. Анализируемые в исследовании параметры, соответствующие им методики и оценочные шкалы приведены в таблице 1.

С целью подтверждения выявленных различий были использованы методы статистической обработки (корреляционно-регрессивный анализ, кластерный анализ, анализ проверки гипотез) полученного массива данных.

Анализ полученных данных позволил выявить существенные различия между участниками эмпирического исследования. Личностные характеристики испытуемых

представлены в таблицах 2, 3, 4.

Анализ результатов исследования позволил констатировать, что значимые различия между участниками эмпирического исследования получены по всем изучаемым психологическим компонентам: индивидуальные качества (профиль личности с позиции объективного и субъективного оценивания), самоотношение, ценностные ориентации, коммуникативные свойства личности. Студенты с нарушениями двигательной сферы различного генеза демонстрируют существенные отличия между собой и качественное своеобразие по отношению к здоровым сверстникам.

Таким образом, проведенное нами исследование дало основание сделать следующие выводы:

1. Личность студентов с нормой здоровья характеризует эмоциональная устойчивость, уверенность, самостоятельность, позитивное самоотношение, адекватные представления о жизненных перспективах, предприимчивость в реализации поставленных целей. При высокой значимости социальных контактов они стремятся к объединению в группы по интересам, к формированию временных отношений при наличии взаимовыгоды. Данная группа студентов не испытывает сложности в социально-психологической включенности в образовательную среду вуза, не нуждается в специально организованном психолого-педагогическом сопровождении при получении высшего профессионального образования.
2. Личность студентов с нарушениями двигательной сферы врожденного генеза характеризует эмоциональная неустойчивость, несамостоятельность, неуверенность в себе, неадекватность самоотношения, обесценивание достижений здоровых людей, преувеличение надежд и наслаждение фантазиями относительно своего будущего. Выраженная избирательность в социальных контактах

Таблица 1.

Характеристика диагностического инструментария исследования

Психологические компоненты	Используемая методика	Изучаемые параметры
Индивидуальные качества личности	Многофакторный личностный опросник Р.Б. Кеттелла	Измерение различных полярных свойств личности (замкнутость-общительность, смелость-робость и другие) составляющих профиль личности
	Методика «Личностный дифференциал»	Специфика представлений о своей личности с позиции самооценивания
Самоотношение	Методика управляемой проекции В.В. Столина	Приятие себя, симпатия к себе, самоуважение, вытесняемые свойства и качества, психологические защиты
Ценностные ориентации (направленность личности)	Ценностные ориентации М. Рокича	Терминальные (ценности-цели) и инструментальные (ценности-средства)
Коммуникативные свойства личности	Методика «Социальный интеллект» Дж. Гилфорда, М. Салливена	Ориентация в общепринятых правилах и нормах вербального и невербального общения

Таблица 2.

Характеристика личностных особенностей студентов 1 группы (студенты с нарушениями двигательной сферы врожденного генеза)

Психологические феномены	Результаты, полученные в ходе исследования
Индивидуальные особенности личности	Повышенное внимание к своим переживаниям, ипохондричность, наличие невротических симптомов, эмоциональная неустойчивость, неуравновешенность, несамостоятельность, неуверенность в себе, капризность. Эгоизм, отсутствие озабоченности переживаниями других людей. Сохранение необходимого уровня активности в мире за счет снижения инициативы, конформного, зависимого поведения.
Самоотношение	Противоречивое отношение к себе: на рациональном уровне – приятие и самоуважение, на эмоциональном – неприятие, пренебрежение (вытеснение отрицательных качеств Я, самоидеализация и создание нереалистического, фальшивого образа Я). Наличие внутриличностного конфликта и психологических защит (использования механизма обесценивания достижений здоровых окружающих; аутосимпатия достигается за счет гипертрофированного самоуважения).
Ценностные ориентации (направленность личности)	Терминальные ценности: здоровье, любовь, наличие хороших и верных друзей. Инструментальные ценности: честность, независимость, широта взглядов, твердая воля.
Коммуникативные свойства личности	Средний уровень социального интеллекта: незначительные трудности в анализе ситуации межличностного взаимодействия, в прогнозировании поведения окружающих людей. Избирательность в контактах, прибежание к тактике поиска и прикрепления к таким людям, которые однозначно проявляют опеку и поддержку по отношению к ним, склонность к манипулированию, трудности в межличностном общении. Ярко выраженное раздражение к проявлениям превосходства по отношению со стороны других

Таблица 3.

Характеристика личностных особенностей студентов 2 группы (студенты с нарушениями двигательной сферы приобретенного генеза)

Психологические феномены	Результаты, полученные в ходе исследования
Индивидуальные особенности личности	Эмоциональная неустойчивость, наличие невротических симптомов, несамостоятельность, неуверенность в себе. Дискордантность в восприятии себя как индивида – наличие полярных проявлений признака у участников данной группы: – обеспокоенность своим здоровьем, ипохондричность; – пренебрежение физическими страданиями, стремление к независимости. Сохранение необходимого уровня активности в мире за счет следующих проявлений: практичность, управляемость внешними реалиями; занятость устройством личных дел, энергичность, активность.
Самоотношение	Положительное самоотношение, тенденция к недооцениванию своих возможностей, заниженная самооценка, унижение вплоть до формирования комплекса недостаточности. Неудачи выявляют защитный механизм по типу рациональной переработки («Зелен виноград»), либо отказ от активной и продуктивной деятельности.
Ценностные ориентации (направленность личности)	Терминальные ценности: здоровье, материально обеспеченная жизнь, счастливая семейная жизнь. Инструментальные ценности: независимость, воспитанность, образованность, честность.
Коммуникативные свойства личности	Средний уровень социального интеллекта: -демонстрируют умение выстраивать стратегию своего поведения для достижения поставленной цели, способны правильно оценивать состояния, чувства, намерения людей по их невербальным проявлениям (поза, мимика, жесты). Наличие чувствительности к эмоциональным состояниям других людей в ситуациях межличностного общения. Выраженные тенденции к самоизоляции, избирательность контактов проявляется: в резком ограничении круга общения с микросоциумом, прибежания к тактике поиска и прикрепления к таким людям, с которыми их сближают общие интересы (поиск путей решения сходных проблем), только в таком случае проявляют настрой на длительные и глубокие отношения.

Таблица 4.

Характеристика личностных особенностей студентов 3 группы (группы сравнения) (студенты нормы здоровья)

Психологические феномены	Результаты, полученные в ходе исследования
Индивидуальные особенности личности	Эмоциональная устойчивость, энергичность, самостоятельность, уверенность в себе, беспечность, пренебрежение к состоянию своего здоровья. Сохранение необходимого уровня активности в мире за счет следующих проявлений: активность, целеустремленность, практичность (приземленность стремлений), занятость устройством личных дел, руководствуются объективной реальностью.
Самоотношение	Положительное отношение к себе, преимущественно удовлетворены собой и своей жизнью. Отсутствие внутриличностных конфликтов, незначительность проявлений внутриличностного конфликта (ситуативно).
Ценностные ориентации (направленность личности)	Терминальные ценности: здоровье, любовь, счастливая семейная жизнь общественное признание, наличие хороших и верных друзей. Инструментальные ценности: образованность, жизнерадостность, рационализм.
Коммуникативные свойства личности	Средний/выше среднего уровень социального интеллекта (высокая социальная активность, чувствительность к эмоциональным состояниям других людей, стремление взаимодействовать с группой, учитывать социальное мнение. Наличие высокой способности к адекватному отражению целей, намерений, потребностей участников коммуникации, коррелируют со способностью предсказывать последствия поведения, рассматривают свою жизнь в контексте жизни других людей и во взаимосвязи с ними). Высокий самоконтроль поведения, принятие социальных норм. Открытость, общительность, естественность, внимательность к людям, легко приспосабливаются, высокая готовность к сотрудничеству.

у таких студентов основывается на представлении об окружающих как не готовых к взаимодействию, используется тактика поиска и прикрепления к таким людям, которые однозначно проявляют опеку и поддержку по отношению к ним. В связи с этим студенты с нарушениями двигательной сферы врожденного генеза – это особая категория студентов, нуждающаяся во всесторонней специально организованной, систематической и длительной психологической помощи и педагогической поддержке при получении высшего профессионального образования.

- Особенностями личности студентов с нарушениями двигательной сферы приобретенного генеза являются эмоциональная неустойчивость, наличие невротизации, неуверенность в себе, в самоотношении выявлены тенденции к недооцениванию своих возможностей, переживание дискомфорта при мыслях о перспективах и упущенных возможностях. Избирательность в контактах у таких студентов проявляется в ограничении круга общения, в поиске людей со сходными интересами. Этим студентам свойственны черты, характерные как для нормально развивающихся сверстников (например, самоуверенность, жизнерадостность, адекватная оценка своего состояния и реальной жизненной перспективы и пр.), так и для лиц с врожденной (рано приобретенной) патологией двигательной сферы (наличие внутриличностного конфликта). Этот феномен объясняется тем, что у данной группы студентов вследствие тяжелой инвалидизирующей трав-

мы или болезни имело место резкое изменение привычного образа жизни, а в связи с этим ценностных ориентаций, Я-концепции, самоотношения и др. Названные компоненты личности сформировались в целом в период нормального онтогенеза и позже деформировались. Таким образом, студенты с приобретенными нарушениями двигательной сферы испытывают существенную потребность в оказании им специально организованной психологической помощи.

- С учетом выявленных личностных особенностей студентов с нарушениями двигательной сферы различного генеза основными ориентирами в деятельности педагогов высшей школы и специалистов, осуществляющих помощь в выборе и построении оптимальной профессиональной траектории в процессе профессионального самоопределения, могут выступать следующие:

- своевременное проведение комплексной диагностики индивидуальных особенностей личности, адаптивного потенциала и профессиональных способностей студентов с инвалидностью;
- поддержка в расширении социальных связей носителей дефекта, формирование коммуникативной компетенции и умения работать в команде;
- помощь в выборе оптимальных образовательных и профессиональных программ вуза;
- моделирование адекватных представлений о получаемой профессии, поддержка мотивации за счет организации практики, включения в научную и проектную деятельность, прогнозирование профессиональной карьеры;

- реализация контроля за прохождением траектории со стороны деканата, тьютора, специалистов службы социально-психологического сопровождения;
- постдипломное сопровождение выпускников, содействие карьерному росту, реализации личностного потенциала при сохранении здоровья;
- формирование и развитие инклюзивной культуры у всех субъектов образовательного процесса (студенты с нарушениями двигательной сферы и другими ОВЗ, студенты с нормой здоровья, про-

фессорско-преподавательский состав, учебно-вспомогательный персонал вуза, потенциальные работодатели).

Полученные в исследовании данные обогащают научные представления о личностных особенностях студентов с нарушениями двигательной сферы различного генеза, а также обосновывают необходимость учета выявленных характеристик при построении эффективной профессиональной траектории студентов с инвалидностью в процессе обучения в вузе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеенкова Е.Г. Личность в условиях психической депривации: учебное пособие / Е.Г. Алексеенкова. – СПб.: Питер, 2009. – 96 с.
2. Асмолов А.Г. Психология личности: принципы общепсихологического анализа / А.Г. Асмолов. – М.: Смысл, 2002. – 414 с.
3. Басилова Т.А. Специальная психология / Т.А. Басилова. – М.: Академия, 2009. – 560 с.
4. Божович Л.И. Проблемы формирования личности / Л.И. Божович. – М. Изд-во ИПП, 1997. – 352 с.
5. Бойченко Я.С. Адаптационные возможности личности современного студента и индивидуально-психологические характеристики / Я. С. Бойченко // Концепт. – 2014. – Т. 20. – С. 96–100.
6. Государев Н.А. Социально-педагогическое обеспечение высшего образования студентов с последствиями детского церебрального паралича: дис. ... д-ра пед. наук: 13. 00.08.04 / Н.А. Государев. – М., 2004. – 334 с.
7. Левченко И.Ю. Особенности мотивационно-потребностной сферы лиц с двигательными нарушениями юношеского и молодого возраста / И.Ю. Левченко // Актуальные проблемы изучения и обучения детей и подростков с нарушениями развития. – М.-Новокузнецк: Изд-во ИПК, 2003. – 109 с.
8. Осьмук Л.А. Стратегия развития инклюзивного образования в Новосибирском государственном техническом университете / Л.А. Осьмук // Организация инклюзивного образования в России и Германии. Обмен опытом. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2016. – С. 165–171.
9. Психологическое обеспечение профессиональной деятельности: учебное пособие / Под ред. Г.С. Никифорова. – СПб: Изд-во СПбГУ, 1991. – 152 с.
10. Психолого-педагогические основы обучения студентов с ОВЗ в вузе / Под ред. Б.Б. Айсмонтаса. – М.: МГППУ, 2013. – 196 с.
11. Сидоренко Е.В. Экспериментальная групповая психология: «комплекс «неполноценности» и анализ ранних воспоминаний в концепции А. Адлера» / Е.В. Сидоренко. – СПб, 1993. – 215 с.
12. Соколова Е.Т. Особенности личности при пограничных расстройствах и соматических заболеваниях / Е.Т. Соколова. – М.: SvR – Аргус, 1995. – 359 с.
13. Усова Л.В. К вопросу об интерпретации понятий «инвалид» и «инвалидность» / Л.В. Усова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – №5. – 98–100.
14. Чебарыкова С.В. Феноменология типов личности, развивающейся в условиях дизонтогенеза, с позиции ее адаптивности: дис. ... канд. психол. наук: 19. 00.10 / С.В. Чебарыкова – М., 2005. – 190 с.
15. Ярская-Смирнова Е.Р. Студенты с инвалидностью как агенты поля высшего образования: роль социального капитала / Е.Р. Ярская-Смирнова, В.Н. Ярская-Смирнова, Д.В. Зайцев // Вестник томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2019. – №51. – С.167–177.

© Колесникова Галина Юрьевна (sg2729@yandex.ru), Ткач Елена Николаевна (elenat3004@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭФФЕКТИВНОЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Лю Синьсинь

Доцент, Чанчуньский университет Гуанхуа

liuxinxin@ghu.edu.cn

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF EFFECTIVE ENTREPRENEURSHIP

Liu Xinxin

Summary: This article examines the dynamic model of entrepreneurship, which is a response to the demands of a changing, uncertain business environment. A review of the academic literature was presented, with authors discussing the attributes of a successful entrepreneur. The main factors influencing the success of an entrepreneur at different stages of business development were also outlined. Finally, the most important psychological determinants of successful entrepreneur were presented.

Keywords: entrepreneur, personality, psychological determinants, success, behavior.

Аннотация: В статье рассматривается динамичная модель предпринимательства, которая является ответом на требования меняющейся, неопределенной бизнес-среды. Был представлен обзор научной литературы, авторы которого обсуждают признаки успешного предпринимателя. Также были охарактеризованы основные факторы, влияющие на успешность деятельности предпринимателя на разных этапах становления бизнеса. Наконец, были представлены наиболее важные психологические детерминанты развития успешного предпринимателя.

Ключевые слова: предприниматель, личность, психологические детерминанты, успех, поведение.

В научной литературе предпринимательская деятельность обычно представлена в качестве одного из факторов экономического развития страны: в настоящее время малые и средние предприятия создают рабочие места, а также производят продукцию для экспорта и импорта [1, с. 3]. Критерием успеха бизнеса является не сама идея, а способность ее представлять и применять на практике.

Поэтому неудивительно, что современные исследования сосредоточены на поиске детерминант предпринимательского успеха и проводятся в рамках многих научных дисциплин (например, менеджмент, экономика, социология, психология и др.). Несмотря на такой междисциплинарный подход, в научном сообществе существует довольно большой консенсус в отношении того, что составляет суть предпринимательства.

Например, Фрэнк Найт подразумевает под предпринимателем человека, который склонен ввязываться в неопределенные ситуации в процессе развития бизнеса [5, с. 190]. В свою очередь Йозеф Шумпетер относит к таким людям тех, кто внедряет инновации в продукцию, а также тех, кто чутко относится к личной выгоде. Такие определения дополняют друг друга. Поэтому можно сделать выводы о том, что предпринимателем является человек, ориентированный на развитие бизнеса с точки зрения

выгодных деловых возможностей. Для него характерны склонность к творческому мышлению и открытое признание ценности инноваций. Он не боится рисковать, так как изменяющаяся внешняя среда требует от него гибкости и готовности пробовать новые способы работы [3].

Организация нового бизнеса и эффективное управление им часто воспринимается как своего рода вызов, благодаря которому люди достигают важных жизненных целей. Тем не менее, мотивы для создания предприятия могут быть разными. Люди, решившие начать собственное дело, очень часто ценят независимость, хотя проявить себя, работая «на себя», или таким образом реализуют свои профессиональные амбиции, связанные, например, с потребностью в личном развитии, ненормированным рабочим днем. Среди предпринимателей есть и такие, для которых основным мотивом владения собственным бизнесом была целеустремленность и отсутствие других возможностей, либо предыдущие проблемы с трудоустройством.

Поэтому стоит разделить различные этапы предпринимательского процесса, ибо индивидуальные факторы будут по-разному описывать эффективность предпринимательской деятельности.

На первом этапе создания компании (до запуска)

Статья финансируется из средств Исследовательского проекта по гуманитарным и социальным наукам Департамента образования провинции Цзилинь. Название проекта: Исследование игр-песочниц для содействия развитию инновационного потенциала студентов ВУЗов. Номер проекта: JJKH20221291SK.

предпринимателю важно не только признать рыночные возможности или накопить ресурсы, но и убеждать себя в собственной самоэффективности, открытости к опыту или склонности к риску. Кроме того, здесь важны специфические когнитивные процессы человека в форме творческого мышления или использования интуиции. Также важным элементом являются социальная компетентность и навыки налаживания отношений, которые позволят предпринимателям собрать вокруг себя людей, а также заинтересовать спонсоров и потенциальных клиентов своей идеей.

При этом мотивация предпринимателей характеризуется пятью основными характеристиками:

1. готовность к более сложным задачам, требующим больших усилий и активности;
2. выполнение задач, требующих приобретения новых компетенций;
3. стремление выполнять задачи лучше, чем другие;
4. устойчивость к негативным реакциям посторонних в случае достижения успеха;
5. стремление к совершенному мастерству в работе и не придание особого значения конкуренции, а в действиях соревновательного характера желание продемонстрировать свое мастерство, свою эффективность.

На втором этапе успех действий будет определяться отдельными субъектными детерминантами (например, настойчивость, добросовестность, мотивация достижений, устойчивость к стрессу и т. д.), групповыми (например, навыки сотрудничества, создание портфеля клиентов), а также социальными (например, знание конъюнктуры на рынке и т.д.).

Третий этап связан с переходом компании от стартапа к зрелой компании с разработанной бизнес-моделью и постоянным предложением продуктов или услуг. Успех этой фазы и удержание компании в качестве лидера рынка снова будут зависеть от индивидуальных (например, эмоциональная стабильность, добросовестность, ответственность, проактивность, целеустремленность, оптимизм или смелость), групповых (например, мотивация сотрудников, лидерство, сотрудничество и т.д.), а также социальных переменных предпринимателя в виде имеющихся источников финансирования или спроса на услуги и продукты.

Исходя из вышесказанного, именно неопределенность и сложность ситуации, в которой должен функционировать предприниматель, предъявляет большие психологические требования к лицу, выполняющему эту роль. К примеру, интроверт, не получающий удовольствия от общения с другими людьми, имеет мало шансов добиться успеха в роли предпринимателя даже при отличном знании продаваемого продукта. Ведь предпри-

ниматель должен самостоятельно ставить цели и настойчиво стремиться к их достижению в быстро меняющейся и конкурентной среде.

Соответственно, предпринимательское поведение во многом зависит от личной склонности человека к активному действию (обладание способностью проявлять инициативу, изобретательность, находчивость) и его воли к действию, вытекающей как следствие черт индивидуального характера личности, например, потребности конкурировать, делать что-то лучше других, демонстрировать свои способности. Предполагается, что эти люди обладают уникальным набором качеств, установок и ценностей, которые позволяют им эффективно осуществлять свою предпринимательскую деятельность и в этом отношении отличаются от большинства людей. Речь идет не только о способности генерировать интересные идеи, но прежде всего о желании и решимости претворить их в жизнь.

Отдельные авторы при анализе индивидуальных черт характера предпринимателей пытались составить психологический портрет такого человека. Например, Е.В. Белова, изучив способы поведения людей, управляющих собственным капиталом, обнаружила, что успех определяется множеством различных качеств. Она выделила более 10 характеристик, подчеркнув, что не все из них при любых обстоятельствах будут необходимы предпринимателям для достижения успеха [2]. По ее мнению, предприниматель должен быть уверенным в себе, настойчивым, трудолюбивым, оптимистичным лидером, который способен влиять на других людей, гибким и независимым, умеющим реагировать на предложения и критику со стороны других людей и др.

Психолог Майкл Фрезе провел исследование под названием «Психология предпринимательства» в 2014 году, в котором ему удалось изучить личность успешных предпринимателей [7]. Такие люди способны создавать эффективные бизнес-планы, которые описывают текущее состояние и предполагаемое будущее компании. Предприниматель, умеющий планировать, может не только проложить четкий путь к достижению целей, но и гибко изменять эти планы с течением времени.

К тому же, такие люди имеют «деловую ориентацию», куда входят стремление к инновациям, готовность идти на риск, конкурентоспособность и проактивность. Проще говоря, успешный предприниматель способен действовать проактивно, проявляет инициативу, имеет правильную внутреннюю мотивацию и, прежде всего, способен действовать, а не просто говорить, что хочет действовать. Такой человек намного легче находит и использует возможности развития своего бизнеса. Наконец, предприниматели способны принимать быстрые и точные решения на основе имеющихся знаний. Это

также включает в себя готовность экспериментировать, тестировать и пересматривать свои бизнес-идеи. В процессе работы человек, занимающийся собственной деятельностью, сталкивается со многими ситуационными условиями, которые имеют новый, неспецифический характер, связанный с личными рисками и требуют быстрых решений. Кроме того, из-за непосредственного участия в своей работе предприниматели активизируют очень сильные эмоции, не возникающие с такой интенсивностью у наемных работников.

Психологический портрет предпринимателя позволяет раскрыть его специфические личностные качества. Прежде всего, к ним относятся индивидуальные черты личности, влияющие на ее функционирование в роли предпринимателя косвенным образом. К этой категории относятся эмоциональная стабильность, экстраверсия, открытость к новым открытиям и скрупулезность. Вторая категория характеристик оказывает более непосредственное влияние на деятельность предпринимателя. Стремление к выражению творческого потенциала связано с решением открытых, плохо определенных проблем. В свою очередь, стремление к реализации достижений определяет уровень и качество поставленных целей. Еще две характеристики - чувство контроля и самоэффективность позволяют предпринимателю эффективно функционировать в сложных и изменчивых условиях. Последняя из обсуждаемых характеристик - склонность к риску - приводит к тому, что люди с такой характеристикой не избегают участия в небезопасных ситуациях.

Результаты эмпирических исследований показывают, что психологический портрет предпринимателя является важным предиктором эффективности его деятельности [6]. Наряду с внутренними факторами, связанными с личностью предпринимателя, успех в бизнесе также связан с внешними факторами (например, правовым нормам, социально-экономическим аспектам). Но самые даже благоприятные внешние условия не гарантируют человеку успеха в самостоятельной экономической деятельности, если он не обладает набором психологических характеристик, соответствующих ситуации (неопределенность, изменчивость), в которой он должен будет функционировать. Если предприниматели верят, что им удастся продвинуть свой бизнес и занять определенную нишу на рынке, и с оптимизмом смотрят в будущее, они также будут прилагать больше усилий, чтобы результаты соответствовали их ожиданиям. Благодаря им выполнение предпринимательских задач может быть более продуктивным.

Успешное функционирование в роли предпринимателя также требует отказа от быстрого получения выгоды в пользу более крупных и долгосрочных результатов,

но отложенных во времени. Предприниматели, добившиеся успешных результатов в своей деятельности, часто ориентированы на получение финансовых средств для реализации предполагаемых целей, поэтому им не следует забывать о возможности использования тех ресурсов, которые уже находятся в пределах их досягаемости. Также успех деятельности предпринимателя определяется такими факторами, как разработанная стратегия действий, позитивные убеждения о себе и сильная целеустремленность. Эти тезисы получили убедительное подтверждение во многих эмпирических исследованиях.

Однако применяемые предпринимателями убеждения относительно успеха бизнес-инициатив имеют свои многочисленные негативные последствия как для них самих, так и для бизнеса. Например, предприниматель, который, создавая новый бизнес, руководствуется информацией, публикуемой местными СМИ, без оценки фактического состояния ситуации. Таким образом, он ставит перед собой убеждение о потенциальной прибыли и возможностях, которые могут не произойти.

В свою очередь, предприниматели, открывшие свой стартап, руководствуясь чрезмерным оптимизмом, с большей вероятностью поддерживают дорогостоящие и не приносящие успеха практики. Однако в стартапах чаще, чем в других компаниях, также появляются случаи впечатляющих прибылей. Это доказывает, что, хотя оптимизм является дорогостоящим (в значительной степени он приводит к убыткам для предпринимателей), в некоторых ситуациях (чисто случайных) он может вызвать нестандартные выгоды. Возникающие ошибки и упрощения в мышлении предпринимателей во многом являются следствием контекста, в котором они функционируют, характеризующегося информационной перегрузкой, неопределенностью, эмоциями и давлением времени.

Исследования показывают, что предприниматели работают в среднем 63 часа в неделю и чаще других ежедневно подвергаются стрессу [4]. К тому же они могут столкнуться с такими проблемными ситуациями как сложная работа с клиентами, недопонимание интересов компании со стороны поставщика, проблемы с уплатой налогов, большая ответственность за действия сотрудников, нехватка времени. Поэтому неудивительно, что они часто чувствуют себя раздражительными, усталыми и подвергаются влиянию прокрастинации на рабочем месте.

Встречи с психотерапевтом помогут им научиться контролировать свои эмоции и справляться со стрессом, который они испытывают ежедневно. Терапевтические сеансы помогут людям, которые хотят бороться с профессиональным выгоранием, вернуться к прежней производительности, восстановить мотивацию к действию и справляться с

другими проблемами, связанными с работой, такими как трудности в построении отношений с детьми или одиночество из-за нехватки времени на друзей.

Таким образом, можно заключить, что предпринима-

тели малого и среднего бизнеса тем более успешны, чем менее выражены у них мягкость и тревожность и чем выше уровень развития их интеллекта, доминантности, нормативности поведения, радикализма, самоконтроля, склонности к риску и интернальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алуян В.С. Малый бизнес как фактор развития национальной экономики // Концепт. – 2016. – №6. – С. 1-7.
2. Белова Е.В. Психологические особенности личности успешных предпринимателей // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2010. – №2. – С. 200-205.
3. Вандышева Е.Ю. Ценностные ориентации предпринимателя и критерии разумности риска в предпринимательской деятельности // Социально-экономические явления и процессы. – 2014. – Т.9. – №3. – С. 223-228.
4. Денисова Ю.С. Трудовая перегрузка работников – добрая воля или принуждение? // Социс. – 2004. – № 5. // URL: <http://socis.isras.ru/> [Дата обращения: 25.12.2022].
5. Зонова И.В. Взаимосвязь неопределенности и прибыли предпринимательства (Ф. Найт, Й. Шумпетер) // Вестник магистратуры. – 2016. – №12. – С. 189-192.
6. Иванова Т.Ю., Леонтьев Д.А., Осин Е.Н., Рассказова Е.И., Кошелева Н.В. Современные проблемы изучения личностных ресурсов в профессиональной деятельности // Организационная психология. – 2018. – Т.8. – №1. – С. 85-121.
7. Frese M., Gielnik M. The Psychology of Entrepreneurship // Annual Review of Organizational Psychology & Organizational Behavior. – 2014. – №1. – P. 413-438.

© Лю Синьсинь (liuxinxin@ghu.edu.cn).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Чанчуньский университет Гуанхуа

ПСИХОКОРРЕКЦИЯ ТРУДОВОЙ МОТИВАЦИИ У СОТРУДНИКОВ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СФЕРЫ

PSYCHO-CORRECTION OF WORK MOTIVATION IN TELECOMMUNICATIONS EMPLOYEES

*E. Ryadinskaya
V. Volobuev
E. Chabelets*

Summary: This article presents the results of a formative experiment on the problem of psycho-correction of labor motivation. A psycho-correctional program has been developed, which was built taking into account the specifics of the activities of the telecommunications sector and the characteristics of personnel management. The main emphasis is placed on the need to form an acceptable motivational model of labor behavior and create a favorable production microclimate in the team. The authors developed a socio-psychological questionnaire «Immersion in activity», which allows participants to experience a «feeling of flow». When analyzing the dynamics of labor motivation, an increase in the motivation to achieve success by 30% was revealed, a significant increase in the level of internal labor motivation was recorded and, at the same time, a decrease in the share of external negative motivation in the motivational structure. Due to the implementation of corrective measures, the external negative labor motivation of the subjects decreased in 80% of cases.

Keywords: labor motivation, motivation for success, avoidance motivation, intrinsic motivation, telecommunication sphere.

Рядинская Евгения Николаевна

*д-р психол.н., доцент, Донбасская аграрная академия
tuchalola@mail.ru*

Волобуев Вахтанг Вячеславович

*к.м.н., Донбасская аграрная академия
goodpsychologist@gmail.com*

Чабелец Елена Николаевна

*студент, Донбасская аграрная академия
psich-distant@mail.ru*

Аннотация: В данной статье представлены результаты формирующего эксперимента по проблеме психокоррекции трудовой мотивации. Разработана психокоррекционная программа, которая строилась с учетом специфики деятельности телекоммуникативной сферы и особенностей управления персоналом. Основной упор сделан на необходимости формирования приемлемой мотивационной модели трудового поведения и создание благоприятного производственного микроклимата в коллективе. Авторами разработана социально-психологическая анкета «Погружение в деятельность», позволяющая участникам испытать «ощущение потока». При анализе динамики трудовой мотивации выявлено повышение мотивации достижения успеха на 30%, зафиксирован значительный рост уровня внутренней трудовой мотивации и одновременно снижение доли внешней отрицательной мотивации в мотивационной структуре. Вследствие проведения коррекционных мероприятий внешняя отрицательная трудовая мотивация у испытуемых снизилась в 80% случаев.

Ключевые слова: трудовая мотивация, мотивация успеха, мотивация избегания, внутренняя мотивация, телекоммуникационная сфера.

Введение

Проблема трудовой мотивации является одной из самых актуальных в общей психологии и психологии управления. Трансформационные процессы в обществе и повышение конкурентной борьбы обуславливают необходимость кардинального изменения мотивационной системы персонала большинства отечественных предприятий, в частности, телекоммуникационной сферы. В современных условиях производства крайне важно заинтересовать трудовой коллектив, что позволит повысить эффективность, качество работы персонала и уровень корпоративной культуры, стимулировать инициативность, инновационность и креативность сотрудников, вследствие чего телекоммуникационные предприятия могут улучшить конкурентные позиции в бизнес-среде за счет человеческого фактора.

Исследование проблемы мотивации в трудовом процессе занимает особое место среди других иссле-

дований, посвященных трудовой деятельности (Хагур, 2016) [6]. Она является объектом изучения многих ученых, как и в нашей стране – В.И. Герчиков, Ю.А. Токарева, С.А. Шапиро (Герчиков, 2004; Токарева, 2021; Шапиро, 2012; Якуб, 2011) [1; 5; 7; 8], так и за рубежом – E. Egbule, Z. Hyseni Duraku, G. Jahiu, D. Geci, A. Nordgren Selar (Egbule, 2022; Hyseni Duraku et al., 2022; Nordgren Selar, 2022) [9; 10; 11] и др.

Несмотря на большое количество работ в этой сфере, ряд актуальных задач по указанной проблематике не решены. В частности, нуждаются в содержательном наполнении психокоррекционные разработки по повышению трудовой мотивации, а также усовершенствование метода диагностирования компетентности HR-подразделения в этой сфере.

Цель статьи – анализ показателей динамики трудовой мотивации и проявлений отрицательной мотивации сотрудников телекоммуникационной сферы по-

средством формирования внутренней положительной мотивации после проведения психокоррекционной программы.

Поставленная цель достигается путем выполнения следующего ряда задач:

1. Провести терминологический анализ понятий «мотив» и «мотивация» с позиции различных научных концепций.
2. Апробировать социально-психологическую анкету «Погружение в деятельность».
3. Выявить и проанализировать динамику трудовой мотивации и проявлений отрицательной мотивации сотрудников телекоммуникационной сферы.
4. Сформулировать выводы и наметить перспективы дальнейших исследований.

В психологической теории существует достаточное количество работ относительно сущности мотива и мотивации, в частности, трудовой. Так, в психологическом словаре мотив трактуется как: «1) побуждение к деятельности, связанной с удовлетворением потребностей субъекта; 2) предметно направленная активность определенной силы; 3) осознанная причина, лежащая в основе выбора действий и поступков личности» (Психология. Словарь..., 1990: 219) [4].

Р.С. Немов под мотивом понимает «то, что принадлежит самому субъекту поведения, является его постоянным личностным свойством, что изнутри побуждает к совершению определенных действий» (Немов, 2001: 89) [3].

Е.П. Ильин трактует как внутреннее осознание побуждения мотив (Ильин, 1998: 51) [2].

Кроме того, следует обратить внимание на важность понимания мотива как основания (побуждения) и основы (смысла) к профессиональной деятельности. Мотив фактически предшествует активной деятельности, целью которой является удовлетворение потребностей. Таким образом, систематизировав существующие подходы к определению термина «мотив», можно утверждать, что общая их характеристика сводится к существованию определенной цели, которая требует удовлетворения и направляет действия или поведение человека на восстановление гомеостаза от наиболее простой необходимости удовлетворить физические потребности и до самых сложных и развитых потребностей самоактуализации.

Понятие мотивации представляет собой более широкое понятие, чем термин «мотив». Термин «мотивация» используется в современной психологии в двояком смысле: как то, что означает систему факторов, детерминирующих поведение (сюда входят, в частности, потребности, мотивы, цели, намерения, стремления и многое другое), и как характеристика процесса,

который стимулирует и поддерживает поведенческую активность на определенном уровне. Чаще всего в научной литературе мотивация рассматривается как совокупность причин психологического характера, объясняющих поведение человека, его направленность и активность (Герчиков, 2004) [1].

Следовательно, мотивационная сфера личности представляет собой чрезвычайно сложную систему разнообразных мотивов (мотивационных установок, потребностей, интересов и т.д.), отражающих различные аспекты деятельности человека и его социальные роли, поэтому понятно, что именно мотивационная сфера становится определенным основанием для формирования мотивации личности в каждой отдельной ситуации и, в частности, в производственном процессе.

Трудовая мотивация, согласно А.С. Якуб, это побуждение человека к труду, являющееся результирующей системой внутренних побудительных элементов, таких, как потребности, интересы, ценностные ориентации, с одной стороны, с другой – отражаемые и фиксируемые сознанием человека факторы внешней среды, так называемые внешние стимулы, побуждающие к трудовой деятельности. Таким образом, данное определение дает возможность утверждать, что трудовая мотивация представляют собой сложную систему мотивов, под влиянием которых в сознании человека формируется как отношение к труду, так и программа трудового поведения, способного привести к удовлетворению соответствующих потребностей (Якуб, 2011) [8].

Иного подхода придерживается Ю.А. Токарева, которая понимает мотивацию трудовой деятельности персонала в организации с точки зрения комплексного подхода, предполагающего исследование и совершенствование подсистем и элементов, входящих в систему мотивации труда на предприятии (Токарева, 2021) [5].

В истории развития психологического знания накоплен достаточно емкий научный материал, касающийся вопросов трудовой мотивации. В этом контексте интересными являются концептуальные положения ряда авторов: концепции Л.И. Божович, Б.И. Додонова, Э.С. Чугуновой, Д. МакГрегора, теории М. Аргайла, Ф. Герцберга, К. Замфир, Д. МакКлеланда, А. Маслоу, мотивационные модели В. Ворума, Л. Портера и Э. Лоулера и др. Теоретические подходы, приведенные авторами, позволяют выделить различные основания для анализа структуры и процесса трудовой мотивации, рассмотреть классификации и модели мотивации к труду.

На наш взгляд, в условиях современного производственного процесса важно понимать, какие мотивационные особенности лежат в основе деятельности сотрудника, что именно помогает ему достигать цели,

развиваться, обучаться новому и плодотворно работать, как особенности мотивации взаимосвязаны с личностными характеристиками, как влияют на их проявление в труде. Не менее важным аспектом выступает разработка и апробация мероприятий психологической коррекции, направленных на минимизацию негативных проявлений трудовой мотивации и формирование внутренней положительной мотивации к труду.

Методика

В ходе оценки трудовой мотивации (первый этап исследования, 2020 год), присущей сотрудникам телекоммуникационного предприятия, было выявлено, что при общем достаточно высоком уровне трудовой мотивации в коллективе, отдельные сотрудники по данному показателю имеют значительные отклонения от установленной нормы. В связи с чем, была выделена группа из 20 испытуемых, чей мотивационный полюс не был выражен либо имел одну из негативных структур согласно теории К. Замфира. В экспериментальную группу вошли – 7 мужчин и 3 женщины, в контрольную – 8 мужчин и 2 женщины.

Основной целью программы стало формирование приемлемой мотивационной модели трудового поведения и создания благоприятного производственного микроклимата в коллективе, что способствовало бы оптимизации структуры трудовой мотивации. Психокоррекционная работа реализовывалась в форме тренинга.

Каждая группа после завершения коррекционной работы проходила тестирование по трем методикам, направленным на отслеживание их уровня трудовой мотивации: авторская социально-психологическая анкета «Погружение в деятельность», методика А.А. Реана «Мотивация успеха и боязнь неудачи» (МУН) и методика К. Замфира «Структура мотивации трудовой деятельности».

По завершении коррекционной работы у сотрудников ожидалось возникновение предпосылок к развитию следующих психологических новообразований: формирование позитивного отношения к труду, повышение заинтересованности в процессе осуществления трудовой деятельности как таковой; создание устойчивой нацеленности на достижение позитивного результата трудовой деятельности вместо деструктивного чувства тревоги за неудачи и допущенные ошибки; смещение мотивационного полюса в сторону внутренней положительной мотивации у субъектов в группе коррекции.

Стоит обратить внимание на тот факт, что на предприятии проводится оценка персонала, обязательным этапом которой является построение архитектуры модели компетенций и дальнейшее составление на ее основе «портрета успешного сотрудника» для каждой категории персонала в отдельности. Архитектура ком-

петенций призвана создать целостное представление о модели компетенций. В ней отражены ключевые приоритеты проявления каждой компетенции для каждого уровня сотрудников и раскрыто общее представление о динамике развития компетенции при переходе от уровня к уровню.

В ходе глубинного анализа деятельности предприятия, его стратегических и тактических целей, с учетом принятой миссии на рынке предоставления телекоммуникационных услуг, в качестве основных компетенций в разрезе категорий персонала были выделены: системность, организация деятельности, инновационность, коммуникативность, ориентация на результат, сотрудничество, ориентация на клиента, развитие. Каждая из компетенций выступает в данном случае как интегральный показатель готовности субъекта к осуществлению трудовой деятельности согласно требуемого уровня эффективности с ожидаемым его приростом. Следовательно, наличие четкого понимания того, к чему должен стремиться сотрудник, чтобы органично вписываться в общую концепцию персонала предприятия, оказало значительное влияние на выбор подхода, применяемого к разработке психокоррекционной программы.

При разработке психокоррекционных мероприятий также сделан акцент на том, что трудовая мотивация в наибольшей степени отражена и сконцентрирована в показателе «ориентация на результат», который также оказывает мощное непосредственное влияние на формирование и проявление всех остальных факторов описанной модели. Понимание показателя «ориентация на результат», в нашем исследовании максимально приближено к термину «мотивация достижения». Таким образом, нами отмечены основные особенности разработки психокоррекционной программы, вытекающие из специфики деятельности предприятия и особенностей управления персоналом.

Проведение коррекционных мероприятий проходило в рамках установленного рабочего плана и проходило в форме тренинговых занятий. При проведении групповых тренингов возникали сложности с активизацией деятельности всех членов группы. Наибольшая сложность в привлечении к активной работе во время тренинга заключалась в противодействии со стороны самых старших участников и тех, кто занимал руководящие должности. К возрастным участникам в данной группе относятся испытуемые в возрасте 42 – 45 лет. Они, также как и руководители среднего звена, у которых выявлена низкая трудовая мотивация, проявляли недостаточную заинтересованность в групповой работе. В ходе интервью о причинах сопротивления работе установлено, что все они ранее работали в организациях и предприятиях, в которых так или иначе практиковалась постсоветская форма взаимодействия с персоналом и коррекционные

мероприятия они воспринимают как бесполезную трату рабочего времени, отклонение от плана решения трудовых задач. Впоследствии данное сопротивление сведено к минимуму.

Результаты и их обсуждение

По завершении психокоррекционной программы предполагалось выполнение предложенного индивидуального задания в рамках социально-психологической анкеты «Погружение в деятельность». Сразу же после подведения итогов для получения обратной связи от участников была получена короткая анкета, позволяющая оценить впечатление от выполненной работы. Краткий итог применения анкеты приведен в таблице 1.

Таблица 1.

Результаты опроса по анкете «Погружение в деятельность»

Вопрос	Варианты ответа, %	
	Да	Нет
Подобранное задание вызвало интерес	80	20
Удалось пережить «ощущение потока»	70	30
Хочу снова ощутить подобное состояние	80	20

Таким образом, можно отметить, что подавляющему числу респондентов (70%) удалось пережить «ощущение потока», связанного с преобладанием внутренней мотивации, почувствовать неподдельный интерес к работе, субъективное ощущение ее ценности, ощутить удовлетворение, покой, быстрое течение времени при выполняемой работе.

При анализе результатов по методике А.А. Реана «Мотивация успеха и боязнь неудачи» (МУН) следует учитывать, что, чем выше количество баллов, тем выше уровень мотивации испытуемого. Динамика трудовой мотивации в процентном соотношении отмечается типичным положительным сдвигом (90% респондентов); 10% респондентов продемонстрировали отрицательную динамику.

В ходе констатирующего этапа исследования было выявлено, что удельный вес респондентов с невыраженным мотивационным полюсом и выраженной мотивацией достижения успеха разделился ровно пополам. Таким образом, 50% респондентов можно отнести к «группе риска», так как при наличии негативного влияния их мотивация будет характеризоваться тенденцией к избеганию. Разработанная программа психокоррекционного воздействия была в значительной мере направлена на то, чтобы не только поддержать респондентов с доминирующей мотивацией достижения, но дать толчок от неопределенного мотивационного полюса к его развитию. По окончании программы повторное тестирование

показало повышение мотивации на 30% в группе мотивации достижения успеха. Удельный вес респондентов с невыраженным мотивационным полюсом, в свою очередь, составил 20%.

Наглядно динамика уровней мотивации успеха и боязни неудач представлена на рисунке 1.

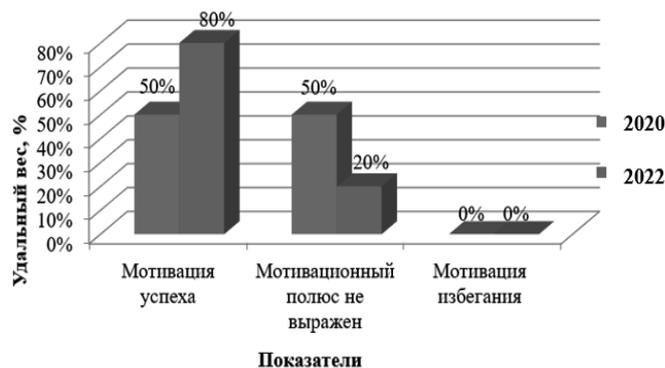

Рис. 1. Динамика показателей по методике А.А. Реана в экспериментальной группе

В то же время в контрольной группе отмечается типичный отрицательный сдвиг для 60% респондентов. Процент снижения показателей мотивации достаточно высок в сравнении с экспериментальной группой. Это свидетельствует о том, что общий благоприятный мотивационный климат предприятия, который мы наблюдали в ходе констатирующего эксперимента в 2020 году, был изменен, что негативно отразилось на заинтересованности работников в процессе труда. За период с 2020 по 2022 год мотивация респондентов контрольной группы, в которой коррекционные мероприятия не проводились, снизилась в среднем на 18,77%.

Общая динамика контрольной группы по показателям методики А.А. Реана наглядно отражена на рисунке 2. Мотивация достижения успеха среди испытуемых контрольной группы снизилась на 10%; также на 10%, соответственно, вырос показатель невыраженного мотивационного полюса, что является показателем наличия негативных тенденций в системе мотивации персонала на предприятии.

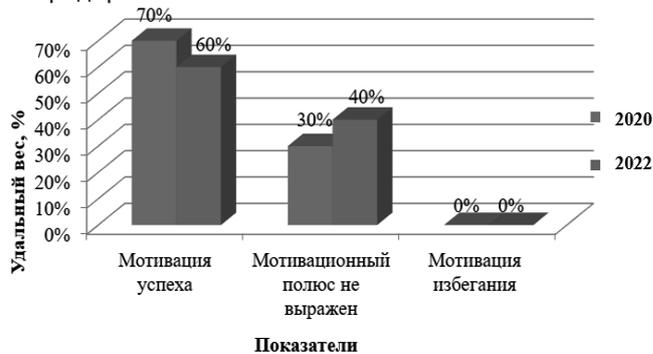

Рис. 2. Динамика показателей по методике А.А. Реана в контрольной группе

В ходе анализа результатов исследования отметим, что показатели мотивации достижения успеха в экспериментальной группе значительно выше, чем аналогичные показатели в контрольной: в экспериментальной группе повышение мотивации достижения было зафиксировано у 30% респондентов, а в группе, где коррекция трудовой мотивации не проводилась, было выявлено снижение данного показателя у 10% респондентов на фоне общего более низкого показателя мотивации труда.

Проанализируем динамику внутренней, внешней положительной и внешней отрицательной трудовой мотивации по методике «Структура мотивации трудовой деятельности» К. Замфира в экспериментальной группе (таблица 2).

В данной группе удельный вес внутренней трудовой мотивации после выполнения программы тренинга вырос на 60%. Прирост количества респондентов с доминирующей внешней положительной мотивацией составил 20%. Уровень внешней отрицательной трудовой мотивации, соответственно, снизился на 80%, что дает основание предполагать получение позитивного эффекта от применения коррекционной программы.

По результатам проведенного исследования, у 80% респондентов показатель внутренней трудовой мотивации вырос в среднем на 1,9 балла. В 20% случаев уровень внутренней мотивации остался без изменений. Внешняя

положительная мотивация (ВПМ) выросла у 60% респондентов в среднем на 1,1 балла.

В свою очередь, внешняя отрицательная мотивация (ВОМ) снизилась в 90% случаев и только у 10% респондентов было выявлено ее повышение на 8 баллов. Данный нетипичный сдвиг был выявлен у одного испытуемого, которого можно отнести к возрастной категории участников тренинга. Примечательно, что среди всех членов экспериментальной группы именно данный участник оказывал наибольшее сопротивление программе тренинга. В ходе личной беседы о причинах, которые вызвали нежелание принимать активное участие в коррекционных мероприятиях, было выявлено, что личная оценка данным сотрудником собственной мотивации расходится с той, которая была выявлена у него в ходе проведения констатирующего эксперимента. Можно предположить, что такое демонстративное поведение в большей степени связано с нежеланием относить себя к группе сотрудников с менее высокой трудовой мотивацией, чем большинство.

Таким образом, можно утверждать, что тренинг, направленный на оптимизацию структуры трудовой мотивации достиг ожидаемого эффекта.

Рассмотрим динамику аналогичных показателей для контрольной группы респондентов (таблица 3).

Таблица 2.

Динамика изменений структуры трудовой мотивации по методике К. Замфира в экспериментальной группе

Методика	Показатели	2020		2022	
		Кол-во респондентов, чел.	Удельный вес в выборке, %	Кол-во респондентов, чел.	Удельный вес в выборке, %
Структура мотивации трудовой деятельности (К. Замфир)	Внутренняя мотивация	0	0	6	60,0
	Внешняя положительная мотивация	0	0	2	20,0
	Внешняя отрицательная мотивация	10	100,0	2	20,0
	Всего:	10	100,0	10	100,0

Таблица 3.

Динамика изменений структуры трудовой мотивации по методике К. Замфира в контрольной группе

Методика	Показатели	2020		2022	
		Кол-во респондентов, чел.	Удельный вес в выборке, %	Кол-во респондентов, чел.	Удельный вес в выборке, %
Структура мотивации трудовой деятельности (К. Замфир)	Внутренняя мотивация	0	0	1	10,0
	Внешняя положительная мотивация	0	0	0	0
	Внешняя отрицательная мотивация	10	100,0	9	90,0
	Всего:	10	100,0	10	100,0

Внутренняя трудовая мотивация снизилась за исследуемый период у 60% респондентов в среднем на 15,1%. Внешняя положительная мотивация также в контрольной группе имеет негативную тенденцию: у 90% респондентов она снизилась в среднем на 32,8%. Данный показатель может быть связан с тем, что на предприятии в течение длительного времени применялось только финансовое стимулирование. Известно, что мотивационный эффект от такого стимулирования может поддерживаться только при условии, что сумма материальных стимулов постоянно возрастает. Следовательно, больше внимания следует уделить развитию именно нематериальной системы мотивации, а также грамотному сочетанию этих двух подходов.

Внешняя отрицательная мотивация в контрольной группе выросла в 100% случаев в среднем на 42,7%. Данная динамика может быть связана с рядом негативных преобразований в организационной структуре предприятия и перераспределением обязанностей между подразделениями, представители которых входили в каждую из исследуемых групп. Значительная утрата внутренней мотивации к труду может быть соотнесена с потерей интереса к новым видам деятельности. Уровень мастерства, достигнутый работниками при выполнении определенных задач, мог позволить достигать переживания «потока», которое могло быть утрачено в ходе структурных и должностных преобразований. С целью подтверждения либо опровержения данной гипотезы нами планируется дополнительное исследование, связанное со спецификой предпочитаемой деятельности.

Сравнительный анализ полученных данных по двум группам показывает, что группа, принимавшая участие в психокоррекционных мероприятиях, проде-

монстрировала значительный рост уровня внутренней трудовой мотивации, и, одновременно снижение доли внешней отрицательной мотивации в мотивационной структуре. Контрольная группа продемонстрировала в 100% случаев наличие наименее продуктивной структуры трудовой мотивации, отраженной в формуле $ВОМ \geq ВПМ \geq ВМ$.

У представителей экспериментальной группы значительно увеличились показатели мотивации достижения успеха, а также наиболее оптимальная составляющая из структуры трудовой мотивации по К. Замфиру – внутренняя мотивация.

Сравнение полученных результатов по каждой из групп свидетельствует о наличии значительных различий в их системах трудовой мотивации.

Для выборки с нормальным распределением с целью определения достоверности выдвинутой гипотезы применим непараметрический парный Т-критерий Вилкоксона. Сформулируем рабочие гипотезы: H_1 – вследствие проведения коррекционных мероприятий внешняя отрицательная мотивация у испытуемых снизилась. H_0 – коррекционные мероприятия не оказывают позитивного влияния на внешнюю отрицательную трудовую мотивацию. Расчет критерия Т-Вилкоксона представим ниже в таблице 4.

Считая, что $T_{эмп} < T_{кр}$, принимается гипотеза H_1 о наличии положительного воздействия на работников от применения программы психологической коррекции трудовой мотивации подтверждается на уровне достоверности 99%.

Таким образом, вследствие проведения коррекци-

Таблица 4.

Расчет парного критерия Т-Вилкоксона

Испытуемые	ВОМ до	ВОМ после	Сдвиг (значение разности с учетом знака)	Абсолютные величины разностей	Ранги абсолютных величин разностей	Символ нетипичного сдвига
1	15,5	14	-1,5	1,5	2	
2	18	13	-5	5	8,5	
3	19	13	-6	6	10	
4	17	15	-2	2	4	
5	17	13	-4	4	7	
6	13,5	11,7	-1,8	1,8	3	
7	18	13	-5	5	8,5	
8	16,5	13	-3,5	3,5	6	
9	18,5	15,7	-2,8	2,8	5	
10	16	17,3	1,3	1,3	1	+
Сумма рангов					55	$T_{эмп} = 1$

онных мероприятий внешняя отрицательная трудовая мотивация у испытуемых снизилась в 80% случаев, что в дальнейшем актуализирует вопрос о включении разработанной коррекционной программы в обязательный этап оценки персонала телекоммуникационного предприятия, а также может быть использована на других предприятиях, где необходимо повысить трудовую мотивацию.

Заключение

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что программа психокоррекционного воздействия была разработана с учетом поддержки доминирующей мотивацией достижения, а также минимизации количества респондентов с неопределённым мотивационным полюсом. В ходе коррекционных мероприятий был сформирован и применен комплекс упражнений, направленных на формирование приемлемой мотивационной модели трудового поведения, развитие коммуникативных навыков как фактора успешного обмена информацией, способствующего оптимизации и развитию мотивации сотрудника, установлению в коллективе благоприятных межличностных взаимоотношений, а также оказывающих стимулирующее воздействие на стремление к самопознанию и саморазвитию. Уделено внимание развитию навыков ведения конструктивного и бесконфликтного межличностного диалога с целью обучения сотрудников принципам командного взаимодействия.

Разработана и применена социально-психологическая анкета «Погружение в деятельность», позволяющая участникам испытать «ощущение потока» в ходе выполнения специально подобранного ряда индивидуальных заданий. Исходя из данных опроса, можно утверждать, что цель разработки анкеты оказалась достигнута, так как для 80% респондентов задание было подобрано верно и вызвало интерес в ходе его выполнения. 70% респондентов смогли за отведенное время в процессе концентрации мыслительных процессов на предложенном задании пережить «ощущение потока». И, что является с нашей точки зрения наиболее важным результатом от применения авторской анкеты, 80% респондентов ответили утвердительно на вопрос: «Хотите ли Вы снова ощутить подобное состояние?», что свидетельствует о возникновении качественно нового этапа в формировании внутренней мотивации работника.

По окончании программы проведен психодиагностический срез по методике А.А. Реана. Выявлено, что в экспериментальной группе наблюдалось повышение мотивации достижения успеха на 30%. Удельный вес респондентов с невыраженным мотивационным полюсом, в свою очередь составил 20%. Мотивация

достижения успеха среди испытуемых контрольной подгруппы снизилась на 10% и на 10%, соответственно, вырос показатель невыраженного мотивационного полюса, что является показателем наличия негативных тенденций в системе мотивации персонала на предприятии.

Сравнительный анализ полученных данных по методике К. Замфира по двум группам показывает, что группа, принимавшая участие в психокоррекционных мероприятиях, продемонстрировала значительный рост уровня внутренней трудовой мотивации и одновременно снижение доли внешней отрицательной мотивации в мотивационной структуре. Внутренняя мотивация выросла на 60%, а внешняя положительная мотивация, которая также является достаточно приемлемой в сфере труда, на 20%. Контрольная группа продемонстрировала в 100% случаев наличие наименее продуктивной структуры трудовой мотивации ($BOM \geq BПМ \geq BM$).

Для корректировки не выраженного мотивационного полюса и изменения мотивационной структуры в сторону развития внутренней мотивации можно порекомендовать администрации предприятия предлагать таким сотрудникам для решения актуальные задания, постепенно усложняя их, при этом оказывать некоторую помощь и давать консультации в их реализации. В рамках общей цели сотрудникам необходимо давать высокие, но адекватные и достижимые задачи, что поможет сформировать навыки и стремление к целеполаганию, при этом необходимо позаботиться об оказании межличностной поддержки, формировании благоприятной атмосферы в коллективе. Сотруднику же с не выраженным мотивационным полюсом можно порекомендовать выработать привычку к самоанализу, усвоить содержание ситуаций и алгоритм действий, при которых достигались положительные результаты. Также развивать мотивацию успеха в рамках групповых тренингов внутри структурного подразделения.

Перспективами дальнейших исследований является возможность применения полученных данных в ходе совершенствования системы трудовой мотивации на предприятии, а также внедрение предложенной программы психокоррекционных мероприятий в рамках тренингов и ежегодной оценки сотрудников с целью формирования и развития внутренней трудовой мотивации персонала. Это позволит в среднесрочной перспективе (2022-2027 гг.) достичь и закрепить уровень развития преобладающей внутренней трудовой мотивации у 70-80% работников с поправкой на коэффициент текучести кадров, который вследствие всестороннего внедрения программы также удастся зафиксировать на уровне 8-9% через 5-7 лет, что является приемлемым для сферы телекоммуникаций в Донбасском регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герчиков В.И. Нематериальное стимулирование персонала // Мотивация и оплата труда. 2005. № 1. С. 2-10. URL: <https://grebennikon.ru/article-GAIC.html> (дата обращения: 25.09.2022).
2. Ильин Е.П. Мотивы человека: теория и методы изучения: учебн. пособие. К.: Выща школа. 1998. 292 с.
3. Немов Р.С. Психология: учебн. для студ. высш. пед. учеб. заведений: в 3 кн. 4-е изд. М.: Владос: ИМПЭ. 2001. 288 с.
4. Психология. Словарь / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М.: Политиздат. 1990. 494 с.
5. Токарева Ю.А., Глухенькая Н.М., Токарев А.Г. Мотивация трудовой деятельности персонала: комплексный подход: монография; Урал. федер. ун-т им. Б.Н. Ельцина, Шадр. гос. пед. ун-т. Шадринск: ШГПУ. 2021. 216 с.
6. Хагур Ф.Р. Вклад зарубежных ученых в исследовании мотивации трудовой деятельности // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2016. № 4. С. 121-125.
7. Шапиро С.А. Циклическая концепция мотивации труда // Труд и социальные отношения. 2012. № 6. С. 21.
8. Якуб А.С., Абелите Л.Л., Ширяев Д.А. Связь тревожности с мотивацией достижения успеха и избегания неудач (женский аспект проблемы) // Молодой ученый. 2011. № 9. С. 174-180.
9. Egbule E. Work motivation conceptualization, theories and techniques. 28.2022. URL: <https://clck.ru/32GtgL> (дата обращения: 25.09.2022).
10. Husein D., Zamira, Jahiu G., Geci D. The Interplay of Individual and Organizational Factors With Early Childhood Teachers' Level of Work Motivation, job Satisfaction, and Burnout. International Journal of Educational Reform. 31.2022. 1-16. DOI: 10.1177/10567879221114891. URL: <https://clck.ru/32Gtbv> (дата обращения: 25.09.2022).
11. Nordgren Selar A. Psychological perspectives on performance-based compensation: Implications for work-related and health-related outcomes. 2022. DOI: 10.13140/RG.2.2.33436.16000. URL: <https://clck.ru/32Gtds> (дата обращения: 25.09.2022).

© Рядинская Евгения Николаевна (muchalola@mail.ru), Волобуев Вахтанг Вячеславович (goodpsychologist@gmail.com)
 Чабелец Елена Николаевна (psich-distant@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ, ОПТИМИЗИРУЮЩИЕ ПРОЦЕСС РАЗВИТИЯ КРЕАТИВНОСТИ

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OPTIMIZING THE PROCESS OF CREATIVITY DEVELOPMENT

**G. Suleeva
A. Yessetova
G. Arkabayeva**

Summary: This article is devoted to the process of the impact of innovative technologies on the psychological factors of the formation of creative qualities of a person, depending on the creative and individual characteristics of the character, aimed at quickly adapting to changing requirements. Knowledge of the psychological foundations of professional creativity, musical perception, readiness for independent search and the use of new computer technologies will enhance the development of creativity as a transformative side of a creative person. Creativity as a psychological factor of ability is interpreted very superficially, we are interested in structural differentiation, functional mechanisms that activate specific levels of creativity development, self-realization, value-motivational spheres of a creative personality, social motives, reflexive aspects, cognitive orientations. Today, the understanding of creativity as a transformative side of a creative personality, its classification properties, aimed at creating the most productive forms of psychological support, influencing the development, formation of the structural, content, technological aspects of creativity, in combination with motivational, communicative, competent, existential parameters, which are based on intelligence and personality traits. These factors made it possible to explore the process of dynamic development of the psychological aspects of creativity, an ambiguous understanding of the very term «creativity».

Keywords: creativity, innovations, creative abilities, competence, motivation, creative potential, mental abilities, psychological factor, creative personality.

Сулеева Гульжан Созакпаевна

Кандидат филологических наук, профессор, Казахская национальная консерватория им. Курмангазы
suleeva71@mail.ru

Есетова Айнур Такеевна

Кандидат педагогических наук, доцент, Казахская национальная консерватория им. Курмангазы
esimail5577@gmail.com

Аркабаева Гульсм Сейткаримовна

Магистр филологических наук, преподаватель, Казахская национальная консерватория им. Курмангазы
arkabaeva.77@mail.ru

Аннотация: Данная статья посвящена процессу воздействия инновационных технологий на психологические факторы формирования креативных качеств личности, зависящих от творческих и индивидуальных особенностей характера, направленных на быстрое адаптивное к меняющимся требованиям. Знание психологических основ профессионального творчества, музыкального восприятия, готовность к самостоятельному поиску и применение новых компьютерных технологий позволят усилить процесс развития креативности как преобразовательной стороны творческой личности. Креативность как психологический фактор способности трактуется весьма поверхностно, нас интересуют структурная дифференциация, функциональные механизмы, активирующие специфические уровни развития креативности, самореализация, ценностно-мотивационные сферы творческой личности, социальные мотивы, рефлексивные аспекты, познавательные ориентации. На сегодня не достаточно полно рассматриваются в существующей литературе понимание креативности как преобразовательной стороны творческой личности, её классификационные свойства, направленные на создание наиболее продуктивных форм психологического сопровождения, влияющие на развитие, становление структурных, содержательных, технологических аспектов креативности, в сочетании с мотивационными, коммуникативными, компетентными, экзистенциальными параметрами, основу которых составляет интеллект и личностные черты. Перечисленные факторы позволили исследовать процесс динамического развития психологических аспектов креативности, неоднозначного понимания самого термина «креативность».

Ключевые слова: креативность, инновации, творческие способности, компетентность, мотивация, творческий потенциал, мыслительные способности, психологический фактор, креативная личность.

Глобальные преобразования, происходящие в современном обществе, социально-ориентированные проекты, модернизация образования, внедрение инновационных технологий, требуют усовершенствования конкурентноспособного образования, выпуска универсального, нестандартно мыслящего специалиста, осознающего свою креативную созидательную миссию, с достаточно высокими критериями профессиональной компетенции. В настоящее время окружающий мир становится непредсказуемо сложным, динамичным, увели-

чивающим границы между познавательными возможностями человека и все возрастающим информационным потоком. Быстроте воплощения оригинальных идей, инноваций, мотивации, компетентности, гибкости, мгновенной коррекции собственного поведения и при этом оставаться успешным и востребованным, помогает креативность, – как особая форма самовыражения, проявляемая во всех сферах деятельности, в нашем случае, в музыкальном творчестве, отвечающая за вовлеченность в среду культуры, ее ценностный мир.

Во многих исследованиях – творчество отождествляют с креативностью; будучи креативным продуктом искусства, создающие креативную среду общения (креативные творческие личности), творчество которых является новым, органичным и уникальным явлением культуры. При определении «креативности», «творчества», как «принципа новизны», мы основывались на труды А. Маслоу, рассматривающего «креативную личность как особенную разновидность человека, обладающего креативным потенциалом» [1], тонко чувствующего смену культурных парадигм, степень новизны, отличающиеся новаторским духом, творческим воображением, прогрессивным мышлением, гениальностью.

В задачу нашего исследования входит изучение процессов воздействия психологических аспектов, влияющих на формирование креативности студентов музыкальных вузов, психолого-педагогические методы, обеспечивающие подготовку и создание продуктивных, высоко эффективных программ формирования психологического сопровождения, влияющего на развития креативности.

Необходимость решения этих задач определили актуальность данной работы, обусловили проблему исследования, которая не имеет единого взгляда в определении психологических факторов классификационных особенностей, свойств креативной личности, содержательные, технологические аспекты, основные критерии необходимые для эффективного психологического потенциала развития креативности.

Особое внимание заслуживают такие мотивационные структуры как: самореализация и самоактуализация, мотив достижения и познавательная мотивация с целью понять, что же реально движет креативной личностью; как проявляются социальные механизмы стимуляции креативности современного человека, его потенциальные способности к анализу, самоанализу; креативное мышление, чутье к творческим формам освоения деятельности, определяемые как оригинальные, продуктивные, эвристические и т.п.

Креативность, напрямую зависящая от индивидуальных особенностей личности, обладая своеобразной спецификой, есть универсальная категория, обеспечивающая определенные достижения. Отличительными способностями личности являются: не стереотипность мышления; умение «с помощью анализа и синтеза решать проблемы» [2], «формировать гипотезы, проверять и модифицировать объективные оценки достижения результатов» [3].

Основываясь на выделенных Дж.Гилфордом шести основных параметрах креативности [4], четырех аспектах явления креативности Р.Мау, объединяющих интел-

лектуальные, волевые и эмоциональные функции [5], а так же на определении Е.П. Торренса креативности как способности «обостренному восприятию недостатков, дефициту знаний, восприятие проблемы, поиска решения» [6], мы пришли к выводу, что «интеллектуальный потенциал, сопоставимый по величине с вкладом в создание креативного продукта, зависит от личностных свойств, толерантности к неопределенности [7], направленности на освоение нового, умения оценивать свой опыт [8] – как субъективная детерминанта, представляет собой разностороннее психологическое образование с многоаспектными параметрами, индексирующая тесную взаимосвязь с уровнем свойств личности и целостного познавательного процесса.

Как инновационное преобразование, креативность находит свое проявление на уровнях – личность, процесс, результат, взаимосвязь с креативной средой, служащей для реализации собственного потенциала, освоении инновационных технологий, направленных на оптимизацию сенсорно-перцептивных форм.

В психологии креативности разработан ряд концепций, определяющих смысловые характеристики креативности: Л. Термен, К. Кокс, Д. Векслер, Г. Айзенк считают, что уровень творческих способностей определяется уровнем развития интеллекта. Д.Б. Богоявленская, ввела понятие «креативная активность личности» [2], свойственная творческому типу; Т.А. Барышева и Ю.А. Жигалов утверждают, что как специфическая форма психической активности, как «творческий процесс – есть ситуативно нестимулированная активность» присущую творческому типу личности, в основе которой лежит «интеллектуальная активность», включающая познавательный (умственные способности) и «мотивационные компоненты» [9]; Р. Стернберг и Е. Григоренко считают, что творческие люди, поступая оригинальным и целесообразным образом, руководствуясь не стандартными решениями, способны к преобразованию, генерированию оригинальных идей [10]; В.Н. Дружинин и Н.Ю. Хрящева под динамическими характеристиками креативности подразумевают одаренность, богатство воображения, нестандартное мышление, эстетические ценности, конструктивную проработку деталей, основным приоритетом авторы относят – самообладание, развитие собственного опыта, уверенность в себе [11;12].

Методы исследования: наблюдения, анкетирование, беседы, тесты креативного мышления, измерения индивидуального креативного потенциала, деятельностный подход, персонализация, детерминизм, личностно ориентированный принцип, тестовые методики определения эмпатии, направленности личности, самооценка личности.

В нашем понимании креативность и сам поток креа-

тивного процесса, как многоуровневая психологическая система, основанная на интеллектуальном, эстетическом потенциале, мотивации, коммуникативных параметрах, компетентности [13], – есть «универсальная познавательная творческая способность», с не стереотипными формами мышления [14], влияющая на поведенческую стилистику, уникальные преобразования, личностно-смысловые и сигнификационные умения продуцировать новые идеи, применять их на практике [15].

В своей работе мы руководствовались трудами, посвященными исследованию креативности: Е.П. Торренса, С. Медник, В.Н. Дунчева, Т.В. Корнилова, рассматривавших интеллект в личностном аспекте как «предпосылку креативности»; психологическими работами А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, Л.С. Выготского; личностно-ориентированной системой А. Маслоу, К. Роджерса; интуитивной эрудицией Я. Соколова; самооценкой – Т.Д. Дембо; рассмотрели: самоактуализацию, как процесс реализации человеком своего потенциала К. Тэйлора, К. Роджерса, Н. Роджерса; продукт, процесс, человек Ф. Баррона, Дж. Рензулли, К. Хеллера, А.М. Пертайтите; синтетическое явление Я.А. Пономарева, Л.Б. Ермолаевой-Томиной, позволившие нам прийти к определению креативной личности как многогранной индивидуальности, социально-духовной личности (У. Джеймс, Леонтьев Д.А.), обладающей «уникальным созвездием неповторимых специфических черт» (Дж. Гилфорд), способной выходить «за пределы самого себя» (С.Л. Рубинштейн), с творческим мышлением (М.А. Воллах, Е.П. Торренс, Н.Ю. Хрящева, М.А. Холодная) и «психологической организацией, представляющей единство, «целостность самореализационных и самоутверждающих принципов» (А. Маслоу, К. Роджерс, Н. Роджерс), психологической ценностно-мотивационной регуляцией, в мыслительном процессе, которого, главным приоритетом является «гештальм», «конечный продукт».

Итак, креативность как многоаспектная, самостоятельная, всеобъемлющая система, как когнитивный процесс, проявляемый в инновационном ракурсе творческой деятельности, зависит от свойств творческого

мышления, воображения, фантазии, генерирования творческого инсайта, компетентности, стимула, реакции, мотивации на творчество, поиска потенциальных возможностей, с неоднозначным и широким диапазоном понимания и трактовки есть:

1. способность к самовыражению, взаимодействовать с «ОНО», «Я», и «Сверх-Я» (К.В.Тейлор);
2. умение сочетать когнитивные, мотивационные формы творческого мышления в инновационном пространстве (М.Родес, Я.А.Пономарева);
3. готовность активировать личностный и интеллектуальный потенциал в процессе принятия ответственных решений, разработке оригинальных идей, отличающихся новизной (О.К.Тихомиров);
4. предвидение новых возможностей, прогнозирование дальнейших действий, знание механизмов саморегуляции, интуитивного озарения, активизирующие творческую продуктивность (Е.П.Ильин);
5. созидательная категория и спонтанность в принятии решений, смелость в суждениях, восприимчивость к новейшим технологиям, эмоциональная гибкость, открытость к творческим порывам;
6. знание психологических основ музыкального (исполнительского) творчества, необычность, оригинальность стилей, направлений, парадигм в искусстве и т.д.

Каждая из перечисленных черт является аспектом умственной деятельности, движущей силой включаемых в проявлении креативности как важнейшего ресурса саморазвития, где главным приоритетом является универсальная способность к творчеству, проявляемая в профессиональной деятельности; комплексные, интегративные, индивидуально-психологические, мотивационные качества личности, зависящие от субъективного, объективного, рационального, эмоционального настроения личности, среды, оценочных и мыслительных решений переоценки, трансформирование информации, ценностных приоритетов – составляющие ядро, фундамент психологической сущности творческого процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики / пер. с англ. А.М. Татлыбаевой. – СПб., 1999. – 432 с.
2. Богоявленская Д.Б. Психология творческих способностей. – М., 2002. – 320 с.
3. Жигалов Ю.А. Психолого-педагогические основы развития креативности. – СПб., 2006. – 268 с.
4. Guilford, J.P. Creativity / J.P. Guilford // American Psychologist. – 1950. – №5. – Р. 444–454; Гилфорд Дж. Структурная модель интеллекта. Психология мышления. – М., 1965. – 244 с.
5. Мау Брюс. Неполный манифест творческого роста // Искусство управления – М.: 2001. – №1 (7).
6. Torrance E.P. Guiding creative talent. Englewood Cliffs, W.J., 1964. – 234 p.
7. Корнилова Т.В. Толерантность к неопределенности и интеллект как предпосылка креативности // Вопросы психологии. 2010. – № 5. – С. 3–13.
8. Хелен Г. Когнитивная психология / пер. с англ. С. Комарова. – СПб., 2003. – 268с.

9. Барышева Т.А., Жигалов Ю.А. Психолого-педагогические основы развития креативности. СПб., 2006. – 268 с.
10. Стернберг Р., Григоренко Е. Инвестиционная теория креативности // Психологический журнал. – 1998. – Т. 19. – № 2. – С. 144–160.
11. Дружинин В.Н. Психология и психодиагностика общих способностей. – М., 1994. – 343 с.; Психология: учебник для гуманитарных вузов / под общ ред. В.Н Дружинина. – СПб., 2009. – 656 с.
12. Хрущева Н.Ю. Психологический тренинг. Тренинг развития креативности. Игры гештальт-терапии. – СПб., 1993. – 76с.
13. Корнилова Т.В. Толерантность к неопределенности и интеллект как предпосылка креативности // Вопросы психологии. 2010. – № 5. – С. 3–13.
14. Ильин Е.П. Психология творчества, креативности, одаренности / Е.П. Ильин. – СПб. : Питер, 2009. – 448 с.
15. Гурова Л.Л. Когнитивно-личностные характеристики творческого мышления в структуре креативности // Вопросы психологии. 1991. – № 6. С. 14–21.

© Сулеева Гульжан Созакпаевна (suleeva71@mail.ru), Есетова Айнур Такеевна (esimail5577@gmail.com),
Аркабаева Гульсэм Сейткаримовна (arkabaeva.77@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Казахская национальная консерватория им. Курмангазы

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КОРРЕКЦИЯ СТРУКТУРЫ МОТИВАЦИИ В СВЯЗКЕ «УЧИТЕЛЬ ^ УЧЕНИК» В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ПО ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ В ВУЗЕ

PSYCHOLOGICAL CORRECTION OF THE MOTIVATION STRUCTURE IN THE 'TEACHER , STUDENT' BUNDLE IN THE PROCESS OF STUDYING PHYSICAL CULTURE AT THE UNIVERSITY

V. Chernyshev
E. Timoshkov
A. Varnina
V. Avanesov

Summary: The article analyzes the state of affairs in physical education at the university at the present stage. It is noted that the normative-imperative style of relationships in the 'teacher-student' relationship is undergoing significant transformations. The content of the subject is not the basis for a motivated attitude towards the learning process for a large part of young people. At the same time, a significant part of the teaching staff of universities continues to consider their role as a leader as a sufficient basis for translating their values. The contradiction that arises in the process of communication can be fatal for the formation of students' sustainable interest in physical culture. To resolve this contradiction, it is proposed to construct a dialogue space of a special kind, in which not target indicators come first, but the personal relations of the participants in the dialogue. The figure of a teacher in this space turns out to be an instance that does not subjugate students, building trusting relationships with them. The task of teachers is to make the values of physical culture meaningful and authorial for the students themselves. It is emphasized that when training teachers in special educational institutions, it is necessary to correct curricula with an emphasis on the current state of educational content.

Keywords: education in physical culture, needs, motivation, values.

Чернышев Виктор Петрович

кандидат педагогических наук, Тихоокеанский государственный университет
chernyshov_vp@mail.ru

Тимошков Егор Викторович

старший преподаватель, Тихоокеанский государственный университет
timtim.91@yandex.ru

Варнина Анжелика Сергеевна

старший преподаватель, Морской государственный университет им. Г.И. Невельского
lavrovasonya 6996@gmail.com

Аванесов Вичиган Семенович

Армовирский государственный педагогический университет
avanesov54@list.ru

Аннотация: В статье анализируется состояние дел в физкультурном образовании в вузе на современном этапе. Отмечается, что нормативно-императивный стиль взаимоотношений в связке «учитель — ученик» претерпевает существенные трансформации. Содержание предмета не является для большей части молодых людей основанием для мотивированного отношения к процессу обучения. При этом значительная часть преподавательского состава вузов продолжает считать свой ролевой статус руководителя достаточным основанием для трансляции своих ценностей. Возникающие в процессе коммуникации противоречия могут стать фатальными для формирования у студентов устойчивого интереса в физической культуре. Для разрешения указанного противоречия предлагается конструирование пространства диалога особого вида, в котором на первое место выходят не целевые показатели, а личностные отношения участников диалога. Фигура преподавателя в этом пространстве оказывается инстанцией не подчиняющей студентов, в выстраиваемых с ними доверительных отношениях. Задача педагогов сделать ценности физической культуры значимыми и авторскими для самих студентов. Подчеркивается, что при подготовке преподавателей в специальных учебных заведениях необходима коррекция учебных программ с акцентом на современное состояние образовательного контента.

Ключевые слова: образование по физической культуре, потребности, мотивация, ценности.

Проблематика мотивации и целеполагания стала стержневой темой исследования в психологии XX века. Ведущие психологи (А.Н. Леонтьев, В.С. Мерлин, Д.Н. Узнадзе, А. Маслоу и др.) значительную часть своих исследований посвятили изучению данной проблематики, а классик отечественной психологии С.Л. Рубинштейн считал что мотивы составляют ядро личности. Следует подчеркнуть, что современные специалисты лишь наследуют мощной исторической традиции исследования потребностей, страстей и влечений, идущей из самых

глубоких уголков истории. Как в рамках мифологического мышления, в котором базой для изучения необычного становился образ, а в рамках религиозно-философской мысли место образов заняли абстрактные понятия, так современная научная мысль оперирует формулами и числами, пытаясь экспериментально верифицировать и оформить в виде точных определений такие черты личности, которые при этом продолжают ускользать от пристального взгляда исследователя. Это означает только то, что изучение причин активности человека и животных,

их детерминации, было и остается актуальной проблематикой психологических исследований.

Целью данной работы стала попытка теоретически обосновать возможность коррекции устойчивых мотивов поведения студентов в рамках освоения учебной дисциплины «Физическая культура и спорт» через анализ особенностей взаимоотношений в связке «ученик — учитель». Основой исследовательской позиции послужило положение, имеющие те же структурные особенности, что и другие ситуации, где есть подчиненный и руководитель. По мнению С. Милгрэма: «... во всех ситуациях человек реагирует не столько на содержание требований, сколько исходит из взаимоотношений с их источником» [3., С.229]. Автор подчеркивает, что если источник команды — легитимный авторитет, взаимоотношения перевешивают содержание. Взаимоотношения в связке «ученик — учитель» легитимированы традиционными представлениями всех частей структуры о ролевом статусе каждой [4], область физической культуры в этом аспекте выделяется на общем фоне той особенностью, когда подчинение одних сопровождается не пассивным принятием команд, а необходимостью при их выполнении идти против собственной природы, априори стремящейся содержать организм в состоянии гомеостаза. Второй особенностью современного оформления взаимоотношений в данной связке стало обилие информационных источников, представленных в образовательном поле. В предыдущей модели образования легитимность учительской позиции не подвергалась сомнению ни как со стороны самих учеников, ни как со стороны их родителей. Сегодня именно родители современных студентов стали той инстанцией, для которой поиск наилучших образовательных траекторий их детей очевидный тренд, своими действиями они существенно нивелируют легитимность традиционной структурной матрицы. В основе исследования лежит понимание того, что несмотря на сохраняющуюся легитимность образовательной структуры как важной социальной организации целого, внутри нее появился свободный, не запуганный субъект действия (студент), вынужденный соглашаться с правилами под угрозой насилия, а субъект, который не охотно покоряется в силу отведенной ему социальной роли, но заинтересован осуществлять жизнедеятельность согласно требованиям структуры. В этой связи по особенному высвечивается проблематика междупоколенческих отношений, ставшая сегодня предметом пристального внимания социальных ученых [5]. Господствующим на бытовом уровне представлением старшего поколения стало массовое неприятие молодежных форм субкультуры и не менее активное неприятие молодыми людьми ценностей и установок старших. Используя терминологию А. Ахиезера [1] можно констатировать серьезный междупоколенческий разрыв в структуре общественного организма. Образование как фундаментальный институт общества не только не избегает данной проблематики, напротив, именно внутри ее структуры

данное противоречие существует в наиболее острой фазе. Многочисленные исследования в области детского и юношеского спорта свидетельствуют об особенной роли тренера по виду спорта в жизни детей в младшем школьном возрасте [6]. Внутри семейные противоречия оборачиваются со стороны детей поиском легитимной фигуры авторитета за пределами семьи. Такой фигурой часто становится тренер, авторитет которого может даже превышать авторитет родителей. При переходе к следующему возрастному периоду ситуация начинает меняться, смещаясь в сторону более критического отношения молодых людей, перманентно переосмысливающих набор жизненных перспектив и ценностей, в сторону повышения удельного веса содержания деятельности над формой. При этом важно отметить, что нельзя осуществлять прямой перенос отношения к тренеру по виду спорта и отношения к преподавателю учебной дисциплины. В младшем школьном возрасте подобный перенос вполне правомочен, тогда как в более поздний период эти две социальные позиции в сознании учащихся могут расходиться достаточно далеко. Традиционно большая часть исследований психологической совместимости учеников и педагогов формируется вокруг фигуры ученика, однако в данной работе ключевым актором стал учитель. Был организован опрос преподавателей кафедр физической культуры в нескольких регионах. Преподаватели были разделены по возрасту и стажу педагогической деятельности на три возрастные категории — 25+, 35+ и 50+. Всем были заданы одинаковые вопросы, ответы на которые принимались в свободной форме, в качестве рассуждения. Принципиальной разницы в оценке ситуации в образовании по физической культуре в вузе не было, практически все опрошенные оценивали данную ситуацию как около критическую. Отмечая значительное снижение статуса предмета в современных условиях большинство выделяло две причины создавшегося положения, одной из причин была банальная констатация факта не достаточного внимания к дисциплине со стороны руководства вуза и, как следствие, медленное обновление материально-технической базы, недостаток инвентаря, не удобное расписание занятий. В качестве второй причины неудовлетворенности состоянием дел почти единодушно стало обвинение молодых людей в пассивности, инфантильности и нежелании выполнять даже минимальные требования преподавателей. В этой связи вполне уместна аналогия из исторической науки, в которой утверждается что историю пишут победители. Для нашего случая эта аналогия дает возможность совершить процедуру аберрации, то есть радикально изменить точку зрения на проблему. Для преподавателей ситуация выглядит типичной в силу их плотной ангажированности имеющимися ценностями их профессиональной деятельности, более того, их социальный статус предполагает адекватное восприятие студентами этих ценностей. Официальный дискурс поощряет устоявшееся на практике распределение социальных ролей, то есть воспроизводится ситуация когда диалог

ведут подчиненный и руководитель. Возможности изменять степень взаимовлияния существует у обеих сторон диалога, но у студентов она существенно меньше. Такое положение позволяет преподавателям не рассматривать позицию студентов как авторитетную для себя и транслировать содержание сообщения обычно в императивной форме. Преподаватели, априори считая себя руководящей стороной не нуждаются в дополнительном обосновании своей позиции с точки зрения выстраивания более тонких взаимоотношений со студентами. Тем более что занятия большей частью проводятся групповым методом и на одного педагога приходится несколько студентов. Студенты, демонстрируя формальную готовность жить в соответствии со своим ролевым статусом, гораздо сильнее ориентированы не на содержание регламентированной деятельности, а на выстраивание, пусть даже интуитивное, таких взаимоотношений с педагогом, при которых транслируемое им содержание получает лично окрашенную легитимацию. Мотивация к физическому саморазвитию становится явной только при условии личной значимости этого явления, нуждающейся в психологическом подкреплении со стороны легитимного авторитета. Другими словами, если в лице педагога по физической культуре студенты видят инстанцию, достойную их внимания, процесс обучения обретает параметры конструктивного диалога. В намеченной точке пересечения интересов часто лежит камень преткновения, когда одна сторона диалога уверена в своем праве транслировать императивным способом содержание предмета, а другая ищет возможности обоснования своих усилий в позиции внешнего авторитетного мнения.

Понятие «побуждение» в различных мотивационных теориях рассматривается либо как дополнительный объяснительный конструкт поведения, либо как основание для активности индивида. По мнению А.Н. Леонтьева каждое действие в составе деятельности может не иметь собственного мотива, но это не значит, что эти действия не мотивированы [2], просто для деятельности и действий имеется общий мотив. При этом цели деятельности и каждого действия в ее составе могут быть диаметрально противоположными, но при этом обусловлены смыслом деятельности. Исходя из этого можно сделать вывод, что общим смысловым стержнем осуществляемой учеником и педагогом программы по физическому развитию является такое оформление структуры педагогической ситуации диалога, когда общий смысл для всех участников окажется проявленным и понятным. Очевидно, что большая доля ответственности за осуществление подобного положения лежит на педагогах. Как мы выяснили, прямое императивное побуждение к деятельности в современных условиях имеет низкий содержательный эффект. Значит поиск общего побудительного мотива может лежать в плоскости организации диалога особого типа, когда позиция учительского авторитета становится значимой для учащихся не в силу нормативного статуса, а в силу осмыс-

ления значимости действий для самих студентов. Для организации диалога преподаватели должны учитывать потребности современных молодых людей, как внутренний побудитель активности, не навязывая в качестве мотива цель деятельности, отстающую, как правило, в отдаленном будущем. Побуждение к деятельности через поощрение потребностей это не создание на занятиях хаоса, когда каждый будет реализовывать только свои желания. Сами студенты, вовлеченные в активный поиск общих для них всех потребностей по физическому развитию, создают ситуацию, в которой побуждение к действию оказывается их личным делом. Другими словами, сами студенты становятся авторами осознанного мотива деятельности, а педагоги своим профессиональным авторитетом только поддерживают данную активную позицию. В пространстве возникшего диалога цель перестает быть маркером успеха, таковым становится непосредственно процесс деятельности, сам по себе побуждающий все стороны к творческой активности. Очевидно, что в рамках рутинной повседневности организовать пространство диалога не просто, что не отменяет данной задачи, выводя ее разрешение в психологическую плоскость. В психологическом лагере нет единства в понимании потребности, но большинство ученых согласны что потребность это функция сознания, основывающаяся активность индивида. В современном мире, с его скоростями и обилием информации, потребности могут оставаться не узанными самим агентом деятельности, что порождает в сознании депрессивные и девиантные состояния. Обратный этому процесс превращения потребностей в ценности может состояться только в пространстве диалога, в котором нормативно авторитетная инстанция (педагог) становится соавтором осознания настоящих потребностей другой инстанции (учеников). Данный аспект следует акцентировано включать в учебные программы вузов где проходит подготовка будущих специалистов в области физической культуры. Только осознаваемая потребность может стать ценностью и принося удовлетворение оставаться пролонгированной на длительный срок. В таком режиме учебный предмет «Физическая культура и спорт» в вузе может стать местом удовлетворения не только потребностей, но и амбиций по саморазвитию личности.

Пересмотр устоявшихся подходов в современном образовании происходит стремительно, выход на передовые позиции в процессе обучения студентов не отменяет значимости преподавательского труда, но предъявляет в педагогам существенно скорректированные временем требования. При цифровом обилии источников знаний пространство диалога особого типа становится местом встречи двух социальных позиций. Авторитетность педагогической позиции сегодня не может быть основана на подчинении нормам. Содержание посылаемого педагогами сигналов будет проинтерпретировано учениками адекватно, если сам источник сигнала сможет выступить в виде подкрепляющего стремление к саморазвитию авторитета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахиезер А.С. ТРУДЫ. А.С.Ахиезер. М.: Новый хронограф, 2006. - 480 с.
2. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. - Е.П.Ильин. - СПб, Питер. 2000.- 512 с.
3. Милгрэм С. Подчинение авторитету: Научный взгляд на власть и мораль. / Стэнли Милгрэм; пер. с англ. - М.: Альпина нон-фикшн, 2021. - 282 с.
4. Чернышев В.П., Хабарова О.Л., Белкина Н.В., Бачурина Ю.В., Покусаева Н.В. ОКУЛЬТУРЕННЫЕ ФОРМЫ ФИЗИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ПРИВАТНОЙ ЗОНЫ ЛИЧНОСТИ Социология. 2021. № 2. С. 223-227.
5. Чернышев В.П., Соболева А.А., Чернышева Л.Г., Юречко О.В., Алексеева Ю.П. ПРЕОДОЛЕНИЕ МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОГО РАЗРЫВА В СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ СРЕДСТВАМИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ. Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2022. №3. С.133-136.
6. Чернышев В.П., Чернышева Л.Г., Мацко А.И., Варнина А.С. Современное состояние физической культуры как маркера социальных изменений общественного устройства. Социология. 2021. №6. С.64-69.

© Чернышев Виктор Петрович (chernyshov_vp@mail.ru), Тимошков Егор Викторович (timtim.91@yandex.ru), Варнина Анжелика Сергеевна (lavrovasonya 6996@gmail.com), Аванесов Вичиган Семенович (avanegov54@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Тихоокеанский государственный университет

ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СИТУАЦИИ ВЫСОКОКОНФЛИКТНОГО РАЗВОДА

Чижова Карина Игоревна

к. п. н., доцент, Московский институт психоанализа

Carina-7@mail.ru

CHILD-PARENT RELATIONSHIPS IN A HIGHLY CONFLICTED DIVORCE SITUATION

K. Chizhova

Summary: The article analyzes a highly controversial divorce, which affects the child, and becomes the subject of legal disputes between parents who have not come to an agreement on the settlement of the consequences of divorce for the child. Based on the theoretical analysis, an empirical study of 107 families in a situation of divorce was conducted. The article presents the results of cluster analysis: individual psychological characteristics of children; individual psychological characteristics of a parent living with a child; individual psychological characteristics of a parent living separately from a child.

Keywords: highly controversial divorce, relationship between child and parent, parental position, personal characteristics of children and parents.

Аннотация: В статье анализируется высококонфликтный развод, который влияет на ребенка, и становится предметом судебных споров между родителями, не пришедшими к соглашению по вопросам урегулирования последствий развода для ребенка. На основе теоретического анализа было проведено эмпирическое исследование 107 семей, находящихся в ситуации развода. В статье представлены результаты кластерного анализа: индивидуально-психологических особенностях детей; индивидуально-психологических особенностях родителя, проживающего с ребенком; индивидуально-психологических особенностях родителя, проживающего отдельно от ребенка.

Ключевые слова: высококонфликтный развод, взаимоотношения ребенка и родителя, родительская позиция, личностные характеристики детей и родителей.

В семейной психологии развод рассматривается, как ненормативный кризис, который затрагивает всё семейную систему, в том числе, конечно, детей, которые в силу своего возраста и эмоциональной зависимости от родителей оказываются уязвимыми к психотравмирующему действию развода. Одной из декларируемых родителями мотиваций развода (объективной или субъективной) является защита ребенка. Но даже в этом случае развод – решение взрослых, и ребенок, поставленный перед фактом разрушения его семьи, оказывается бессилен и беспомощен. По мнению австрийского психоаналитика и психотерапевта Г. Фигдора: «Если не считать особо тяжелых патологических случаев, в действительности существует две группы детей, которые эмоционально реагируют в ситуации развода: а) те, которые внешне проявляют свое психическое замешательство и свои страдания, и б) те, которые тоже страдают, но «не показывают» этого».[4]

Развод, предполагая полную реорганизацию семейной системы на всех уровнях – эмоциональном, коммуникативном, бытовом, экономическом, является крайне конфликтогенным событием, вернее периодом, часто длительным периодом жизни семьи. И, к сожалению, не каждая семья способна найти выход из этого кризиса самостоятельно, найдя некое компромиссное решение для дальнейшего взаимодействия. Ребенок, место его проживания и форма его общения с родителями в ситуации развода всё чаще становится предметом судебных

споров между родителями, не пришедшими к соглашению. Привлечение судом психологов и психиатров для решения экспертных вопросах в гражданских делах опирается на действующие в Российской Федерации правовые нормы, зафиксированные в Семейном Кодексе РФ (ст. 65 СК РФ, ст. 66 СК РФ) и такое правовое понятие, как «интересы ребенка», согласно которым перед специалистами могут быть поставлены задачи определения возможного негативного влияния психического состояния, индивидуально-психологических особенностей, особенностей воспитания каждого из родителей на психическое состояние и особенности психического развития ребенка.

Это ставит перед психологами, привлекаемыми судом к проведению таких экспертиз сложные и крайне актуальные методические задачи, связанные с выработкой принципов и стандартов исследования, методов исследования, определением основных психологических феноменов, на которые следует обращать внимание психологу, и, конечно, определением пределов профессиональной компетенции в вопросах, поставленных судом. Отношение ребенка к каждому из родителей – один из центральных феноменов, который надлежит исследовать и описать в рамках психологического обследования при проведении психологической или психолого-психиатрической экспертизы по делам, связанным с семейными спорами о порядке воспитания детей. Особенно явно это проявляется при наличии негативного отношения

ребенка к одному из родителей. Практика экспертиз показывает, что указание на негативное отношение ребенка к одному из родителей и ссылка на отрицательное влияние общения с одним из родителей на ребенка – частый и весомый аргумент противоположной стороны спора. Мнение родителя нередко подкрепляется заключениями специалистов (психологов, психиатров, неврологов) о наличии у ребенка расстройств невротического уровня (энурез, тики, фобии, нарушений поведения в форме капризности, тревожности и пр.), возникающих или усиливающихся после общения с другим родителем. Такие же основания используют специалисты, привлекаемые сторонами спора, мотивируя в своих заключениях целесообразность проживания ребенка с тем из родителей, по запросу которого проводилось исследование, и целесообразность ограничения контактов с другим родителем. Между тем, одной из важных проблем изучения этого феномена является то обстоятельство, что очное экспертное исследование – это кратковременное событие, высвечивающее актуальное состояние семейного конфликта и существующие на данный момент взаимоотношения между членами семьи. Но оценка отношения ребенка к родителям не может быть ограничена только текущим моментом, а должна быть исследована в динамике и развитии, с раскрытием механизмов формирования такого отношения и прогнозом его влияния на эмоциональное состояние и развитие ребенка.

В контексте детско-родительских отношений и психологической экспертной практики, высококонфликтный развод – это развод, происходящий в рамках судебного спора между родителями о порядке воспитания ребенка, сопровождающийся невозможностью родителей договориться; часто характеризующийся выраженной враждебностью, вербальной и физической агрессией. В этой ситуации дети глубоко вовлечены в конфликт, присутствуют при ссорах, участвуют в них, находятся в тесной коалиции с одним из родителей с формированием негативного отношения к другому родителю. Родители, попавшие в ситуацию интенсивного, длительного конфликта теряют способность дифференцировки, разделения своих чувств и желаний чувств и желаний ребенка, крайне нивелируют потребность ребенка в общении с обоими родителями. При исследовании реакции детей на ситуацию развода психолог сталкивается с часто невыполнимой задачей разделения реакции ребенка на развод родителей и реакции ребенка на конфликтные отношения между родителями. Ведь длительный период родительских конфликтов может как предвещать развод и сопровождать его на последующих стадиях развода, так и не завершиться, собственно, разводом, а стать постоянной или периодически возобновляемой нормой существования семейной системы. И исследователи, и практикующие психологи и психотерапевты выделяют фактор наличия конфликтных, дисгармоничных отношений между родителями, как значимо влияющий на эмо-

циональное состояние ребенка, возникновение у него невротических, психосоматических симптомов, дезадаптации в различных сферах (Захаров А.И., Исаев Д.Н., Гарбузов В.И. Эйдемиллер Э.Г., Хоментаскас Г.Т., Фигдор Г. Карабанова О.А., Дальто, Ф.). [2-4]

Взаимоотношения ребенка и родителя – это сложный многофакторный феномен, который зависит от большого количества переменных – характерологических и возрастных особенностей ребенка, психологических особенностей родителей, особенностей воспитания, наличие жестокого обращения и агрессивного поведения со стороны родителей и иных. Р. Гарднер, детский и судебный психиатр (США), работая с разводящимися семьями в рамках экспертиз об определении опеки над ребенком, ввел понятие «синдром отвержения одного из родителей» (Parental Alienation Syndrome, PAS) и разработал его концепцию. [1] Р. Гарднер указывал, что применение этого термина возможно только в рамках судебных споров о воспитании детей и только в случаях отсутствия реального жестокого обращения с ребенком или сексуального злоупотребления со стороны отвергаемого родителя (хотя автор и допускал возможность сочетания этих двух ситуаций). Возникновение и учащение подобных случаев автор связывал с изменением в концепции определения опеки над детьми после развода в судебной практике – исчезновением абсолютного приоритета матери, как опекуна. Феномен PAS Р. Гарднер описывал, как возникающую при разводе специфическую ситуацию, в которой ребенок под влиянием одного родителя становится полностью охвачен критикой другого родителя, при этом, враждебное отношение у ребенка не сопровождается чувством вины, а привязанность к отвергаемому родителю разрушается. PAS Р. Гарднер рассматривал, как индуцированное состояние в контексте динамики «родитель–индуктор – индуцируемый ребенок – родитель - жертва, мишень».[1]

Круг вопросов, которые находятся в компетенции экспертов психиатров и психологов достаточно узок, хотя сами формулировки вопросов могут быть разнообразными. Психологическое исследование в рамках экспертиз по семейным спорам (семейных экспертиз) является очным для всех участников экспертизы. Участников экспертного исследования определяет суд, обычно, это оба родителя и ребенок/дети, в отношении которых заявлены иски о взыскании алиментов. Реже суд включает в экспертное исследование других родственников, имеющих отношение к ребенку (бабушек-дедушек, опекунов, новых супругов родителей).

Для составления полноценного экспертного суждения о характере взаимоотношений в семье, крайне иметь возможность увидеть всю семью вместе, в крайнем случае – увидеть взаимодействие ребенка с каждым из родителей по отдельности. В практике проведения

экспертиз бывают случаи, когда один из родителей отказывается от участия в экспертизе, считая её необоснованной, лишней, вредной. Бывают ситуации, когда родители оказываются общаться друг с другом, но соглашаются прийти на индивидуальную встречу и встречу с ребенком. Также бывают случаи, когда родитель, проживающий с ребенком, отказывается привести ребенка на встречу с другим родителем, обосновывая это опасностью для ребенка, нежеланием ребенка встречаться с другим родителем, опасениями, что ребенок будет украден. Такое положение вещей делает невозможным полноценное исследование центрального вопроса экспертизы – отношения ребенка к каждому из родителей. В случае, если разъяснения экспертов и суда о необходимости участия в экспертизе всех членов семьи не приводят к необходимому результату и один из родителей отказывается от участия в экспертизе, а суд настаивает на её проведении, эксперты отвечают только на часть вопросов.

До встречи с семьей эксперты изучают материалы гражданского дела, выясняют заявленные позиции родителей, основные конфликтные точки, разногласия в оценках, а также медицинские документы и результаты прошлых психологических исследований. Эксперты могут по-разному организовывать очное обследование – это зависит от количества экспертов и членов семьи, участвующих в экспертизе; от территориальных возможностей экспертов; от того, какое время родители и ребенок могут одновременно провести в экспертном учреждении. Очную часть обследования всех членов семьи возможно провести за несколько часов в один день, но при необходимости эксперт имеет право договориться с членами семьи о стольких встречах, сколько ему требуется для принятия решения.

При проведении данного вида экспертизы одинаково важны три направления экспертной оценки: актуальная, ретроспективная и прогностическая. Обязательным этапом экспертизы является организованная экспертами совместная игровая деятельность ребенка с каждым из родителей отдельно. Цели беседы и наблюдения – исследование актуального состояния и индивидуально-психологических особенностей, исследование особенностей родительской позиции, исследование взаимоотношений между членами семьи; изучение позиции подэкспертного в актуальной ситуации; способности к объективности оценок; степени вовлеченности в конфликт и способности уйти от аффективно-обусловленных суждений к более рациональным; способности перейти с супружеской позиции на родительскую в диалоге с бывшим супругом; способности к компромиссу и лояльности; способности объективно оценить эмоциональное состояние ребенка и его реакции на конфликт родителей, а также степень привязанности ребенка к другому родителю. Набор психодиагностических мето-

дик, применяемый для обследования родителей и детей варьируется в зависимости от субъективных предпочтений эксперта, настроенности подэкспертного на сотрудничество, состояния здоровья подэкспертного.

Настоящее исследование посвящено изучению отношения ребенка к родителям и его динамике в ситуации развода. Исследование было проведено на базе ГКУЗ «Городская психиатрическая больница № 6» Санкт-Петербурга. Материалом исследования являлись заключения судебно-психологических и судебных комплексных психолого-психиатрических экспертиз по гражданским делам о порядке воспитания детей, проведенных в ГКУЗ «ГПБ № 6» на амбулаторном отделении судебно-психиатрической экспертизы в период с 2008 по 2020 годы. Из всего объема проведенных за этот период в учреждении экспертиз (288) были отобраны 107, отвечающих следующим критериям: - состав семьи и лиц, прошедших экспертизу – родные родители и один ребенок; - отсутствие у родителей тяжелой психической патологии; - отсутствие у ребенка тяжелой психической патологии; - отсутствие вывода экспертов о существенном негативном влиянии индивидуально-психологических особенностей одного из родителей на ребенка; - законченность экспертизы. Данные критерии отбора были установлены для сужения (в контексте исследования) количества факторов, оказывающих влияние на формирование системы детско-родительских взаимоотношений, таких, например, как взаимоотношения между сиблингами.

В случае наличия у одного из родителей тяжелой психической патологии в анамнезе или установленной в ходе экспертизы (шизофрении, тяжелых аффективных расстройств, органических расстройств, сопровождающихся психотическими эпизодами или интеллектуальными нарушениями, расстройств личности, синдрома зависимости) круг экспертных вопросов расширяется и затрагивает проблему выраженности выявленных расстройств (позитивных и негативных) и их опасности для ребенка. В таких случаях зачастую устанавливалось негативное влияние выявленных индивидуально-психологических особенностей на ребенка.

В случае наличия тяжелой психической патологии в анамнезе ребенка (умственная отсталость, расстройства аутистического спектра), система его взаимоотношений с близким окружением и его реакции на развод родителей выстраиваются особым образом, исходя из специфики заболевания. Тем не менее, в выборку для исследования попали дети, консультированные специалистами по поводу расстройств невротического спектра (что будет указано далее, в описании результатов исследования).

Вывод экспертов о существенном негативном влия-

нии индивидуально-психологических особенностей одного из родителей на ребенка обычно был обусловлен наличием у родителя психической патологии (в том числе патологических заострений личностных черт, наличия синдрома зависимости) и/или объективными данными материалов гражданского дела о случаях агрессивного, жестокого поведения. Указанные факторы оказывают сильное самостоятельное влияние на формирование отношения ребенка к родителю и механизм формирования такого отношения будет отличаться от ситуации простого взаимодействия ребенка и родителей в ситуации развода.

Законченность экспертизы важна, так как в случае, если один из участников прерывает обследование (или не приходит на него), выводы о системе взаимоотношений ребенка делаются только о паре с тем родителем, взаимодействие с которым эксперты могли наблюдать лично. Индивидуально-психологические особенности отказавшегося от обследования родителя также не находят отражения в экспертных выводах.

Таким образом, по выбранным критериям было отобрано 107 экспертиз, в которых содержалось описание экспертно-психологического исследования 107-и детей, 107-и мам и 107-и пап. Среди 107-и детей в возрасте от 11 до 14 лет были: 62 мальчика и 45 девочек. Дальнейшая работа с заключениями экспертиз проводилась с помощью качественного контент-анализа. Методы исследования стали: 1. анализ заключений судебных психологических/психолого-психиатрических экспертиз по гражданским делам, связанным с семейными спорами о порядке воспитания детей с применением методов качественного контент-анализа; 2. Использование кластерного анализа для построения классификации (разделения выбранных параметров на классы) и выявления целостной картины взаимосвязи индивидуально-психологических особенностей участников экспертизы с типом отношения ребенка к отдельно проживающему родителю.

Это обусловлено тем, что подбор экспериментально-психологических методов для проведения экспертного исследования осуществляется индивидуально, в зависимости от ряда факторов (в том числе возраст участников, особенности мотивации участников, временные рамки, индивидуальные профессиональные предпочтения экспертов). То есть он не является единообразным и стандартным для всех экспертных заключений в выборке. Результаты исследования описываются в обобщенной, интегративной форме. При проведении экспертиз активно используются проективные методы, наблюдение, беседа, совместная игра, а также изучение материалов гражданского дела, что предполагает описание результатов не в количественной, а в качественной, феноменологической парадигме.

Таким образом, в соответствии с целями и задачами исследования для анализа материала нами был определен набор параметров, которые было необходимо выделить из всего объема информации, содержащейся в заключении экспертизы. Данные параметры были разбиты на группы: 1. биографическая информация о ребенке; 2. отношение ребенка к родителю, с которым он проживает; 3. отношение ребенка к родителю, который проживает отдельно; 4. индивидуально-психологические особенности ребенка; 5. индивидуально-психологические особенности родителя, проживающего с ребенком; 6. индивидуально-психологические особенности родителя, проживающего отдельно; 7. характеристики поведения родителей в ситуации развода/ признаки высококонфликтного развода; 8. особенности реагирования ребенка в ситуации развода.

На момент экспертизы 73 (68,22%) ребенка проживают с матерью, 34 (31,7%) с отцом. При этом, можно заметить определенную тенденцию в распределении детей по полу между родителями: с матерями проживает 36 девочек из 45-и и 37 мальчиков из 62-х; с отцами проживает 9 девочек и 25 мальчиков, то есть девочки чаще остаются проживать с матерями (по решению родителей или временному решению суда). Средний возраст детей, проживающих у матерей и отцов детей существенно не различается – 7,08 и 7,9 лет, соответственно.

Отношение ребенка к проживающему с ним родителю. В нашей выборке подавляющее большинство детей сохраняло позитивное отношение к тому родителю, с которым они проживали – 104 ребенка (97%). Эксперты констатировали наличие высокой степени привязанности ребенка к родителю, высокую потребность во взаимоотношениях с ним. В 15-и случаях эксперты устанавливали признаки симбиотической привязанности между ребенком и родителем, что проявлялось в высокой степени ориентации ребенка на родителя в любых действиях, значимого повышения тревоги в отсутствие родителя, неспособности долго находиться без родителя (указанные признаки не были не конгруэнтны возрасту ребенка). Случаев проявления негативного отношения ребенка к проживающему с ним родителю в выборке не оказалось, но было 2 случая амбивалентного отношения (яркого проявления одновременно и негативного и позитивного отношения). Оба этих ребенка демонстрировали высокую степень привязанности к другому родителю и к моменту экспертизы оказались в ситуации внезапного переезда («кражи») от одного (позитивно воспринимаемого родителя) к другому. Оба этих случая были связаны с высокой степенью конфликта между родителями.

Отношение ребенка к родителю, проживающему отдельно. 51% (55) детей демонстрируют позитивное отношение к отдельно проживающему родителю, сохраняя

устойчивую привязанность к нему. Из 33 детей, проявляющих в начале экспертизы явное негативное отношение к отдельно проживающему родителю до конца сохранили его 16 (48%). В 7 случаях (21%) отношение изменилось до нейтрального, еще в 10 случаях (30,3%) – до явно позитивного. Нейтральное отношение ребенка в таких случаях характеризовалось их готовностью бесконфликтно провести время с родителем в совместной игре, возможностью вспоминать прошлый позитивный опыт взаимодействия, но отсутствием выраженных эмоциональных реакций на контакт с родителем и уход родителя.

Среди личностных характеристик детей в выборке чаще встречаются такие черты, как: активность, общительность, спонтанность, высокий адаптивный потенциал, внушаемость, сензитивность.

Статистическая обработка полученных данных проводилась с учетом специфики данных. В связи с большим количеством изначально заданных параметров, чтобы избежать статистической ошибки множественных сравнений нами было принято решение разделить их и провести два самостоятельных анализа, которые будут дополнять друг друга. В качестве основания для разделения выборки на три группы нами выбран признак отношения ребенка к отдельно проживающему родителю: - дети с позитивным отношением к отдельно проживающему родителю;- дети с амбивалентным отношением к отдельно проживающему родителю; - дети с негативным отношением к отдельно проживающему родителю. Па-

раметры, участвующие в данном исследовании касаются особенностей поведения родителей и детей в актуальной конфликтной ситуации, признаков наличия высококонфликтного развода. Таким образом, мы попробуем определить связь типа отношения ребенка с указанными параметрами выборки.

Для дальнейшего исследования нами был выбран метод кластерного анализа, который решает вопросы разделения множества исходных объектов на группы. Данный метод также подходит для работы с номинативными данными. Мы используем его для получения целостной картины взаимосвязи параметров выборки с типом отношения ребенка к отдельно проживающему родителю, составлению типичных «профилей». В данной части исследования мы использовали параметры, касающиеся индивидуально-психологических особенностей детей и родителей. Все вычисления производились с помощью программы SPSS Statistics. Основными целями кластеризации было выявление целостной картины взаимосвязи индивидуально-психологических особенностей участников экспертизы с типом отношения ребенка к отдельно проживающему родителю, анализ структуры, по возможности составление типичных «профилей» групп – устойчивых конструкторов, характеризующих каждую группу.

В результате проведенного статистического анализа было получено 3 дендрограммы, основывающихся на: - индивидуально-психологических особенностях детей;

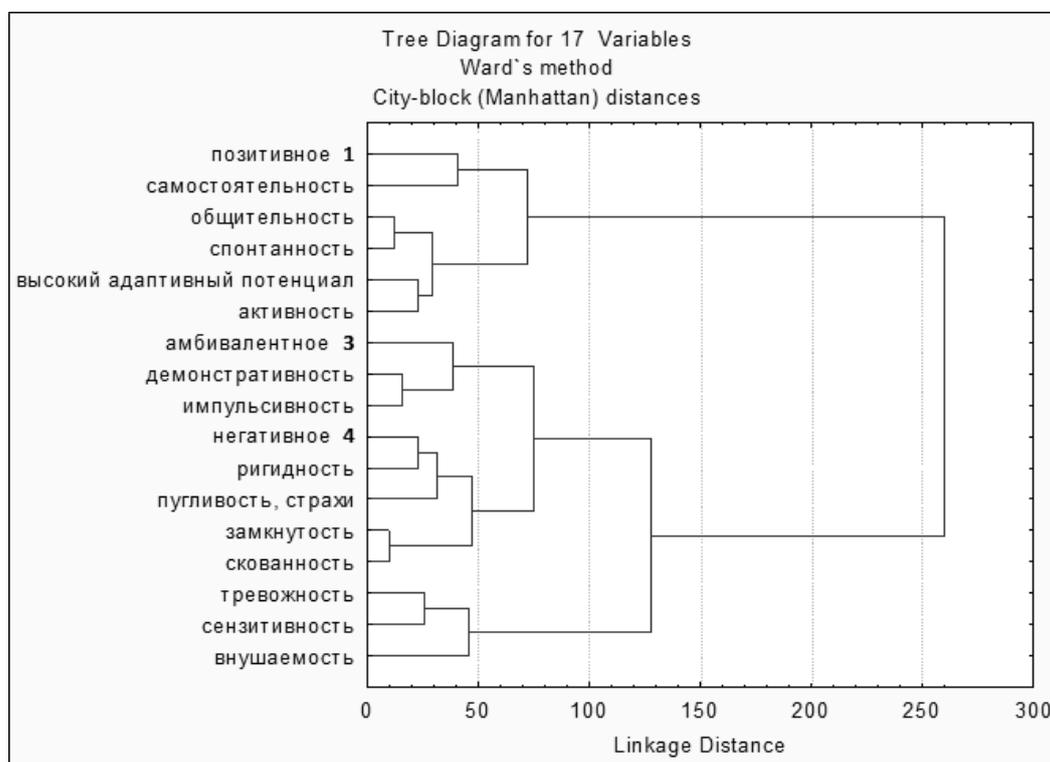

Рис 1. Индивидуально-психологические особенности ребенка

- индивидуально-психологических особенностях родителя, проживающего с ребенком; - индивидуально-психологических особенностях родителя, проживающего отдельно от ребенка.

Рассмотрим подробнее каждую из дендрограмм.

Мы видим, что исследуемые нами индивидуально-психологические характеристики детей сразу разделяются на две большие группы. Первая из них включает такие характеристики, как самостоятельность, общительность, спонтанность, высокий адаптивный потенциал и активность. И эти характеристики находятся во взаимосвязи с позитивным отношением ребенка к отдельно проживающему родителю.

Как мы видим на диаграмме, характеристики детей с амбивалентным и негативным отношением к отдельно проживающему родителю изначально более близко расположены друг к другу, они составляют вторую общность черт. Эти группы более сходны между собой, чем с группой детей с позитивным отношением. В частности, три черты, расположенные внизу ряда – тревожность, сензитивность и внушаемость характерны именно для обеих этих групп и максимально отдалены от группы детей с позитивным отношением. Продолжая анализировать данные мы видим, что амбивалентное отношение к отдельно проживающему родителю в первую очередь оказалось связано с такими чертами ребенка, как демонстративность и импульсивность. В группе же детей с негативным отношением чаще встречаются ригидность, пугливость и страхи, замкнутость и скованность. Таким образом, мы видим, что разделение детей на две группы. Первая группа концентрирует в себе условно «позитивные», ресурсные и адаптивные характеристики и они оказываются связанными именно с сохранением позитивного отношения ребенка к отдельно проживающему родителю. Условно «негативные», затрудняющие адаптацию (или свидетельствующие об актуальных затруднениях) черты оказываются связанными с дестабилизацией в структуре взаимоотношений ребенка с важными взрослыми, нарушениями системы привязанностей. Дети, обладающие более подвижной психической организацией, чьи эмоции более поверхностны и изменчивы (что отражается в характеристиках «демонстративность», «импульсивность») оказываются склонны к формированию амбивалентных, противоречивых отношений с отдельно проживающим родителем, одновременно и отталкивая и притягивая его. Это сочетается с полученными нами ранее данными о доминирующем у таких детей чувстве обиды (в основном, за проявления невнимания) по отношению родителю. Дети со сниженными коммуникативными возможностями («замкнутость», «скованность»), склонные к длительным, глубоким и трудно изменчивым переживаниям («ригидность», «пугливость, страхи») закономерно оказываются более

категоричны в своих суждениях относительно взаимоотношений с родителями, фиксируются на негативном отношении. Это сочетается с полученными нами ранее данными о доминирующем у таких детей чувстве страха по отношению родителю.

Наше исследование не позволяет говорить о том, что является причиной, а что следствием в исследуемых конструктах - специфические личностные особенности ребенка способствуют формированию определенного отношения к окружению, или сформированное отношение приводит к возникновению и закреплению некоторых черт. Говоря об описываемых параметрах, мы имеем в виду, что выводы об индивидуальных чертах участников экспертизы делаются не только на основе проявленных во время обследования особенностей, но и на основании анамнестических сведений - характеристик из детских образовательных учреждений, рассказов родителей. В то же время, нужно учитывать, что психологические особенности ребенка достаточно изменчивы и нахождение в длительной конфликтной, травмирующей ситуации способствует развитию определенного, в том числе невротического реагирования и его фиксации.

Из изученного нами теоретического материала, а также практического опыта нам известно, что родитель, проживающий с ребенком, имеет большое влияние на формирование у ребенка отношения к другим значимым взрослым, в том числе бывшему супругу. Напомним, что в нашем исследовании не было случаев негативного отношения ребенка к тому родителю, с которым он проживает, поэтому позитивное отношение и высокая степень привязанности детей (иногда с признаками симбиотической привязанности) наделяет родителя властью поддерживать старое или участвовать в формировании нового качества отношений детей. Именно родитель, постоянно проживающий с ребенком (при условии позитивных отношений между ними), имеет больше возможности, как для позитивного, так и для негативного эмоционального индуцирования, формирования позитивного или негативного образа второго родителя у ребенка. Проанализируем дендрограмму индивидуально-психологические особенности родителя, проживающего совместно с ребенком.

Из дендрограммы видно, что родители, которые способствовали поддержанию позитивного отношения их ребенка ко второму родителю обладают такими качествами, как высокий самоконтроль (максимально близкая связь с позитивным отношением ребенка к отдельно проживающему родителю), гибкость и общительность, активность, самостоятельность и уверенность в себе, а также лидерские черты и доминантность. Этот комплекс черт, вероятно, даёт взрослому внутренние и внешние ресурсы, позволяющие изначально с меньшими эмоциональными потерями пережить ситуацию развода. И

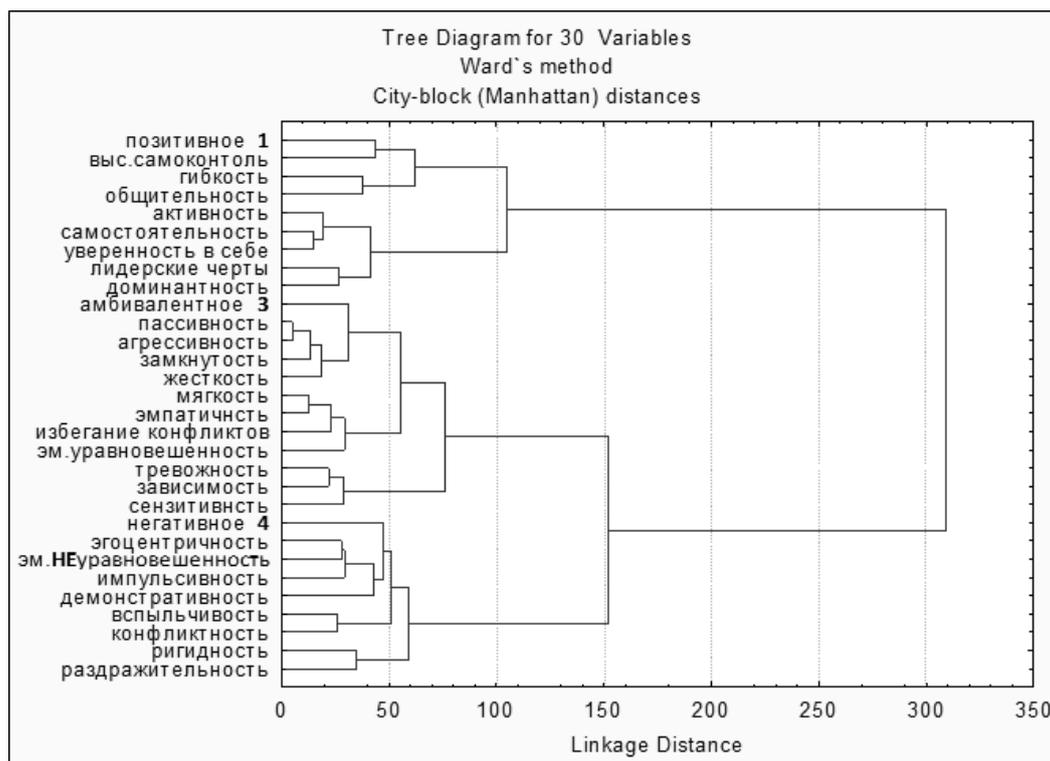

Рис 2. Индивидуально-психологические особенности родителя, проживающего совместно с ребенком

даже в ситуации продолжающегося конфликта и противостояния, судебного процесса, такие родители контролируют свои высказывания и эмоции, самостоятельно (не опираясь на ребенка) разрешают спорные ситуации, придерживаться единой линии поведения. Формирование у ребенка амбивалентного отношения к отдельно проживающему родителю можно связать с тремя разными личностными типами второго родителя. Первый тип описывает пассивную, замкнутую и жесткую личность. Второй тип – мягкую, избегающую конфликтов, эмоционально уравновешенную. Третий тип – тревожную, зависимую, сензитивную.

Представляется наиболее очевидным связь амбивалентного отношения ребенка к одному из родителей, когда он проживает с другим родителем, являющимся тревожно-сензитивным, зависимым по характеру (третий тип). Такой родитель в ситуации разрыва супружеских отношений может искать опору в отношениях с ребенком и провоцировать развитие парентифицирующей (защищающей) модели поведения ребенка, а также заряжать (индуцировать) ребенка своими тревогами, страхами. Первый тип родителя (замкнутый, жесткий, пассивный) также, вероятно, не будет склонен помогать ребенку в преодолении возникающих негативных эмоциональных реакций и негативных когнитивных конструктов ребенка по отношению к другому родителю. Интересным для исследования является второй тип родителя – мягкий, неконфликтный, эмоционально уравновешенный. Сами по себе, такие черты не должны

провоцировать или поддерживать возникновение негативного отношения ребенка. Но, возможно, они затрудняют выстраивание и отстаивание новых границ между бывшими супругами, например, при наличии стеничной, конфликтной позиции второй стороны, что может выводить ребенка в поле конфликта.

Характерный «профиль» совместно проживающего с ребенком родителя, который связан с формированием у ребенка негативного отношения к другому родителю представляется достаточно цельным. Это сочетание таких особенностей, как эгоцентричность, демонстративность, неуравновешенность, импульсивность, вспыльчивость, раздражительность, конфликтность, ригидность. Такой тип характера, по всей видимости, обуславливает сосредоточенность взрослого на самом себе и недостаточный контакт с ребенком и его потребностями. Это, в том числе, тип родителя, который будет активно поддерживать негативные чувства ребенка к другому родителю, вовлекать его в конфликт в своих эмоциональных или иных интересах (что подтверждается нашими предыдущими данными о преобладании таких механизмов формирования у ребенка негативного отношения, как прямое настраивание, вовлечение в конфликт, стремление ограничить присутствие другого, наличие высокого уровня конфликта).

Категорически неверным было бы переносить ответственность за формирование отношения ребенка только на того родителя, с которым он проживает. В случае

длительного конфликта и судебного разбирательства в его эскалации способствуют, обычно, обе стороны. И при наличии какого-либо варианта общения, проживающий отдельно родитель также старается оказывать влияние на мнение ребенка о ситуации развода, о другом родителе, порой манипулируя, подкупая. Добиваясь справедливости и отстаивая свои права, не желая терять контакт со своими детьми и будучи бессильны найти компромиссы с бывшими супругами такие родители требуют беспрекословного выполнения установленных графиков общения, порой не обращая внимание на актуальное состояние ребенка, совершают пугающие детей действия (стучат и звонят в двери, приходят забирать ребенка с полицией и судебными приставами, пытаются выкрасть ребенка) или действия, смущающие детей, особенно подросткового возраста (приходят школу, начинают разговор о происходящем при одноклассниках и пр.). Кроме того, в своих заключениях эксперты нередко констатируют, что амбивалентное и негативное отношение ребенка к родителю связано не только с факторами индукции, настраивания, конфликта лояльности, но и личным опытом взаимоотношений ребенка и родителя, как в период совместного проживания, так и после развода. Даже если речь не идет о различных формах абьюзивных отношений, у ребенка накапливается опыт конфликтов, которые он наблюдал и в которых он лично участвовал, невнимания к его потребностям со стороны родителей, невыполненных обещаний. И было бы неправильным исключать характерологические особенности живущего отдельно родителя из группы факторов,

влияющих на формирование отношения к нему.

Дендрограмма показывает, что профили обоих родителей, способствующих сохранению у их ребенка позитивного отношения к ним обоим довольно схожи. В обоих случаях это гибкие, общительные, активные люди, самостоятельные и уверенные в себе, обладающие лидерскими и доминантными чертами. В случае родителя, проживающего отдельно, указанный набор качеств (позволяющий преодолевать травму развода не включая в конфликт ребенка) дополняется ригидностью, которая, вероятно, в этом случае позволяет родителю продолжать бороться за свои права. Важно отметить, что наиболее близко к позитивному отношению ребенка в дендрограмме находятся такие качества, как избегание конфликтов и эмоциональная уравновешенность, которые, по всей видимости, позволяют родителю избегать ссор в присутствии ребенка, сдерживать себя, особенно в такой важной ситуации, как передача ребенка от одного родителя другому по установленному графику встреч. Амбивалентное отношение ребенка к отдельно проживающему родителю оказывается в первую очередь связано с таким качеством, как импульсивность, а затем комплексом черт: жёсткость, агрессивность, низкий самоконтроль, раздражительность. Данный профиль, вероятно, наиболее ярко демонстрирует возможный вклад отдельно проживающего родителя во взаимоотношения с ребенком (при отсутствии признаков психопатизации, насилия). Если оставить «за скобками» индуцирующее воздействие родителя, проживающего с ребенком (на-

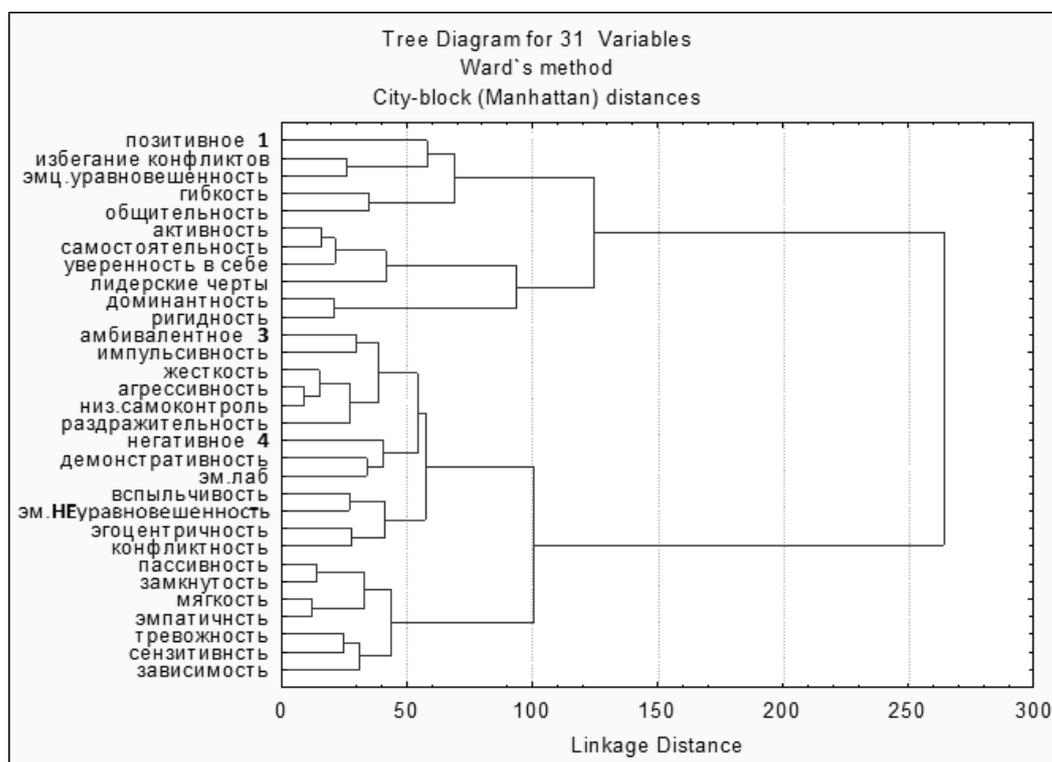

Рис 3. Родитель, проживающий отдельно от ребенка

пример, при типе мягкого или тревожного родителя, как описывалось выше), то в рассматриваемом нами варианте естественная, сформированная привязанность ребенка сталкивается с малопредсказуемым (импульсивным) и несдержанным, а порой и агрессивным поведением значимого взрослого, требующего (в том числе от ребенка) жёсткого соблюдения своих прав. Это вполне может стать основой для формирования двойственного отношения ребенка к родителю. Негативное отношение ребенка к отдельно проживающему родителю оказывается связанным с двумя типами профиля. Первый характеризуется сочетанием демонстративности и эмоциональной лабильности, вспыльчивости и эмоциональной неуравновешенности, эгоцентричности и конфликтности. Второй тип практически противоположен и определяется таким кругом черт, как пассивность, замкнутость, мягкость, эмпатичность, тревожность, сензитивность, зависимость. Нам представляется, что представители двух этих профилей существенно различаются по тому вкладу, который они вносят в формирование негативного отношения ребенка о себе. Несмотря на то, что в своё исследование

мы постарались не включать лиц с очевидными психопатологическими личностными акцентами, несомненно, первый тип определяет модус поведения взрослого, мешающего выстраиванию коммуникаций, как с бывшим супругом (супругой), так и с ребенком.

Необходимо отметить, что длительная конфликтная ситуация, судебный процесс, часто являются психотравмирующими факторами, которые заостряют характерологические особенности участников конфликта. Второй тип профиля на наш взгляд, сам по себе, не провоцирует у ребенка формирования негативного отношения к родителю и скорее связан с ситуацией значимого влияния другого родителя на мнение ребенка.

Таким образом, можно констатировать, что детско-родительские отношения в ситуации высококонфликтного развода зависят от ряда факторов, которым относятся индивидуально-психологические характеристики ребенка и каждого родителя, а также от эмоционального реагирования на развод.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гарднер, Р. Психотерапия детских проблем. - СПб.: Речь, 2022. - 415 с.
2. Дальто, Ф. На стороне ребенка. - 4-е изд. [Текст] / Франсуаза Дальто; пер. с фр. Е.В. Баевской, О.В. Давтян; предисл. М.М. Безруких. - Екатеринбург: Рама Паблишинг, 2017. - 717 с.
3. Малкина-Пых, И.Г. Семейная терапия. Справочник семейного психолога [Текст] / И.Г. Малкина-Пых. - М.: Изд-во Эксмо, 2016. - 992 с.
4. Фигдор, Г. Дети разведенных родителей: Между травмой и надеждой. - СПб., Питер, 2021-336 с.

© Чижова Карина Игоревна (Carina-7@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЫЗВАННЫЙ АРТИКУЛЯТОРНЫЙ ОТВЕТ ПРИ ВНУТРЕННЕМ И ВНЕШНЕМ ПРОГОВАРИВАНИИ¹

Шевченко Андрей Олегович

Аспирант, Московский Государственный Университет
имени М.В. Ломоносова
andreyshvchenkomsu@gmail.com

Вартанов Александр Валентинович

кандидат психологических наук, доцент, старший
научный сотрудник Московский Государственный
Университет имени М.В. Ломоносова
a_v_vartanov@mail.ru

EVOKED ARTICULATORY RESPONSE DURING INTERNAL AND EXTERNAL SPEECH²

**A. Shevchenko
A. Vartanov**

Summary: This study is aimed at identifying the time intervals of dynamic speech for the subsequent analysis of the evoked EEG potentials. Understanding of exact time intervals will allow to make better use of pattern classification possibilities for BCI (brain-computer interface). The study involved 7 subjects with the following stimuli: 7 phonemes (A - [a], B - [b], F - [f], G - [g], M - [m], R - [p], U - [u]) presented in random order, EMG envelope was used for recording: the subjects were to mentally repeat the phoneme or syllable with the duration and intonation that correspond to these units in external speech. As a result of the study, average potentials were plotted for all subjects during internal phonemic utterance, external utterance (vocalization), and perception of phonemes without their repetition. The results show a close connection between phonemic perception and articulation: phonemic perception reveals articulatory activity, while articulatory commands act as anticipatory discharges due to a connection between motor and auditory centers; the amplitude of internal articulation and phonemic enunciation are similar.

Keywords: evoked potentials, inner speech, neurolinguistics, subvocalization, phonemes, phonemic perception.

Аннотация: Данное исследование направлено на выделение на основе миограммы временных интервалов активного проговаривания, для последующего анализа вызванных потенциалов ЭЭГ. Понимание точных временных рамок позволит в более эффективно использовать возможности классификации паттернов для ИМК (интерфейс мозг-компьютер). В исследовании принимали участие 7 испытуемых, которым предъявлялись следующие стимулы: 7 фонем (А – [а], Б – [б], Ф – [ф], Г – [г], М – [м], Р – [р], У – [у]), представленные в случайном порядке, для записи использовалась огибающая ЭМГ верхней губы и мышцы гортани: испытуемым предстояло мысленно повторить фонему с длительностью и интонацией, которые соответствуют данным единицам во внешней речи. В результате исследования были построены усредненные потенциалы огибающей миограммы по всем испытуемым в процессе внутреннего проговаривания фонем, внешнего проговаривания (вокализация) и восприятия фонем без их повторения. Полученные результаты демонстрируют существование тесной связи фонематического восприятия с артикуляцией: при фонематическом восприятии проявляется артикуляторная активность, а артикуляторные команды, в свою очередь, выступают упреждающим разрядом в связи с наличием связи между моторными и слуховыми центрами; обнаруживается сходство внутреннего проговаривания с фонематическим проговариванием по амплитуде.

Ключевые слова: вызванные потенциалы, внутренняя речь, нейролингвистика, субвокализация, фонемы, фонематическое восприятие.

Введение

В рамках проведенных исследований по построению классификатора фонем [3,7] возникает интерес к определению точного интервала начала внутреннего проговаривания. Помимо этого, существует вопрос о том, выражены ли при внутреннем проговаривании и фонематическом восприятии артикуляционные компоненты и некие артикуляционные автоматизмы. В исследовании Lopez-Larrazetal (2010) был представлен интерфейс беззвучной речи на основе электромиографических (ЭМГ) сигналов, регистрируемых в лицевых мышцах. Целью этого интерфейса стало распознавание

изолированных прямых слогов испанского языка. Все слоги были разделены на пять групп в соответствии с анатомическим происхождением артикуляции согласного. Сигналы электромиографии отражали электрическую активность мышц во время артикуляции. Электроды ЭМГ были размещены на мышцах только одной стороны лица. Предварительно место крепления обрабатывалось спиртом, на датчики наносился проводящий электродный гель. Биполярные электроды размещались в направлении волокон лицевой мышцы с периодичностью в один сантиметр. Полученные данные использовались для обучения классификатора для этих слогов. Сигналы от каждого артикулированного слога были пре-

1 Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект No 20-18-00067.

2 The research is financially supported by the Russian Science Foundation, Project No20-18-00067

образованы в вектор признаков, компоненты которого представляли различные глобальные характеристики. Все отобранные признаки были инвариантны к сдвигу времени, чтобы процесс классификации не был чувствителен к времени произношения. Полученные результаты показали успешность и эффективность системы при распознавании новых артикулированных слогов [5].

Авторами Khan и Jahan (2018) было проведено исследование по распознаванию фонем беззвучной речи. Электроды ЭМГ располагались на шеи и под подбородком испытуемого. Полученные результаты были проанализированы с помощью трех классификаторов, средняя точность классификации фонем находилась в диапазоне 75-80%. Авторы сделали вывод, что признаки на основе wavelet дают более высокую точность в распознавании и, вероятно, играют важную роль в дифференциации фонемного рисунка беззвучной речи на основе ЭМГ [4].

Классиком же изучения процессов внутренней речи при помощи ЭМГ является А.Н. Соколов (1967). Результаты его исследований показали, что при чтении более сложных грамматических фраз речедвигательные потенциалы проявляются наиболее сильно. Это было ярко продемонстрировано при сравнении чтения на родном языке и на недостаточно изученном иностранном языке: при чтении русский текст читался без сильных речедвигательных напряжений, в то время как текст иностранного образца вызывал заметное речедвигательное напряжение в органах артикуляции. При анализе речедвигательных напряжений во время слушания было замечено, что речедвигательные напряжения проявляются при концентрации и фиксации на речи говорящего и при затруднениях в понимании речи другого [2].

Целью данного исследования является определение временных промежутков активации артикуляционного аппарата.

Методика

В исследовании принимали участие 7 испытуемых: четыре девушки и три юноши в возрасте от 18 до 23 лет. Был проведен следующий эксперимент. Запуск внутреннего проговаривания происходил на основе аудиального стимула (фонемы). Предъявлялись следующие стимулы:

- 7 фонем (А – [а], Б – [б], Ф – [ф], Г – [г], М – [м], Р – [р], У – [у]).

Стимулы предъявлялись в случайном порядке. Начало проговаривания задавалось специальным стимулом, сообщающим проговариваемую фонему. После появления задающего стимула создавалась пауза в 500 мс. После паузы на экране появлялся фиксационный крест и звуковой сигнал, который являлся стартовой командой

внутреннего проговаривания. Испытуемых во время команды на проговаривание просили повторить про себя фонему или слог с той же длительностью и интонацией, что и при внешней речи.

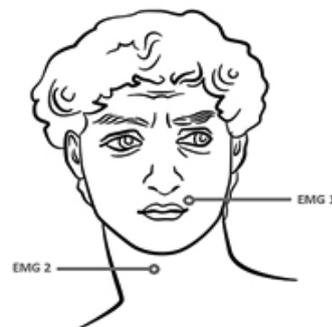

Рис. 1. Схема расположения электродов

В качестве программы для записи и просмотра ЭМГ, а также для предварительной очистки вызванных потенциалов использовалась Brain Sys (Brain Win). Регистрация электрической активности мозга проводилась монополярно, системы «Нейро-КМ» (компания «Статокин», Россия). Для предъявления стимулов использовалась программа Presentation (версия 18.0 фирмы NeurobehavioralSystems, Inc.).

Результаты

В результате проведенного исследования были построены усредненные потенциалы по всем испытуемым в процессе внутреннего проговаривания фонем, внешнего проговаривания (вокализация) и восприятия фонем без их повторения. Для усреднения и построения графиков использовалась программа Statistica 8, длительность усредненного потенциала составляла 200 мс. до стимула и 800 мс. после стимула.

Так, описывая полученные компоненты потенциала, можно наблюдать, что внешнее проговаривание фонем обусловлено резким сдвигом электрической активности от 150 мс. до 700 мс., при этом, в отличие внутренней речи, представлена обратная форма ЭМГ ВПна двух электродах (рис 2.), так, EMG 2 представляет плавную негативную активацию с компонента n200. EMG 1 представлен позитивной волной, однако, в отличие от EMG2, представлен он более поздними компонентами, схожими с P300.

Анализируя усредненные показатели проговаривания про себя фонем (рис. 1), среди компонентов можно выделить негативную волну на 200 мс., которая смещается в позитивный компонент в интервале 300-400 мс. При этом существует очевидное сходство компонентов миографии при восприятии и внутреннем проговаривании (рис 3)

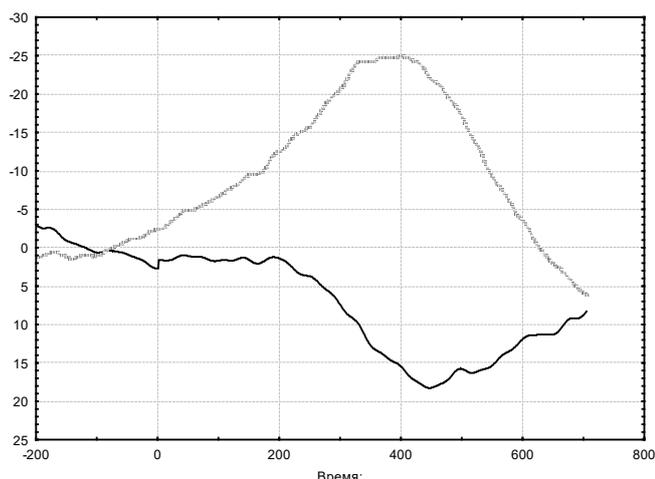

Рис. 2. Усредненный моторный ответ во время произнесения фонем вслух. EMG 1- сплошная линия, EMG 2 – пунктир.

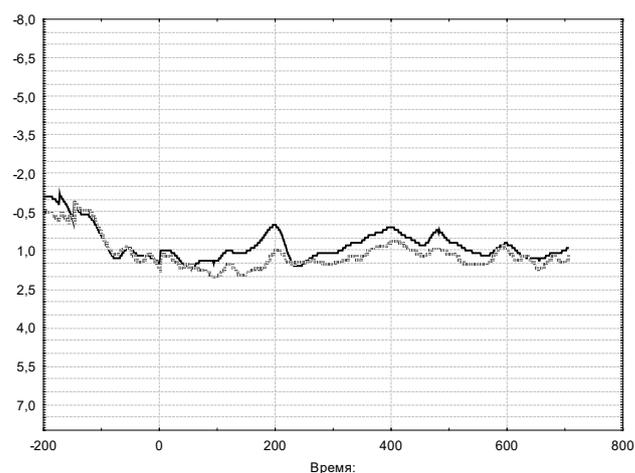

Рис. 3. Усредненный моторный ответ во время произнесения фонем про-себя. EMG 1- сплошная линия, EMG 2 – пунктир.

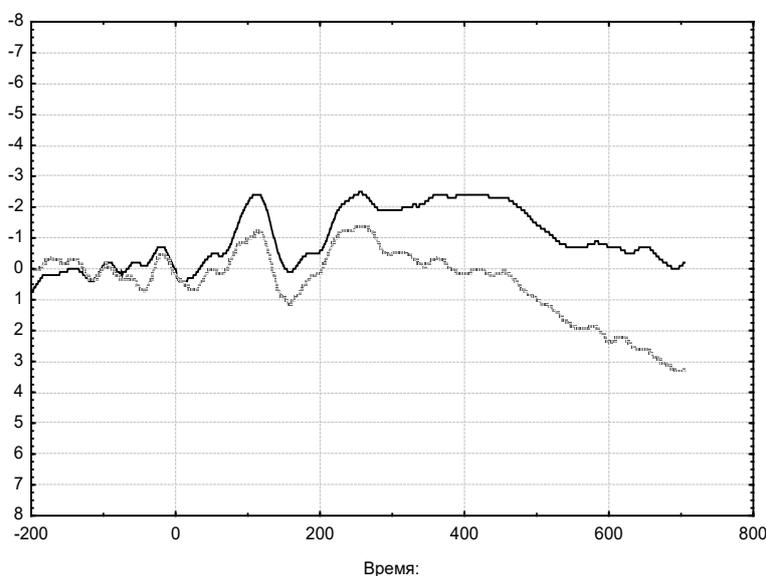

Рис. 4 Усредненный моторный ответ во время восприятия фонем. EMG 1- сплошная линия, EMG 2 – пунктир

Анализируя компоненты артикуляционного ответа, при восприятии фонем можно обратить внимание на то, что они сдвинуты в более ранние компоненты относительно процесса внутреннего проговаривания и повторяют волну, но уже с 150 мс.

Обсуждение результатов

Полученные результаты согласуются с проведенными исследованиями Соколова (1967), и подтверждают, что при фонематическом восприятии проявляется артикуляторная активность. В процессе внутреннего проговаривания электрод EMG1 расположенный над губой проявил большую выраженность, как и в проведенных исследованиях Соколова. Описывая фонематическое восприятие можно говорить об участии

автоматических артикуляторных командах, которые выступают упреждающим разрядом, и обуславливается это тем, что существует тесная связь между моторными и слуховыми центрами. При этом внутреннее проговаривание крайне схоже по амплитуде с фонематическим проговариванием. Полагаем, что актуальность использования ЭМГ для построения классификатора на основе ЭЭГ, при условии того, что ЭМГ может выступать индикатором начала внутреннего проговаривания. Таким индикатором могут выступать негативные компоненты, в нашем случае n2, меняющийся на компонент p3, может свидетельствовать о начале процесса внутреннего проговаривания, а, как следствие, о классификации.

В настоящее время уже были представлены успеш-

ные результаты построения интерфейсов на основе ЭМГ данных, также были показаны способы и подходы к моделированию предартикуляции на основе данного подхода. Так, в исследовании Schultz и Wand (2010) было показано, что моделирование, в зависимости от фонологических признаков, снижает количество ошибок при распознавании речи в интерфейсах более чем на 33% [6]. Исходя из этого, мы предполагаем, что на основе ЭМГ построение классификатора распознавания речи может быть успешным, однако для эффективного проектирования интерфейса необходимо большее количество электродов с большей частотной разверткой. Многие авторы также использовали кросскорреляционный анализ ЭМГ и подтвердили, что ЭМГ полезно в практическом плане для оценки наличия или отсутствия внутренней речи [1]. С помощью полученных данных мы планируем построить классификатор, в котором плавающим окном будут выступать зоны активационных изменений ЭМГ, а критерием начала проговаривания станут не только данные ЭЭГ, но и миография.

Заключение

На основании полученных нами результатов мы можем сделать следующие заключения:

1. Фонематическое восприятие сопряжено с артикуляцией. В данном случае можно говорить о том, что происходит упреждающий разряд на органы артикуляции при восприятии речи.
2. Фонематическое восприятие и соответствующая ему произвольная остаточная артикуляция возникают раньше (на 50 мс в среднем) по сравнению с сознательно активированным внутренним проговариванием. Фонематическое проговаривание (проговаривание, возникающее одновременно с восприятием) по огибающей миограммы и по ее амплитуде сходно с внутренним проговариванием.
3. Временной интервал, связанный с внутренним проговариванием, начинается в промежутке с 200 мс до 600 мс от начала команды на внутреннее проговаривание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин, О.М., Кривко, Е.М., Киров, В.Н. Электромиографические компоненты, ассоциированные с внутренней речью // Журнал медико-биологических исследований. — 2020. — №2. — с. 111-120. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektromiograficheskie-komponenty-assotsirovannye-s-vnutrenney-rechyu> (дата обращения: 20.11.2022).
2. Соколов, А.Н. Внутренняя речь и мышление. — М.: «Просвещение», 1967. — 248 с.
3. Gavrilenko, Y., Saada, D., Ilyushin, E., Vartanov, A., and Shevchenko, A. The electroencephalogram based classification of internally pronounced phonemes // *Advances in Intelligent Systems and Computing*. — 2021. — Vol. 1310. — p. 335–341.
4. Khan, M., & Jahan, M. Classification of myoelectric signal for sub-vocal Hindi phoneme speech recognition // *Journal of Intelligent & Fuzzy Systems*. — 2018. — p. 1–8. doi:10.3233/jifs-161067 (<https://doi.org/10.3233/jifs-161067>)
5. Lopez-Larraz, E., Mozos, O.M., Antelis, J.M., & Minguéz, J. Syllable-based speech recognition using EMG // 2010 Annual International Conference of the IEEE Engineering in Medicine and Biology. — 2010. — p. 1-4. doi:10.1109/iembs.2010.5626426 (<https://doi.org/10.1109/iembs.2010.5626426>)
6. Schultz, T., & Wand, M. Modeling coarticulation in EMG-based continuous speech recognition // *Speech Communication*. — 2010. — Vol. 52(4). — p. 341–353. doi:10.1016/j.specom.2009.12.002 (<https://doi.org/10.1016/j.specom.2009.12.002>)
7. Suyuncheva, A., Saada, D., Gavrilenko, Y., Shevchenko, A.O., Vartanov, A.V., and Ilyushin, E. Reconstruction of words, syllables and phonemes of internal speech by EEG activity // *Advances in Intelligent Systems and Computing*. — 2021. — Vol. 1358. — p. 319-328.

© Шевченко Андрей Олегович (andreyshevchenkomsu@gmail.com), Вартанов Александр Валентинович (a_v_vartanov@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАУЧНЫЕ ВЗГЛЯДЫ КНЯЗЯ М.М. ЩЕРБАТОВА: ИЗ ИСТОРИИ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент российской академии
естествознания, Алтайский государственный
педагогический университет (г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru

SCIENTIFIC VIEWS OF PRINCE M. M. SHCHERBATOV: FROM THE HISTORY OF PHILOSOPHICAL THOUGHT

V. Skopa

Summary: The article presents the scientific views of Prince M.M. Shcherbatov in the context of historical and philosophical analysis. The works of representatives of the Enlightenment - d'Alembert, J. Locke, D. Hume, significantly influenced their formation. His political, social and philosophical views corresponded to the era of Enlightened absolutism. Being an objective idealist in his worldview, in presenting his views he gravitated toward non-church forms of religiosity and, unlike Freemasonry, had a negative attitude towards mysticism, alchemy and complex ritual and magical rituals. Shcherbatov's philosophical views in the context of the spirit of the Enlightenment are contradictory and sometimes eclectic. The works and views of Prince Shcherbatov were characterized by a rationalistic point of view. From this position, the individual was the creator of history, and the course of events was explained as the result of the conscious activity of this individual. Studying the nature of the state and its institutions, M.M. Shcherbatov singled out the inherent flaws in the structure: bribery, embezzlement, violation of hierarchical subordination in the management system.

Keywords: history of philosophical thought, M.M. Shcherbatov, philosophical anthropology, absolutism, Russian Empire.

Аннотация: В статье представлены научные воззрения князя М.М. Щербатова в контексте историко-философского анализа. На их формирование существенное влияние оказали труды представителей эпохи Просвещения – Д'Аламбера, Дж. Локка, Д. Юма. Его политические, социальные и философские взгляды соответствовали эпохе Просвещенного абсолютизма. Будучи объективным идеалистом по мировоззрению, в изложении своих взглядов тяготел к внецерковным формам религиозности и, в отличие от масонства, отрицательно относился к мистицизму, алхимии и сложной ритуально-магической обрядности. Философские воззрения Щербатова в контексте духа Просвещения противоречивы, а порой и эклектичны. Трудам и воззрениям князя Щербатова была свойственна рационалистическая точка зрения. С этой позиции личность являлась творцом истории, а ход событий объяснялся как результат сознательной деятельности этой личности. Изучая природу государства и его институты М.М. Щербатов выделил свойственные пороки структуры: взяточничество, казнокрадство, нарушение иерархической субординации в системе управления.

Ключевые слова: история философской мысли, М.М. Щербатов, философская антропология, абсолютизм, Российская империя.

Обращение к российской истории, стремление к осознанию места своего Отечества в потоке времен всегда были отличительными чертами русской общественной мысли. Но тот интерес к истории, политике и государственному строительству, сопровождавший духовное развитие России в XVIII веке определялся в первую очередь необходимостью переосмысления происходивших в обществе перемен с позиций секуляризованного мышления.

Просвещенный абсолютизм как наивысшая точка русского просвещения XVIII века дал сильнейший толчок процессу научного познания, формированию национальной идеи, ее определению, а вместе с тем оформлению основных направлений в науке, культуре и искусстве [1, с. 118-119]. Распространение просветительской идеологии в стране было положено русскими правящими кругами во главе с Екатериной II. Подъем русской науки был связан с повышением интереса императрицы к философии, истории, культуре, искусству, что способствовало зарождению профессиональных ученых.

История изучения заваленной проблемы научно обширна и многогранно охватывает многие аспекты, касающиеся просвещения как социокультурного феномена и самого Щербатова в том числе. Просвещенческие идеи Щербатова в контексте культурофилософского анализа редко становились объектом специального изучения. Они рассматривались наряду с общественно-политическими, этическими, литературно-художественными и историческими его воззрениями [6, 12, 13, 25]. Исходя из массива выявленных работ можно выделить исследования Н.Н. Алексеева, И.А. Дмитриевой, С.Г. Калининой, И.А. Федосова, в которых повествуется о самом М.М. Щербатове и его административно-государственной службе [7, 10, 14, 15]. Исследования Т.В. Артемьевой, М.И. Козловой, Б.А. Назаренко, Н.В. Серенченко посвящены анализу работ Щербатова в разрезе исторического развития российского государства [3, 4, 16, 18, 21]. В самостоятельную группу исследований можно выделить публикации С.В. Артанухина, Т.В. Артемьевой, И.А. Болдырева, И.Я. Щипанова, касающиеся проблем философии русского просвещения и истории философ-

ской мысли [2, 3, 5, 6]. В целом, несмотря на весь объем исследований, заявленная проблема представляется актуальной, поскольку всесторонне не получила научного освещения и требует проработки в контексте историко-философского анализа.

Идеология Просвещения во многом представляет собой глубокую взаимосвязь, в первую очередь с философским осмыслением действительности и определением новых траекторий развития: личности, общества, государства [22, с. 78]. Как отмечали представители философской мысли эпохи Просвещения, что в это время «формировались условия, на которых мысль о том, что с помощью человеческого разума можно изменить человека, превратит в то, каким он действительно должен быть» [11, с. 234-235].

Определение понятия «Просвещение» в философском воззрении начала XVIII столетия представляет собой идею о существовании данного человеку Богом «естественного света» разума, который дает основание избавиться от «интеллектуальной слепоты и открыть истинную природу вещей» [25, с. 260-262]. Именно эту концептуальную основу использовал Декарт, оказавший влияние своими воззрениями на М.М. Щербатова [9, с. 42-44].

В Российской империи идеи Просвещения во многом были связаны с представителями французского общества и их просветителей – Руссо, Вольтера, Дидро. Немалое влияние на идеи русского Просвещения и собственно просветительскую мысль оказали деизм, масонство, а также становление академической науки [3, 20]. Синтез общественного, философского и научного находил отражение фактически в работах каждого, кто был причастен к эпохе Просвещения. Важно заметить, что просветительские воззрения в Российской империи отличались от Европейских. В России отдельное внимание уделяли вопросам нравственного, эстетического и религиозного характера. Проблемы социального неравенства, имевшие место быть, входили в противоречие с крепостнической системой, что во многом находило отражение в художественных стилях – сентиментализме и классицизме, которые в свою очередь также пропагандировали просветительские идеи [25, с. 386-388].

Убеждение о решающей роли науки и разума, приводило просветителей по-иному понимать действительность и подходить с новым обоснованием происходящих процессов, а вместе с тем и иначе определять роль человека во всём этом, все больше и больше отводя ему доминирующее начало.

Существенное влияние на дух русского Просвещения оказал абсолютизм, особенность абсолютной монархии в России с ее неистовым стержнем. Одна из стратегических задач, именно русского Просвещения,

отчасти, заключалась в укреплении монархизма, незыблемости самодержавия, что во многом и порождало как проимперские суждения, так и оппозиционные воззрения [19, с. 60-62].

Рассматриваемая эпоха не мыслима без такой личности как М.М. Щербатов, внесший серьезный вклад в развитие философской, научной и общественной мысли. В его научных и публицистических работах поднимаются актуальные и злободневные проблемы, касающиеся государственного устройства, духовно-нравственного развития человека и социокультурного развития общества [7]. На формирование просветительских воззрений М.М. Щербатова существенное влияние оказали труды представителей эпохи Просвещения – Д'Аламбера, Ч. Беккариа, И. Зоннфельса, Дж. Локка, Д. Юма, неся в себе дух гуманизма и стремление к благосостоянию каждого гражданина и всего государства в целом с культом разума [5, 15, 19]. Увлечение античной традицией также нашло отражение в его мировоззрении [14].

Начало научной деятельности Щербатова приходится на середину XVIII столетия. К числу наиболее известных работ того времени можно отнести «О надобности и пользе градских законов», «Слово о спокойствии души, взятое из Иппарха, философа пифагорейского», «Из мнений, рассуждений и нравоучительных наставлений господина Оксеншерна» [24]. Нравственно-философская тематика сочинений указывает на то, что Щербатов в своем творчестве отражал свои масонские увлечения. В его сочинениях при всей близости к масонству отчетливо проступает стремление к логической ясности, к всесторонней обоснованности выводов. Это выгодно отличает М.М. Щербатова от идеологов масонства, как русского, так и европейского [2, с. 185-186].

Его политические, социальные и философские взгляды соответствовали эпохе Просвещенного абсолютизма. Из таких работ как «Разговор о бессмертии души», «Рассмотрение о жизни человеческой», «О выгодах недостатка» особый интерес представляет его утопия – «Путешествие в землю Офирскую г. С., извецкого дворянина». Идеальное Офирское государство управляется государем, власть которого ограничена высшим дворянством. Хотя Щербатов в своем «Путешествие в землю Офирскую» предлагает, по существу, масонский вариант «духовной» религии – без догматической ее кодификации, без авторитетов, преданий и священных писаний, фактически без богослужений и духовенства, тем не менее он выражает известную долю сомнения в иррациональных началах религиозной жизни, в пресловутой масонской «тайне». Идеальные жители идеального государства – офирцы – после двухминутной общей молитвы и призыва церковного иерарха – санкеря: «Вознесите молитвы свои к Вышнему» должны, по словам Щербатова, начать свой духовный диалог с богом, который символически

изображался в Офирской земле в виде солнца. При этом, подчеркивает Щербатов, «тайности никакой в их молениях нет» [7; 24, с. 452]. По сравнению с масонскими «доказательствами бытия бога Щербатов значительно снижает элемент мистицизма: вера офирцев «основана на одном видимом величии деяний Божиих... основание веры ни от каких откровений или преданий происходит, но от самого размышления и очевидного зрения вещей» [24, с. 458]. Разумность оказывается, таким образом, эквивалентна религиозности. Исходя из этого, Щербатов с большим критическим пылом выступает против любых проявлений атеизма: «Богохульники у нас наказуютя яко безумные; ибо кто не чувствует естества Божия по видимым ему тварям, тот иначе как безумным счестся не может» [24, с. 495].

С другой стороны, Щербатов подвергает осторожной, правда, рационалистической критике догматы и мифологемы христианского учения, которые в масонской идеологии, например, у того же Сен-Мартена, не опровергаются, а, наоборот, активно обосновываются. Так, Щербатов указывает, что догмат о сотворении мира в шесть дней противоречит христианскому же учению о совершенстве бога, который мог бы для этого затратить и не столь долгое время, а вполне ограничиться и кратким земным мгновением; противоречит божественному «всемогуществу», «всеблагодати» и несовершенство его «тварей», в том числе и человека [7]. В русле такой критики некоторых стереотипов религиозного сознания, критики, которая была чрезвычайно далека от того, чтобы поставить под вопрос саму религию и веру, вливается и возмущенное отрицание Щербатовым многих народных суеверий, религиозно-антропологических предрассудков. Историческая деятельность Петра I по искоренению последних получила высокую оценку Щербатова [18].

Таким образом, Щербатов, будучи объективным идеалистом по мировоззрению, в изложении своих взглядов тяготел к внецерковным формам религиозности и, в отличие от масонства в целом, отрицательно относился к мистицизму, алхимии и сложной ритуально-магической обрядности.

Философские воззрения Щербатова в контексте духа Просвещения в общем и в некоторых частностях противоречивы, а порой и эклектичны. Как отмечал А.И. Герцен «Щербатов часто впадает в противоречия и просто ошибки» [8, с. 275]. Религиозно-идеалистические по своей внутренней сути, глубоко реакционные, направленные на защиту крепостного права, эти воззрения излагались под сильным воздействием некоторых полярных идей исходя из всего массива европейского Просвещения. Именно поэтому щербатовские оценки Ф. Бэкона, Д. Локка и французских просветителей XVIII века, так же, как и их реальное влияние на его творчество, носили противоречивый характер [21, с. 185-186]. Кроме

того, Щербатов широко заимствовал и довольно гибко использовал достижения антидогматической философии и естествознания Нового времени. Как указывал И.Я. Щипанов, «Щербатов выступал во второй половине XVIII века, когда невозможно уже было игнорировать научные открытия в области естествознания» [25, с. 371].

В своей статье «О пользе наук» М.М. Щербатов подчеркивал важность открытий И. Ньютона, Г. Галилея, Э. Торричелли, И. Кеплера», отмечая как несомненное достоинство использование ими «математических методов в познании», которым русский князь придавал универсальное значение [24, т. 1, с. 295]. Здесь интересно отметить его высокую оценку теоретической деятельности Р. Декарта, которая при всей реакционности взглядов Щербатова в чем-то перекликалась с мнением М.В. Ломоносова о великом французском мыслителе [17, с. 135]. Щербатов писал, что Р. Декарт «первый силою своего рассудка дернул школьную философию испровергнуть науча нас сомневаться и искать доказательств, открыл нам путь к истине» [24, т. 2, с. 606]. Положительную его оценку получили, кроме того, и отдельные идеи Д. Локка, которого Щербатов в работе «Размышления о самстве» называет «наилучшим метафизиком» [24, т. 2, с. 573].

Занимаясь просвещенческой деятельностью Щербатов переводил на русский язык сочинения П. Гольбаха, в частности «Естественную политику», философическую поэму А. Попа «О человеке», а также Фенелона и Вольтера; переводил, тщательно изучал, а порой и заимствовал идеи Ш.Л. Монтескье и Д. Юма [16, 24]. Активно сотрудничал М.М. Щербатов и в журнале «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие», для которого в период с 1759 по 1761 г. подготовил семь переводных статей.

Чуть позже знакомство с Г.Ф. Миллером, его наставления подтолкнули князя к изучению и написанию истории собственной страны – «Истории Российской с древнейших времен» [23]. В 1767 г. по рекомендации Миллера Екатерина II назначила Щербатова на должность историографа, что во многом предопределило его последующую научную судьбу, а также оформление его просветительских взглядов. Трудам и воззрениям князя Щербатова была свойственна рационалистическая точка зрения. С этой позиции личность являлась творцом истории, а ход событий объяснялся как результат сознательной деятельности этой личности. Щербатов М.М. выступал идеологом родовитого дворянства и сторонником ограничения абсолютизма знатью. Задачу исторического исследования Щербатов усматривал в раскрытии закономерного хода общественного и политического развития, в установлении причинной связи событий, проливающей свет на прошедшее, позволяющей лучше ориентироваться в настоящем и в известной

степени предвидеть будущее.

Призмой, сквозь которую Щербатов-историк рассматривал сферу исторического действия, оказывается изначально заданная, на все времена «человеческая природа» в своей абстрактной неизменности: «Можно сказать, что хотя науки, просвещение и самый закон, многое, кажется, в наших нравах переменили, но внутренность человека есть всегда одинакова, и каковы зрим мы приключения в древних народах, то не должно удивляться, если видим и в нынешних, а что касается до простого народа, то можно еще в нем и более сходства с теми сыскать» [26]. Основывая достоверность исторического исследования на неизменности, а, значит, неисторичности человеческой природы, Щербатов воспроизводил просветительско-утопическую парадигму постижения истории.

Интересны суждения М.М. Щербатова о сущности человека и его природе. В своих работах «О пользе наук» и «Размышление о самстве» М.М. Щербатов касается вопросов, связанных с познанием человека. Важность и значимость рассмотрения о человеке с точки зрения познания и понятия Щербатов подчеркивает постоянно. Если воспитание, как утверждали европейские просветители, «делает» человека, то Щербатов признает главным продуктом воспитания – способность объективного самопознания, а на его основе – самовоспитания. Во многом данный аспект является ключевой идеей воспитания личности эпохи Просвещения [24, т. 2. с. 255-257]. Так, в сочинении «Письмо к вельможам» он бросает обвинение высшим чинам феодально-бюрократического Российского государства как раз в отсутствии у них критического самопознания: «Не природа есть причина ваших пороков, но незнание самого объяснения вашей должности, забвение самих себя и страсти ваши, иже соделывают из вас не людей, но неких чудовищ» [24, т. 2. С. 358]. Столь большое морально-психологическое, социальное и философское значение, которое придает Щербатов познанию человеком самого себя, проявляется и в том, что он специально выделяет общие принципы, подходы к анализу человека, основываясь на достижения философии европейского Просвещения.

С одной стороны, описывая жизнь и смерть человека, он обращается к достоверным положениям естествознания, старается «взять себе в проводники науку и наивернейшие испытания» [4, с. 105]. С другой стороны, он призывает полагаться на «благость Божию» в познании человека и природы человеческой души: «Я во все времена моей жизни полагался на благость Божию и бессмертие души почитал яко драгоценный дар нашего создателя» [24, т. 1. с. 318]. В уста Никиты Федоровича Коквинского – персонажа его философического «Разговора о бессмертии души» Щербатов вкладывает немалую долю сомнения в правомерности научной постановки проблемы человека, и прежде всего важнейшего вопроса о природе человеческой души, сознания в отношении к телу и его органам. «Как возможно, - говорил он, - чтобы через науку, имеющую себе в предмет единые тела, могли до познания не вещественные вещи достигнуть?» [24, т. 1. с. 364-365].

Затрагивая проблему взаимного сосуществования человека и государства, в контексте духа Просвещения, М.М. Щербатов уделял внимание правовым аспектам государства, как института; социокультурному развитию человека в государстве. Он полагал, что только орган законодательной власти, при законотворчестве обязан учитывать географическое положение государства, обычаи и нравы народов России, конфессиональные основы. Изучая природу государства и его институты М.М. Щербатов выделил свойственные пороки структуры: взяточничество, казнокрадство, нарушение иерархической субординации в системе управления.

Таким образом, просветительские идеи М.М. Щербатова находят свое отражение фактически в каждом его произведении. Влияние философии европейского Просвещения способствовало М.М. Щербатову подходить к рассматриваемым проблемам в духе рационалистического объективизма, при этом учитывать нравы просветленного абсолютизма екатерининской эпохи. Несмотря на то, что М.М. Щербатов и не являлся философом, достаточно основательно и результативно он обращался к проблемам философии культуры и истории, философской антропологии, философии религии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Н.Н. Российская империя в ее исторических истоках и идеологических предпосылках. Отдел третий: Политическая идеология различных классов русского общества в XVIII в. // Русский исторический журнал М., 1999. Т. II. № 3. – С. 117-156.
2. Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1985. – 272 с.
3. Артанухин С.В. Философские и общественно-политические взгляды русских масонов второй половины XVIII первой четверти XIX вв.: Дис. насоиск. уч. ст. доктора филос. наук. Екатеринбург, 1996. – 391 с.
4. Артемьева Т.В. История метафизики в России в XVIII веке. СПб., 1996. – 215 с.
5. Артемьева Т.В. Новая Атлантида Михаила Щербатова // Вопросы философии. 2000. № 10. – С. 104108.
6. Артемьева Т.В. Теория «Естественного права» как философское основание русской социально-политической мысли второй половины XVIII в. // Философия и освободительное движение в России. Межвузовский сборник. Л., 1989. – С. 115-129.

7. Болдырев А.И. Проблема человека в русской философии XVIII века. М., 1986. – 122 с.
8. Вагеманс Э. К истории русской политической мысли: М. М. Щербатов и его «Путешествие в землю Офирскую» // Русская литература. 1989. № 4.
9. Герцен А.И. Собрания сочинений Т. XIII. М., 1958. – 451 с.
10. Дмитриева И.А. Щербатов Михаил Михайлович (1733–1790) // Историки России: Биографии. М., 2001. – С. 41-47.
11. Дьяконов М.А. Выдающийся русский публицист XVIII века // Вестник права. 1904. Кн. 7. – С. 1-27.
12. Ермичев А.А. Имена и сюжеты русской философии. СПб., 2014. 285 с.
13. История философии в СССР. В 5-и т. Т. 2. М., 1968. – 719 с.
14. Калинина С.Г. Государственная деятельность М. М. Щербатова: идеи и практика. 1767-1790 гг.: Дис. На соиск. уч.ст. канд. ист. наук. М., 2004. – 194 с.
15. Калинина С.Г. Историографические проблемы изучения жизни и творческого наследия князя М.М. Щербатова // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания. М., 2002. – С. 233-237.
16. Калинина С.Г. Проблемы реконструкции биографии князя М.М. Щербатова // Архив русской истории. М., 2002. Вып. 7. – С. 125-148.
17. Козлова М.И. Изучение творчества М.М. Щербатова советской историографией // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. № 11 (25). В 2 ч. Ч. I. – С. 92-94.
18. Ломоносов М.В. Избранные философские произведения. М., 1950. – 687 с.
19. Назаренко Б.А. Государственно-правовые взгляды М.М. Щербатова (Историко-правовое исследование). Автореф. канд. дис. М., 2009. – 22 с.
20. Посконин В.В. Естественноправовые воззрения М.М. Щербатова и А.П. Сумарокова // Известия ВУЗов. Правоведение. 1980. № 6. – С. 58-64.
21. Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941. – 642 с.
22. РустамЗаде З.П. М.М. Щербатов, его публицистические и литературно-художественные произведения: Дис. На соиск. уч. ст. канд. филол. наук. Л., 1967. – 294 с.
23. Серенченко Н.В. Консерватизм князя М.М. Щербатова // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. М., 2006. Ч. 3. – 251 с.
24. Федосов И.А. Из истории русской общественной мысли XVIII столетия. М., 1967. – 293 с.
25. Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. СПб, 1770-1791. Т. 1-7.
26. Щербатов М.М. Сочинения в 2-х т. Т. 1. 647 с. Т. 2. 692 с. СПб., 1898.
27. Щипанов И.Я. Общественно-политические и философские воззрения русских просветителей второй половины XVIII в. В кн.: Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР. В 2-х т. Т. 2. М., 1955. – 751 с.
28. Щербатов М.М. Краткая повесть о бывших в России самозванцах. СПб., 1774.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Алтайский государственный педагогический университет

РОЛЬ НОВЕЙШИХ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

THE ROLE OF THE LATEST DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE TRANSFORMATION OF SOCIAL SPACE

M. Yatsenko
S. Maximov
N. Ravochkin
A. Vysotskaya
D. Rakhinsky

Summary: The article examines the ambiguous role of information technology in modern society. The authors focus on those factors that lead to structural changes in society. It is shown that the expansion of the communicative opportunities, which is observed in the modern world thanks to digital technologies, has the opposite side. Violation of traditional public relations can provoke potential conflicts in society. Most often, such trends are manifested in relations between representatives of different generations. In addition, the active implementation of digital technologies can aggravate social inequality. The article covers how the latest information technologies provoke social tension. It, in particular, is due to the impossibility of the state to provide all citizens with equal access to information resources. It is shown that the pursuit of efficiency leads to the fact that modern media often sacrifice the truth of information.

Keywords: the latest digital technologies, transformation, social space, structural changes in society, social tension.

Введение

Неоднозначность информационных процессов актуализирует проблемы, связанные многообразием современных социальных систем, а также детермини-

- Яценко Михаил Петрович**
доктор философских наук, профессор, Сибирский
федеральный университет (г. Красноярск)
mikhailyatzenko@yandex.ru
- Максимов Сергей Владимирович**
доктор философских наук, доцент, Сибирский
федеральный университет (г. Красноярск)
maxserge@mail.ru
- Равочкин Никита Николаевич**
доктор философских наук, доцент, Кузбасская
государственная сельскохозяйственная академия
(г. Кемерово);
Кузбасский государственный технический университет
имени Т.Ф. Горбачева (г. Кемерово)
nickravochkin@mail.ru
- Высоцкая Анжелика Владимировна**
Красноярский краевой центр медицинского образования»
(г. Красноярск)
vav2407@mail.ru
- Рахинский Дмитрий Владимирович**
доктор философских наук, доцент, Красноярский
государственный медицинский университет имени
профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого (г. Красноярск);
Красноярский государственный аграрный университет
(г. Красноярск)
siridar@mail.ru

Аннотация: В статье исследуется неоднозначная роль информационных технологий в современном социуме. Авторы акцентируют внимание на тех факторах, которые приводят к структурным изменениям в обществе. Показано, что расширение коммуникативных возможностей, которое наблюдается в современном мире благодаря цифровым технологиям, имеет и обратную сторону. Нарушение традиционных общественных связей может провоцировать потенциальные конфликты в обществе. Чаще всего подобные тенденции проявляются в отношениях между представителями разных поколений. Кроме того, активное внедрение цифровых технологий может усугублять социальное неравенство. В статье освещается, как новейшие информационные технологии провоцируют социальную напряженность. Она, в частности, обусловлена невозможностью государства обеспечить всем гражданам равный доступ к информационным ресурсам. Показано, что погоня за оперативностью приводит к тому, что современные СМИ часто приносят в жертву истинность информации.

Ключевые слова: новейшие цифровые технологии, трансформация, социальное пространство, структурные изменения в обществе, социальная напряженность.

рует увеличение количества научных школ, описывающих их. Социально-философский анализ перспектив цифровизации социального пространства, а также ограничений, возникающих на этом пути, приобретает особую актуальность на фоне становления информационного общества.

В современных изменившихся социально-экономических и общественно-политических условиях актуализируются проблемы, связанные с переосмыслением, а также интерпретацией социокультурных смыслов и стереотипов деятельности людей. Указанные процессы привели к усложнению предметных областей социального знания и свидетельствуют об изменениях в жизни людей, которые создают новую сущность общества, названного информационным.

Влияние цифровых технологий на социальное пространство тесным образом связано с формированием информационного общества, поэтому проблематика, связанная с ним относится к пространству дискурса модерна. Подобный подход предполагает обращение не только к экономическим категориям, но также к языкам коммуникации, которые проявляются в новоявленных технологических процессах. Это обусловлено тем фактом, что активизации социальных институтов в значительной мере обусловлена слиянием телекоммуникационной, компьютерно-электронной и аудиовизуальной техники, что создало бы условия для формирования единой информационной системы.

Ускоренное развитие процессов информатизации на базе цифровизации свидетельствует о научно-техническом прогрессе в социогуманитарной сфере общества, который принято рассматривать в качестве позитивного примера в развитии современного человечества. Тем не менее, многие проявления подобных тенденций несут в себе неоднозначные последствия. Во многом это обусловлено тем фактом, что на основе внедрения информационных технологий формируются новые субъект-объектные отношения, которые влекут за собой кардинальные изменения в социальном пространстве конкретного социума, вплоть до потери традиционных связей между поколениями. Именно поэтому многие социологи с тревогой констатируют, что распространяющаяся цифровизация окружающего пространства, включая членов общества, создает условия для массового общества, однако не способствует формированию личностей. Сегодня наблюдается профанация не только процесса образования, но также и каких-либо воспитательных акций, потому что современные гаджеты часто нивелируют роль учителя, создавая у учеников иллюзию того, что они обладают «опережающим знанием», поэтому не нуждаются в выстраивании традиционных субъект-объектных отношений на уровне конкретной образовательной системы.

Кроме того, гаджеты активно проникают во все социальные институты, часто нарушая деятельность традиционных социальных структур. Подобные тенденции ставят вопрос о насущной необходимости изменения традиционной информационной политики в всех сферах социального бытия.

Исследование же роли новейших цифровых технологий в тех изменениях, которые наблюдаются в современном социальном пространстве, затруднено, поскольку полноценный анализ подобных тенденций требует привлечения различных наук.

Постановка задачи

Возрастание информационных потоков в современном мире привело, в частности, к росту активности гражданского общества в России, что повлекло за собой необходимость кардинального пересмотра сущности и роли социальных институтов в нашей стране. Подобная деятельность подразумевает не только анализ собственного социально-исторического опыта, но также учет положительных сторон развития других обществ.

Цифровизация способствует оперативной фиксации и заимствования опыта, который транслируется различными социальными системами, что создает условия для выбора каждым обществом адекватного исторического пути, а также выработке механизмов реализации поставленных целей. Интенсивное развитие информационных технологий способствует взаимообмену между различными обществами, хотя этот процесс обусловлен многими субъективными факторами и объективными условиями. Однако, как правило, на этом пути в качестве препятствий всегда находятся определенные аксиологические установки, которые не всегда удается решить при помощи новейших информационных технологий, которые оказывают значительные воздействия на деятельность всех социальных институтов, что приводит к изменению традиционных субъект-объектных отношений. Кроме того, в результате интенсивного использования гаджетов на всех уровнях социальной действительности приводит к виртуализации традиционных социальных коммуникаций. Социальные трансформации, детерминированные информационными технологиями, все чаще рассматриваются как одна из самых заметных катастроф современного человечества, потому что в результате деформации традиционного социального пространства размывается фундамент, на котором формируется социокультурная идентичность не только отдельной личности, но также всего социума. Кроме того, многие философы говорят об опасной тенденции, связанной с обесмысливанием сложившейся системы ценностей, без которых общество теряет свой вектор развития.

Результаты исследования

Каждый социум обладает своеобразием, которое проявляется в определенных коммуникативных сетях, способствующих развитию перспективных стратегий в области управления. Однако современное сетевое общество, которое включает в себя различные коммуникативные стратегии, представляют собой манипулятивные

практики различного уровня, предпринимаемые для разрушения сложившейся системы ценностей, благодаря которой общество в состоянии не только выжить, но также иметь перспективы для полноценного развития.

Кроме того, в результате засилья современных цифровых ресурсов, которые создаются в различных форматах, как правило, не учитываются особенности сложившегося социального бытия, а также конкретные потребности пользователей. Господство подобных информационных ресурсов приводит к примерам хаотизации в деятельности определенных социальных институтов, а также к нарушению единых принципов сосуществования людей в конкретном социуме. Подобные практики приводят к размыванию социального пространства, что приводит к далеко идущим последствиям не только в социокультурном аспекте, но также с геополитических позиций. Именно поэтому вопрос о влиянии новейших информационных технологий на формирование того или иного социального пространства требует постоянного внимания исследователей. Дело в том, что кардинальные изменения, наблюдающиеся в современной социальной сфере, могут оказать заметное влияние на становление страны как потенциального геополитического субъекта, что особенно актуально в условиях хаотизации отношений между странами и фактического игнорирования системы международного права. Можно утверждать, что засилье информационных технологий в современном социальном пространстве имеет не только положительные последствия, но также ряд негативных результатов, вплоть до утраты государством полного или частичного суверенитета.

Анализируя влияние цифровых технологий на конкретное общество, мы исходим из того факта, что социальное пространство представляет собой многоуровневую структуру. С одной стороны, любое общество рассматривается в качестве консервативной сферы жизнедеятельности, которая базируется на традиционных механизмах передачи традиций, норм, а также исторического опыта подрастающим поколениям. С другой стороны, любое общество ориентировано на подготовку людей, способных выживать в будущем мировом сообществе, которое, несомненно, будет иметь принципиальные отличия от нынешнего мироустройства. В результате проявления этих противоречивых тенденций возникает непростая задача способствовать самореализации молодых специалистов и социализации их как членов общества в условиях господства новой информационной реальности.

Одним из важных последствий влияния новейших информационных технологий на социальное пространство являются процессы виртуализации, значительно изменившие деятельность конкретных социальных институтов. Изменение форм социализации,

обусловленное возможностью решения насущных проблем дистанционным путем, не только положительным образом сказалось на представителях отдельных категорий населения, но также породило новые вопросы. Особенно насущным становится вопрос о необходимости изменения традиционной информационной политики в социальной сфере, поскольку она должна выступать как система, где взаимодействуют различные социальные элементы.

Еще один важный аспект, связанный с внедрением цифровых технологий в социальное пространство, обусловлен особым типом рациональности. Хотя любой тип научной рациональности изменяется, однако сама рациональность остается всегда востребованной для понимания особенностей влияния новейших информационных технологий на социум.

В результате цифровизации всех сфер социальной жизни аксиологическая рефлексия, имманентно присутствующая на всех уровнях субъект-объектных отношений, в состоянии дать новые представления о связи истинности и нравственности, что характеризовало, например, традиционные восточные культуры. Рефлексивные отношения к базисным ценностям конкретного социума во многом также обусловлены влиянием цифровых технологий, проявляющемся в разных формах технологической деятельности.

Кроме того, культ цифровых технологий приводит трансформация не только всего общества, но и конкретных его представителей. Имеется в виду тот факт, что использование новейших информационных технологий снижает роль руководителя, потому что в современном мире наблюдается постепенное размывание традиционных управленческих механизмов, характерных для конкретных обществ. Например, пределы цифрового образовательного пространства в конкретной социальной среде имеют свою специфику, поскольку в значительной степени обусловлены субъективным фактором, который определяет гносеологические особенности трансформации современной социально-гуманитарной сферы.

Процесс цифровизации затронул сегодня значительную часть социального пространства, что создает угрозы для суверенитета любого общества, что непременно следует за потерей им социокультурной идентичности. По мнению некоторых авторов, жители северных территорий России смогли пережить кризис 90-х годов: «Находясь на достаточном удалении от крупных поселков и городов, они в меньшей степени подверглись ассимиляции» [7, с. 24]. Можно также утверждать, что подобные процессы значительно ускоряются по мере того, как конкретную территорию начинают охватывать всеобщая цифровизация.

Однако «для решения глобальных проблем обеспечения информационной безопасности человечеству потребуется сформировать новую систему правовых отношений в информационной сфере общества, потому что надежды на формирование единой культуры, а тем более, на создание планетарное мегаобщество оказались иллюзорными» [5, с. 76]. Актуальность проблем, связанных с влиянием современных информационных технологий, и необходимость их скорейшего решения цивилизованными методами требует понимание того факта, что для современного социального пространства характерны новые угрозы. Действительно, информационная преступность, информационная агрессия и информационная война в современном мире уже являются признаками любого социального пространства.

Сформировавшееся электронное социальное пространство является важной составной частью жизнедеятельности социума, однако современные медиаресурсы, представляемые в основном СМИ, ориентированы на создание некоего индивида потребительского типа, при этом часто игнорируется духовный потенциал общества. Подобная информационная политика предполагает прямое искажение реальных фактов, а «следствием подобной политики является формирование нового образа современных СМИ, которые исключают альтернативную точку зрения. Кроме того, коммерциализация медиасредств приводит к тому, что разрушаются морально-нравственные и культурные формы поведения. Низкий этический уровень исторической информации приводит к тому, что современное состояние медиапространства предполагает соответствующий контроль не только со стороны государства, но также и со стороны соответствующих педагогических структур» [1, с. 88].

Распространяющаяся цифровизация социального пространства приводит к его трансформации, что усугубляется системным кризисом, который порожден техногенным характером западной цивилизации, базирующейся на рациональной индивидуалистической основе. Можно утверждать, что именно цифровизация способствует формированию потребительского характера в качестве ведущего вектора развития человеческой цивилизации. На эту особенность справедливо указывает Р. Саква: «... отстаивание и продвижение собственных ценностей – это неотъемлемая часть современных международных отношений, однако зачастую гуманитарная повестка дня отходит на задний план ввиду стремления государств к достижению совместных целей и налаживанию взаимовыгодного сотрудничества. Однако в условиях постбиополярного мира подобная тенденция не просматривалась, ввиду чего радикализация принципов евроатлантического сообщества, касавшихся экспорта демократии и повсеместной защиты прав человека, не могла не вызвать ответную реакцию со стороны России, что приве-

ло в итоге к прямо противоположным по отношению к первоначально заявленным результатам – а точнее, к ослаблению привлекательности демократии...» [11, с. 61]. По мнению А.Н. Чумакова, «в конечном счете все есть не что иное, как наши попытки схематизировать живой процесс, в котором разворачиваются исторические события, то есть это стремление описать развивающуюся систему в «застывших» понятиях. И если не принимать во внимание определенную условность таких подходов, их неизбежный схематизм и упрощение сложнейших динамических процессов, которые они призваны адекватно отразить, то легко впасть в заблуждение относительно истинных векторов общественного развития» [12, с. 38].

Цифровизацию можно рассматривать как объективный процесс, который приводит не только к трансформации социального пространства, но также способствовать переходу к ноосферной цивилизации. «Этого мы ждем в новых направлениях цивилизационного развития, в таких областях, как взаимодействие общества с природой; производство продуктов шестого-седьмого технологического укладов; нано- и биотехнологии, генная инженерия, информатизация, космическая технология, искусственный интеллект, роботизация, солнечная и водородная энергия, телепортация атомов, магнетизм и др. На основе интеграционных преобразований, возможно, естественных и гуманитарных наук, при осуществлении междисциплинарных исследований и проектов в мире появятся новые открытия. след за эрой цифры, возможно, наступит эра разума, то есть человечество достигнет высшего уровня мышления, интеллектуального и культурного развития, в результате чего откроется путь к новой цивилизации ноосферного развития» [10, с. 119].

Альтернативный вариант развития общества направлен на создание таких условий жизни, когда удовлетворение потребностей человека за счет природных ресурсов не подрывает при этом целостность и стабильность природной системы. Трудно не согласиться с мнением Герасимова, согласно которому «социальная политика конструируется с помощью событийного ряда, часть которого порождается или комментируется политиками. Все события в социальной реальности находят отражения в нарративах. Нарративы рождаются, трансформируются и исчезают в пространстве публичных коммуникаций» [4, с. 10-11]. Подобные процессы не могут реализовываться вне современных технологий, одной из отличительных черт которых является цифровизация, охватывающая все стороны социального пространства.

Выводы

Кризисные тенденции последних десятилетий свидетельствуют о том, что человечеству необходи-

мо решать острые проблемы, связанные с влиянием новейших цифровых технологий на социальное пространство, поскольку они во многом определяют сущность современной эпохи. Однако общество со-зидания как социальное объединение, сформировавшееся на принципиально иных базисных установках с применением новейших информационных технологий, может быть создано и сохраниться только при условии следования традиционным ценностям, кото-

рые на протяжении столетий способствовали его выживанию и развитию.

Исследование особенностей влияния новейших информационных технологий на конкретное общество предполагает диалектический подход, поскольку включает в себя, с одной стороны, конкретную общественную систему ценностей, а с другой – обусловлено универсализацией социального пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеева, Е.А. Медиаобразование как ответ на вызовы нашего времени / Е.А. Авдеева // *Философия образования*, 2015. – № 2 (59). – С. 85-92.
2. Актуальные психолого-педагогические, философские, экономические и юридические проблемы современного российского общества: Коллективная монография. Выпуск 4. / Л.Ю. Айснер, Н.А. Гончаревич, Е.А. Ерахтина [и др.]. // Ульяновск: ИП Кеньшенская Виктория Валерьевна (издательство «Зембра»), 2019. – 490 с.
3. Власюк, Н.Н. Аксиологизация мирового образовательного пространства – путь к новой цивилизации / Н.Н. Власюк // *Профессиональное образование в современном мире*, 2014. – № 4 (15). – С. 5-14.
4. Герасимов, С.В. Сторителлинг политических лидеров как инструмент символической политики / С.В. Герасимов, П.А. Терещенко // *Дискурс*, 2020. – Т. 6. – № 3. – С. 5-20.
5. Кесседи, Ф.Х. Глобализация и культурная идентичность / Ф.Х. Кесседи // *Вопросы философии*, 2003. – № 1 – С. 76-79.
6. Кудашов, В.И. Аксиологические трансформации в глобальном образовании как следствие информационных технологий / В.И. Кудашов, С.И. Черных, М.П. Яценко, Д.В. Рахинский // *Профессиональное образование в современном мире*, 2017. – Т. 7. – № 2. – С. 968-975.
7. Лещинская, Н.М. Традиционная экономика коренных народов Северной Азии, проживающих в зонах с экстремальным климатом / Н.М. Лещинская, Е.А. Сертакова, Э.В. Пашова // *Сибирский антропологический журнал*, 2021. – Т. 5. – № 1. – С. 20-29.
8. Рахинский, Д.В. Глобальное образование: отечественные аспекты проблемы / Д. В. Рахинский // *Научно-информационный журнал Армия и общество*, 2015. – № 3 (46). – С. 122-126.
9. Рахинский, Д.В. Информатизация системы народного образования (Социально-философский анализ): специальность 09.00.11 «Социальная философия»: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Д.В. Рахинский // Красноярск, 2003. – 127 с.
10. Сабден, О.С. Мировая цивилизация и модернизация общественного развития / О.С. Сабден // *Век глобализации*, 2021. – № 1 (37). – С. 116-128.
11. Саква, Р. Постъевропейский мир, или Что нас ожидает после инволюции Европы? Монизм и отношения с Россией. Часть 2 / Р. Саква // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*, 2019. – Т. 19. – № 1. – С. 59-76.
12. Чумаков, А.Н. Культурно-цивилизационные исследования: их роль и ценность в глобальном мире / А.Н. Чумаков // *Вестник Московского университета. Серия 27 «Глобалистика и геополитика»*, 2018. – № 1. – С. 30-44.

© Яценко Михаил Петрович (mikhailiyatzenko@yandex.ru), Максимов Сергей Владимирович (maxserge@mail.ru),
 Равочкин Никита Николаевич (nickravochkin@mail.ru), Высоцкая Анжелика Владимировна (vav2407@mail.ru),
 Рахинский Дмитрий Владимирович (siridar@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

- Alizade A.** – PhD student, Azerbaijan State University culture and arts, Baku
- Arkabayeva G.** – Master of Philology Sciences, Lecturer, Kazakh National Conservatory named after Kurmangazy
- Avanesov V.** – Armovir State Pedagogical University
- Batueva N.** – State Budgetary Healthcare Institution "Republican Neuropsychiatric Dispensary" of the Ministry of Health of the Republic of Buryatia, Ulan-Ude, Russia
- Berezantsev A.** – State Budgetary Healthcare Institution of the Moscow region «Central Clinical Psychiatric Hospital named after F.A. Usoltsev», Moscow, Russia
- Bergfeld A.** – Candidate of Psychological Sciences, associate Professor, Perm State University
- Chabelets E.** – student, Donbass Agrarian Academy
- Chernyshev V.** – Candidate of Pedagogical Sciences, Pacific State University
- Chizhova K.** – PhD, Associate Professor, Moscow Institute of Psychoanalysis
- Formakidov D.** – Doctor of Law, associate Professor, Perm State University
- Gaponenko T.** – Professor, the honored artist of Russia, Victor Popov Academy of Choral Art
- Grigoryan M.** – post-graduate student, Academy of National Economy and Public Administration (The Presidential Academy, RANEPА)
- Jiang Chen** – Associate Professor, Heihe University
- Kolesnikova G.** – Candidate of Psychological Sciences, Pacific National University, Khabarovsk
- Komissarenko S.** – Doctor of Culturology, professor, Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, honorary worker of higher education of Russia

Our authors

- Kostyuk E.** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions
- Liu Xinxin** – Docent, Changchun Guanghua University
- Maximov S.** – doctor of philosophy, associate professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk)
- Miao Jianzhong** – postgraduate student, Far Eastern Federal University
- Rakhinsky D.** – doctor of philosophy, associate professor, Krasnoyarsk State Medical University named after Professor V.F. Voino-Yasenetsky (Krasnoyarsk); Krasnoyarsk State Agrarian University (Krasnoyarsk)
- Ravochkin N.** – doctor of philosophy, associate professor, Kuzbass state technical university named after T.F. Gorbachev; Kuzbass state agricultural academy
- Ryadinskaya E.** – Doctor of Psychology, Associate Professor, Donbass Agrarian Academy
- Shevchenko A.** – PhD student, Lomonosov Moscow State University
- Skopa V.** – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Altai State Pedagogical University (Barnaul)
- Suleeva G.** – Candidate of Philology Sciences, Professor, Kazakh National Conservatory named after Kurmangazy
- Timoshkov E.** – senior lecturer, Pacific State University
- Tkach E.** – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Pacific National University, Khabarovsk
- Tudupova T.** – Federal State Budgetary educational institution «Buryat State University named after D. Banzarov», Ulan-Ude, Russia

Varnina A. – Senior Lecturer, G.I. Nevelsky Maritime State University

Vartanov A. – PhD in Psychology, Associate Professor, Researcher, Lomonosov Moscow State University

Volobuev V. – Candidate of Medical Sciences, Donbass Agrarian Academy

Vorozheikin S. – Adjunct, Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard of the Russian Federation

Vysotskaya A. – Krasnoyarsk Regional center of Medical Education (Krasnoyarsk)

Xi Junfei – Post-graduate student, School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University (Russia, Vladivostok)

Yatsenko M. – doctor of philosophy, professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk)

Yessetova A. – Candidate of Pedagogical Sciences, Docent, Kazakh National Conservatory named after Kurmangazy

Zaitseva S. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Moscow Higher School of Social and Economic Sciences

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).